

ФЕДЕРАЛЬНАЯ РЕЗЕРВНАЯ ПРОГРАММА
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИНТЕГРАЦИИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ»

Ф. И. АБДУЛЛАЕВА

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ПЕРСИДСКАЯ
ПОЭЗИЯ**

**ТЕКСТЫ,
ПЕРЕВОДЫ,
КОММЕНТАРИИ**

**ЦЕНТР
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Серия
«КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ
МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА»

под общей редакцией Е. А. Резвана

В данной серии вышли:

Е. А. Резван

Коран и его толкования
(Тексты, переводы, комментарии)

Ф. И. Абдуллаева

Персидская кораническая экзегетика
(Тексты, переводы, комментарии)

А. А. Хисматулин

Классическое суфийское сочинение
«Кймййā-йи са'адат» («Эликсир счастья»)
Абӯ Хāмида Муҳаммада ал-Газāли ат-Тўси
(1058—1111)

Ф. И. Абдуллаева

Средневековая персидская поэзия
(Тексты, переводы, комментарии)

Федеральная целевая программа
«Государственная поддержка интеграции
высшего образования и фундаментальной науки»

Ф. И. Абдуллаева

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ПЕРСИДСКАЯ
ПОЭЗИЯ**

(ТЕКСТЫ, ПЕРЕВОДЫ, КОММЕНТАРИИ)

Санкт-Петербург
2001

УДК 297.18
ББК Э 38-21я73

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федеральной целевой программы
«Государственная поддержка интеграции высшего образования
и фундаментальной науки»*

Ф. И. Абдуллаева. Средневековая персидская поэзия. (Тексты, переводы, комментарии). — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. — 208 с. (Серия «Культура и идеология мусульманского Востока», IV).

ISBN 5-85803-189-7

А 13

Редкий язык на протяжении шести веков смог подарить мировой цивилизации литературу столь яркую, многогранную и представительную, как персидский.

Необходимость появления хрестоматии вызвана парадоксальной ситуацией: поистине богатейшая поэтическая классика, преподаваемая в многочисленных вузах страны, не имеет учебных сборников современного уровня. Хрестоматии, ранее выходившие в свет трудами российских востоковедов, стали настоящей библиографической редкостью.

Россия и Иран на протяжении всей своей истории были связаны между собой не только общими границами, но и общностью двух культур, определявшейся взаимопроникновением и взаимовлиянием их литератур. Не случайно поэтому из всех восточных литератур именно персидская поэзия имела наибольшее количество русских переводов и подражаний в творчестве многих русских поэтов — от Пушкина и Жуковского до Есенина и Гумилева. Таким образом, мы располагаем не только оригинальными шедеврами персидского поэтического творчества, но и русскими переводами, которые являются в то же время прекрасными образцами отечественной поэзии. Именно такие переводы и помещены нами в разделе «Приложения».

Главным предметом рассмотрения в настоящем издании является придворная поэзия X—XI вв., поэзия бухарского и газнийского литературных кругов, а также творчество «независимых» поэтов, таких как Фирдоуси, и ученых-поэтов — Абу 'Али б. Сяны и 'Умара Хайяма. Мы намеренно оставляем вне рассмотрения суфийскую поэзию, для знакомства с которой необходимо специальное издание.

ISBN 8-85803-189-7

9 785858 031895

© ФЦП «Интеграция», 2001

© Ф. И. Абдуллаева, 2001

Зарегистрированная торговая марка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наступательный порыв мусульманских армий очень скоро выплеснул арабские завоевания далеко за границы Передней Азии. На огромном пространстве от Пиренеев до Памира на обломках государственных образований поздней античности возникали государства мусульманского средневековья. Для миллионов людей это означало достаточно быструю смену (в течение жизни двух-трех поколений) основных культурных ориентиров, в том числе системы письма и языка научного и культурного общения. Таким естественным образом становился язык священного Корана, арабский.

Казалось, перемены необратимы, но вскоре победа Аббасидов привела к оттеснению арабов в политической и военной областях. Противников арабов объединила *шу'убиййа* — идеологическое движение, направленное против арабской культурной гегемонии. На огромной территории бывшей Сасанидской империи неодолимо наступало время культурного возрождения, которое проявляло себя всюду — в становлении и укреплении шиитской ветви ислама, в зарождении миниатюрной живописи, в торжестве персидского языка, в развитии почерков, отвечавших местным эстетическим канонам, в интересе к героям иранского эпоса, и, наконец, в расцвете средневековой персидской поэзии, ставшей выдающимся вкладом Ирана в сокровищницу мировой культуры.

Настоящее издание имеет целью познакомить читателя с классическими образцами этой поэзии. На протяжении веков поэтическое творчество выдающихся поэтов персидского средневековья оказывало (и продолжает оказывать сегодня) самое серьезное влияние на формирование особенностей мировосприятия людей, живущих на огромном пространстве, — там, где чтят и понимают персидский язык. В то же время классическая поэзия — своеобразная «визитная карточка» иранской культуры, обращенная во-вне — Россию, Европу, Америку.

Книга смогла увидеть свет благодаря Федеральной целевой программе «Интеграция», задуманной как средство объединения усилий Академии наук и высшей школы в деле создания учебных пособий качественно нового уровня. Серия учебных пособий-хрестоматий под названием «Культура и идеология мусульманского Востока» объединяет общий методический подход, позволяющий значительно облегчить усвоение студентами лексики и понятийного аппарата групп сложнейших текстов, созданных на арабском и персидском языках в VIII—XX вв. Тестирование предложенной методики пока-

зало, что ее использование позволяет приступить к изучению текстов важнейших письменных памятников по крайней мере на полтора года раньше, чем при использовании традиционных подходов. Учебные пособия этой серии включают научно-методическое введение, публикацию текста на языке оригинала, полный или частичный параллельный комментированный перевод. Значительная часть представленных текстов иллюстрируется фрагментами рукописей, что позволяет включить в процесс усвоения материала знакомство с рукописной традицией. Каждая из хрестоматий является учебным пособием к отдельному спецкурсу.

Потребность в такого рода изданиях в настоящее время особенно очевидна. Россия исторически тесно связана с мусульманским миром, значительная часть ее населения исповедует ислам. Сегодня, когда в силу исторических обстоятельств исламский фактор как во внутренней, так и во внешней политике России играет все более важную роль, неизмеримо возрастает необходимость подготовки грамотных специалистов, способных в наступающем веке достойно представлять интересы России в исламском мире и решать сложные религиозные и национальные проблемы внутри страны. И то и другое невозможно без изучения базовых элементов культуры и идеологии мусульманских народов.

Работа студентов с данной хрестоматией предполагает последовательное сопоставление текстов оригинала и русского перевода. По нашему убеждению, чтение и усвоение в ограниченные жесткой учебной сеткой сроки сложнейших текстов, представленных в настоящей серии, возможно лишь при параллельном сопоставлении переводов с текстами оригинала.

Согласно условиям программы «Интеграция» тираж книги распределяется между основными российскими университетскими и академическими центрами. Однако мы убеждены, что очередной том серии будет интересен не только студентам и преподавателям, но и более широкому кругу читателей, всем тем, кто интересуется культурой и историей Ирана.

Авторы книг серии искренне благодарны читателям за многочисленные благожелательные отклики и конструктивные предложения, полученные после выхода в свет первых двух книг. Мы надеемся на продолжение сотрудничества не только с преподавателями, но и со студентами, использующими наши книги в своей работе и учебе. Известная арабская поговорка гласит, что у учеников можно научиться большему, чем у учителей. Уже сегодня совершенно ясно, что книги серии будут переиздаваться, и мы готовы к совместной работе по их совершенствованию. Мы всегда рады откликам наших читателей, которые можно посылать на имя авторов по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН (электронная почта: orient@ieos.spb.su; факс: (7-812)-311-51-01).

ВВЕДЕНИЕ

Как бы ни был широк круг интересующихся «золотым веком» персидской поэзии, я хочу заранее попросить у них прощения, начав это небольшое введение с поздравления тем, кому в первую очередь адресована эта книга. Дорогие студенты, которым судьба подарила возможность изучать персидский язык, благодаря чему вы сможете познакомиться с произведениями персидской классической поэзии не только в превосходных русских переводах, но и в том подлинном виде, в котором эти шедевры вошли в сокровищницу мировой литературы! Знакомясь с бесценными жемчужинами иранского гения, прошедшего тысячулетнюю проверку временем, вы превращаетесь из обычного посетителя музея в хранителя, который может не только созерцать драгоценности сквозь стекло витрин, но взять их в руки и примерить к своей душе. Но чем больше гордость от сопричастности великому искусству, тем больше должна быть ответственность за то, чтобы время на его изучение не было потрачено зря.

Необходимость появления настоящей хрестоматии вызвана парадоксальной ситуацией: поистине богатейшая поэтическая классика, преподаваемая в многочисленных вузах страны, не имеет учебных сборников современного уровня. Те же хрестоматии, что выходили в свет трудами российских востоковедов ранее, стали настоящей библиографической редкостью и не могут считаться учебником, но скорее удачной находкой антиквара¹.

Россия и Иран на протяжении всей своей истории были связаны между собой не только общими границами, но и общностью двух культур, определявшейся взаимопроникновением и взаимовлиянием литератур обоих наро-

¹ Недавно увидевший свет учебник по персидской литературе послемонгольского времени, созданный московскими коллегами, с успехом восполняет эту лакуну (*Ардашников, Рейснер*, 1996). Однако отсутствие оригинальных персидских текстов затрудняет непосредственное знакомство с творчеством тех поэтов, которым посвящена эта работа. Примером другого подхода к изданию хрестоматий можно назвать изданный стараниями ереванских коллег двухтомный сборник, в который вошли фрагменты поэтических и прозаических произведений как классических, так и современных персоязычных авторов (*Muntakhabat-i Mutun-i Farsi barā-yi Danishjūyān-i Kursi-yi Irānshināf-yi Dānishgāh-i Doulātī-yi Irān*. J. 1 (*Doure-yi Klāssik*); J. 2 (*Doure-yi Jadid*). Erevan, 1999). Однако этот сборник, составленный в традициях иранского литературоведения, рассчитан, в основном, на персоязычного читателя.

дов. Не случайно поэтому из всех восточных литератур именно персидская поэзия узнала наибольшее количество русских переводов и подражаний в творчестве многих русских поэтов — от Пушкина и Жуковского до Есенина и Гумилева. Поэтому в разделе «Приложения» мы поместили лишь художественные переводы персидских стихов, дабы с одной стороны читатель смог определить сам, насколько поэт-переводчик преуспел в передаче смысла и настроения произведения средневекового автора, а с другой стороны — сам смог попробовать собственные силы в переводческом искусстве, имея перед собой образцы настоящей русской поэзии.

К сожалению, строго ограниченный объем книги не позволяет подробно рассказать о творчестве каждого поэта, писавшего в этот период на персидском языке.

Целые поэтические объединения, составлявшие придворное окружение многих провинциальных правителей, ставшие объектом исследования многих поколений как иранских, так и западных ученых, остались вне рассмотрения. По свидетельствам авторов раннесредневековых сочинений к X—XI вв. кодекс молодого аристократа включал в себя комплекс разнообразных знаний, с помощью которых можно было сразить соперника и на поле брани, и в придворном собрании. Именно поэтому так высоко ценился поэтический дар и талант красноречия как столичными, так и удельными правителями, которые и сами нередко были прекрасно образованными и литературно одаренными людьми. Такой правитель мог по достоинству оценить подлинно талантливое произведение, способное прославить его на всю огромную империю как щедрого, мудрого и смелого царя-мецената, равно как и опозорить навеки.

Главным предметом рассмотрения в настоящем издании является придворная поэзия X—XI вв. бухарского и газнийского литературных кругов с ее традиционными жанрами — касыдой, газелью, руба'и, а также творчество «независимых» поэтов, таких как Фирдоуси. Мы намеренно оставляем вне рассмотрения суфийскую поэзию, для знакомства с которой необходимо специальное издание.

Пользуясь случаем, хочу выразить самую искреннюю признательность моим петербургским коллегам по университету и Институту востоковедения, автору проекта Е. А. Резвану, а также И. М. Стеблин-Каменскому, **В. В. Кушеву** и В. А. Дроздову, взявшим на себя труд прочесть рукопись книги и сделать ряд важных и ценных замечаний. Я благодарна моему неизменному редактору Е. М. Денисовой за терпение и помощь в подготовке обеих хрестоматий, вышедших в серии, а также моим студентам, многолетнее общение с которыми и побудило меня взяться за написание этой книги. Те недостатки, что неизбежно будут замечены искушенным и внимательным читателем, должны быть отнесены исключительно на счет автора, который будет рад исправить их в будущем.

Саманиды

Династия Саманидов (819—1005) стала синонимом культурного оазиса, то появляющегося, то исчезающего в бескрайних и безводных пустынях времени. На глазах одного поколения разрушались тысячелетние цивилизации и из небытия поднимались новые великолепные столицы мощных империй. Именно это ощущение непрочности кажущегося вечным так хорошо сформулировал в своей горестной *касыде* о старости Рӯдакй, прославивший род Саманидов в период его расцвета:

بسا شکسته بیابان که باغ خرم بود و باغ خرم کشت آن کجا بیابان بود

*Да, превратились цветники в безлюдные пустыни,
Но и пустыни расцвели, как цветники густые*¹.

Основателем династии считается Саман-худа, *диҳқан*² из Балхской области на севере Афганистана³. Саман-худа принял ислам, и четверо его внуков уже служили халифу ал-Ма'муну в Хорасане. За верную службу Нух получил в управление Самарканд, Ахмад — Фергану, Йахйя — Шаш, а Илийс — Герат. В 875 г. халиф ал-Му'таид назначает Нафра б. Ахмада наместником всей провинции. Хорошо организовав защиту Мавераннахра от вторжения степных тюрков-кочевников, Саманиды переходят к нападению на владения соседей, постепенно расширяя границы нового государства. В 893 г. Исма'ил б. Ахмад (892—907) совершает нападение на Талас, столицу карлуков за Сырдарьей. Главным достижением этого времени стал контроль, установленный Саманидами над безопасностью караванных путей, проходивших через всю Среднюю Азию. Основной статьей дохода государственной экономики становится поставка тюркских рабов-язычников для армий почти всех мусульманских правителей. К началу X в. Саманидский двор с заново отстроенной столицей Бухарой становится в халифате не только важным центром традиционной мусульманской науки, но и очагом шуубитского

¹ Перевод С. Липкина. См.: Рудака, 1964. С. 29.

² Диҳқан — аристократ, помещик, феодал.

³ Впоследствии генеалогия Саман-худа была возведена к Сасанидам.

движения, направленного на возрождение национальной культуры, в первую очередь литературы на новоперсидском языке.

В 900 г. эмир Исма'йл в результате успешной военной экспедиции захватывает в плен Саффаридского правителя Амра б. Лайса (879—901) и сразу же получает от халифа сертификат на наместничество в Хорасане — обширной провинции, находившейся под властью систанских правителей Саффаридов (867—1495) и Тахиридов (821—873). С этого времени в течение примерно 50 лет Саманидская империя, простиравшаяся от Хорезма до Индии, была самой могущественной державой на иранском востоке, пользовавшейся поддержкой халифа за стойкую приверженность правителей суннизму.

С середины X в. наметились тревожные для страны тенденции к раздроблению власти. Ряд дворцовых переворотов и восстаний в провинциях, главным образом в Хорасане, свидетельствовал о нарастающем стремлении феодальной аристократии к децентрализации и обретению независимости от столицы. Усилившиеся к этому времени Газневиды (977—1186) и Караханиды (992—1211) не могли не воспользоваться столь удачным моментом, и владения Саманидов были поделены между двумя этими династиями. Последний Саманид Исма'йл ал-Мунтафир (1000—1005), героически сражавшийся до своего последнего часа, был убит в 1005 г.

Расцвет персидской литературы в X в.

Долгое благополучное правление Саманидов, отмеченное отсутствием кровопролитных войн и подъемом экономики, создало благоприятные условия для развития в стране, в особенности в столице, всех сфер культурной жизни. Завоевание Ирана и Мавераннахра арабами на некоторое время приостановило, а в ряде случаев и оборвало развитие местных языков. Арабский язык, фактически ставший на территории халифата государственным, при Саманидах начинает сдавать свои позиции в пользу новоперсидского языка⁴, который с успехом заимствовал арабскую графику и даже всю арабскую систему стихосложения для воссоздания и развития своей собственной литературы. Разумеется, этот процесс был длительным, арабский по-прежнему оставался языком Священного Корана, относительное знание которого было обязательно как для каждого образованного и состоятельного аристократа, так и для любого верующего. Но постепенно иранские авторы, поначалу сами не признававшие за родным языком права на высокую литературу, начинают писать на персидском не только военные донесения, сводки о налогах, но и стихи (хотя еще в течение нескольких веков арабский язык занимал привилегированное положение

⁴ Мы отказались в нашей книге от названия *дари*, восходящего к *парси* или *фарси-йи дари* ('придворный персидский'), обозначавшего язык, на котором создавалась ранне-средневековая персидская поэзия, дабы у читателя не возникало ограниченных ассоциаций с государственным языком современного Афганистана.

ние в среде ученых). Первым точно датированным стихотворением на персидском языке обычно называют четверостишие-частьшуку анонимного автора, сочиненное по поводу поражения, которое потерпел в 725 г. халифатский наместник Хорасан Асад б. 'Абдаллах от горцев Хутталана:

از ختلان آمذیه برو تباه آمذیه
آوار باز آمذیه بیدل فراز آمذیه

*Из Хутталана ты пришел,
С опозоренным лицом ты пришел,
Разбитым ты снова пришел,
В ранах и худым ты пришел⁵.*

В этой песне еще нет рифмы, принцип ее сложения силлабический. Это типичный пример народного творчества. Однако почти с самого начала литература на персидском языке развивалась при дворах правителей и крупных феодалов. Именно жизнь при дворе освобождала поэта от необходимости заботиться о хлебе насущном, а порой становилась и способом приобрести целое состояние и высокое положение в обществе. Но жизнь при дворе предполагала такие сложные отношения между коллегами и с самим меценатом, иногда лишавшие художника возможности свободно отдаваться вдохновению и диктовавшие условия жизни и творчества. Тем не менее именно придворная поэзия X—XI вв. смогла подарить мировой цивилизации шедевры персидской литературы, отражающие непреходящие человеческие ценности.

К сожалению, сохранилось очень немного имен поэтов, которые слагали стихи на своем языке уже в IX в. Известно, что такие арабоязычные поэты, как Башшар б. Бурд и Абү Нувас, писали стихи также и по-персидски. Ханзала Бадгисй, автор не дошедшего до нас первого из известных персидского *dīvāna*⁶, служил при Тахиридах (821—873), которые первыми из восточноиранских династий добились значительной независимости от халифата. Его лирика может быть представлена таким *рубā'ī*:⁷

یارم سبند اگر چه بر آتش همی فکند از بهر چشم تا نرسد مرورا کزند
اورا سبند و آتش ناید همی بکار با روی همجو آتش و با خال چون سبند

*Милая бросала руту на закате дня,
Чтоб горела ярко рута, от заботы злой храня⁸.
Но зачем ей, право, рута, для чего огонь ей нужен —
Той, чья родинка — как рута, а лицо алей огня!⁹*

⁵ См.: Safa, 1992.

⁶ Диван — собрание поэтических произведений.

⁷ Руба'й — четверостишие, в котором обычно рифмуются 1-я, 2-я и 4-я строки.

⁸ Имеется в виду обычай окуривания для защиты от болезней или дурного глаза.

⁹ Перевод В. Левика.

При Саффаридах (867—1495) уже появляются профессиональные одописцы Мухаммад б. Васиф Сагзй, Бассам Курд Хәриджди и Мухаммад б. Мухаллад и лирики Махмуд Варрақ Харавй, Фйруз Машриқй и Абӯ Салйк Гургәни. Приведем миниатюру последнего:

Мәзһе дһл з мһн бдзр диди ай бһ лб қазы в бһ мڑкһн дзд
мзд хуаһы кһ дһл з мһн бйри айһн шкфтй кһ дид дзд бһ мзд

*Ты сердце унесла своим единым взглядом,
Твои уста — судья, но дерзкий тать твой взор.
Чем награжу тебя за похищение сердца?
И кто ж видал — о диво! — чтоб награжден был вор!*¹⁰

Однако настоящего расцвета поэзия достигает лишь в Бухаре при Саманидском дворе.

Рӯдакӣ

Почти все истории персидской литературы классического периода начинаются с упоминания имени «Адама поэтов» Рӯдакӣ (ок. 860—941). Как было отмечено выше, и до Рӯдакӣ были известны поэты, слагавшие на новоперсидском языке стихи, дошедшие до нас, к сожалению, лишь в виде небольших фрагментов. Творчество Рӯдакӣ также не пощадило время. Лишь малая часть его богатого литературного наследия доступна теперь нашим современникам. Однако феномен его гения будет неизменно ставить именно его имя в начало списка славных имен персидских поэтов, составляющих сокровищницу лучших образцов мировой литературы. Попробуем раскрыть некоторые тайны этого феномена. Абӯ 'Абдаллаҳу Джа'фар б. Мухаммад б. Ҳаким б. 'Абдаррахман б. Адам¹¹ Рӯдакӣ¹² Самарқандӣ родился около 249/860 г. в селении Руд, или Банудж¹³,

¹⁰ Перевод В. Левика.

¹¹ В такой передаче упоминает имя Рудакӣ автор антологии под названием «Ал-Ансаб» Сам'ани. По версии, имеющейся в других антологиях, таких как «Тазкират аш-Шу'ара» Даулатшаха Самарқанди и «Аташкада» Азарбикдили, Рудакӣ звали Абӯ-л-Ҳасан. См.: Safa, 1992. S. 371.

¹² Авторы упомянутых антологий Даулатшах Самарқанди и Азарбикдили, а вслед за ними и известный иранский литератор и литературовед С. Хедаят этимологизировали *лакаб* (прозвище) Рудакӣ как отражающее его искусное владение *рудом*, струнным музыкальным инструментом (см.: Safa, 1992. S. 372), однако сейчас ни у кого из исследователей уже не возникает сомнения в том, что это обычная *нисба*.

¹³ Именно в такой форме этот топоним упоминается у Сам'ани и у Йакута Хамави в «Му'дждам ал-Булдан». Это место также называют Пандж, возводя к названию современного кишлака Рудак-и Панджруд, Панджрудак или просто Панджруд — «Пятиречь». См.: Ajni, Dehoti. 1940.

находившемся в двух *фарсангах*¹⁴ от Самарканда¹⁵. Надо отметить, что сам Рӯдакӣ иногда пользовался своей *нисбой*¹⁶ как *тахаллусом*¹⁷:

در عشق چو رودکی شدم سیر از جان از کره خونین مژه ام شد مرجان

Я жизнью сыт в любви, подобно Рӯдакӣ,

Мои ресницы от слез кровавых в кораллы превратились...

О детстве и юности Рӯдакӣ сохранилось мало сведений. Можно предположить, что он был хоть и не знатного, но интеллигентного происхождения; его отец, очевидно, был сельским муллой или учителем в медресе. По свидетельству М. 'Ауфӣ, автора старейшей поэтической антологии «*Лубаб ал-Албаб*» («Сердцевина сердцевин»), составленной в 1221/22 г.¹⁸, Рӯдакӣ к восьми годам знал наизусть Коран, разумел грамоте и даже сам писал стихи. При этом он отличался весьма приятным голосом. Мальчика отдали учиться игре на *бәрбате*¹⁹ к известному во всей округе музыканту Абӯ-л-Абаку Бахтийәру, в чем Рӯдакӣ настолько преуспел, что слава его голоса и искусной игры на *бәрбате* достигла престола эмира Абӯ-л-Хасана Нафра б. Ахмада Самәни²⁰. Но до того как Рӯдакӣ станет придворным поэтом и *надймом*²¹ эмира Нафра, пройдут долгие годы.

Где получил Рӯдакӣ свое дальнейшее образование — неизвестно. Однако его произведения позволяют сделать заключение, что он обладал разносторонними и глубокими познаниями в философии, коранических науках, и в первую очередь в литературе как на персидском языке, так и на арабском.

جز به سزاوار میر گفت ندانم ور چه جریرم به شعر و طائی و حسان

سخت شکوهم که عجز من بنماید ور چه حریفم ابا فصاحت سبحان

Не могу я сложить стихов, достойных эмира,

Хоть в поэзии я — Джарйр²², Та'й и Хассан.

¹⁴ Фарсанг — мера длины, восходящая к измерению дневного перехода каравана от стоянки к стоянке, равняется примерно 6 км.

¹⁵ В настоящее время это селение находится на территории Пенджикентской области Таджикистана.

¹⁶ Нисба — антропоним, имя, указывающее на происхождение его носителя. Подробнее см.: Гафуров, 1987. С. 102—103.

¹⁷ Тахаллус — литературный псевдоним.

¹⁸ Aufi, vol. 1—2, 1903.

¹⁹ Барбат — вид струнного инструмента.

²⁰ Ibid. Vol. 2. P. 6—7.

²¹ Надям — придворный, член ближней свиты правителя. *Надймом* мог быть как аристократ по крови, так и представитель более низкого происхождения, но отмеченный талантом поэта, ученого, музыканта. Подробнее см.: Сиагат-нама. С. 94—96; Вержейкина, 1984. С. 144—145; Рейснер 2. С. 102.

²² Джарйр — знаменитый арабский поэт VII—VIII вв. Та'я — Абү Таммам Аусат Та'я (ум. 231/845), арабский поэт. Хассан — Хассан б. Сабят, арабский поэт, совре-

*Я очень опасаясь того, что обнаружится моя слабость,
Хоть в красноречии я — достойный противник Сахбану*²³

Далее 'Ауфй отмечает очень важный в биографии поэта момент, о котором в течение долгих лет спорили и продолжают спорить исследователи его творчества. А именно, 'Ауфй пишет, что Рӯдакй был слеп от рождения. Мнение о слепоте поэта поддерживалось почти²⁴ повсеместно в поэтических антологиях, находило оно отражение и в творчестве коллег Рӯдакй по перу: у Дақйқй, Фирдоусй, Нәсира Ҳосрова. Приведем *бейт*, принадлежащий последнему:

اشعار زهد و پند بسی گفتست آن تیره چشم شاعر روشن بین

*Много стихов-наставлений об отречении от мира сложил
Тот поэт с незрячими глазами, но ясным взором.*

Долгое время бытовало мнение, подтверждавшее гипотезу слепорожденности поэта²⁵. Главным аргументом в пользу этой версии служила, как ни странно, высокая образованность Рӯдакй, его прекрасное знание арабской классической поэзии. Наличие столь прекрасных образов в его стихах сторонники этого мнения считали лишь результатом гениальной способности поэта к подражанию — путем переноса в персидскую поэзию тропов, известных Рӯдакй по арабским оригиналам. Среди других доводов назовем «гомеровскую» или, скорее, суфийскую трактовку понятия «слепец», противоположную по значению общепринятой. Согласно этой интерпретации, человек, не видящий красот материального мира, обладает скрытым от непосвященных, истинным, внутренним зрением, способным узреть сокровенное, Божественную тайну (ср., например, приведенный выше *бейт* из Нәсир-и Ҳосрова).

В 1940 г. вышло в свет монографическое исследование С. Нафйсь²⁶, посвященное биографии и творчеству Рӯдакй, в котором автор на множестве примеров из произведений поэта убедительно разоблачает версию 'Ауфй, доказывая, что незрячий от рождения человек не мог создать стихи, до сих пор поражающие своими яркими и оригинальными образами. Действительно, почти невозможно предположить, что Рӯдакй мог заимствовать такие строки:

وآن دهن تنگ تو کوی کسی دانگکی نار بدو نیم کرد

менник Мухаммада, посвятивший пророку свои произведения. Саҳбан — Саҳбан б. Ва'ил, легендарный арабский оратор доисламского времени.

²³ Aufi, 1903.

²⁴ Некоторые произведения, однако, умалчивают об этом: слепота Рӯдакй не упоминается ни у Сам'аня, ни у Низамй 'Арузй, ни у автора «Истории Систана».

²⁵ Наиболее подробно эту гипотезу обосновал А. Т. Тагирджанов в своей книге. См.: Тагирджанов, 1968.

²⁶ См.: Nafisi, J. 1. 1309/1930; J. 2. 1310/1931; J. 3. 1319/1940.

*А этот крохотный ротик твой — словно кто-то
Разрезал гранатовое зерно на две половинки.*

بیار آن می که پنداری روان یا قوت نابستی و یا چون بر کشیده تیغ پیش آفتابستی
*Неси ж то вино, что словно чистый расплавленный яхонт
Иль словно поднятый меч, сверкнувший в солнца луче.*

خورشید را ز ابر دمد روی گاه گاه چونان حصاریکه گذر دارد از رقیب
*Проглядывает солнце временами из-за туч
Как заточенный в крепости узник,
проскальзывающий мимо стражника.*

К этим свидетельствам надо добавить и употребление Рудакй глаголов со значением «видеть», «смотреть», «закрывать глаза (не видеть)»:

مهر دیدم بامدادان چون بتافت از خراسان سوی خاور می شتافت
*Я видел, как сияло на рассвете солнце,
Спеша с востока на запад.*

Итогом многолетних дискуссий стало привлечение С. Нафйсай арабской фразы из комментариев Махмұда б. ‘Умар Наджāтй к хронике ‘Утбй, составленной в 1309 г., которую можно перевести так: «И выкололи ему глаза на склоне лет» (و قد سمل في آخر عمره). Таким образом, появилась довольно правдоподобная версия разрешения загадки слепоты поэта. Излагают ее так. Рудакй пользовался особым расположением могущественного *вазира* Абў-л-Фазла Мухаммада б. ‘Убайдуллах Бал‘амй, отца автора перевода известной хроники Табари. Бал‘амй сменил на этом посту уже упоминавшегося Джайхани. К концу жизни Бал‘амй впал в немилость, в 937/38 г. был смещен и умер 10 сафара 329/14 ноября 940 г., незадолго до смерти Рудакй. Очевидно, милости, которыми осыпал Бал‘амй Рудакй, были общеизвестны. Приведем такое упоминание о них в стихах самаркандского поэта Сўзанй:

صد يك از آنكه تو به كمين شاعرى دهى از بلعمى به عمرى نگرفت رودكى
*Сотой доли того, что даруешь ты ничтожнейшему из поэтов,
Не получил Рудакй за всю свою жизнь от Бал‘амй.*

Благодаря стихам Сўзанй мы можем с большой долей достоверности восстановить дальнейший ход событий. Очевидно, репрессии, обрушившиеся на покровителя Рудакй, не миновали и самого поэта. Его ослепление, случившееся около 937 г., и было актом наказания за чрезмерную близость к опальному *вазиру*. Вот тогда Рудакй с горьким, но тщательно скрываемым отчаянием пишет Бал‘амй строки, чудом сохранившиеся в стихах Сўзанй:

در مدح تو به صورت تضمین ادا کنم یک بیت رودکی را در حق بلعمی
صدر جهان جهان همه تاریک شب شدست از بهر ما سبیده صادق همی دمی

*Прославляя тебя, приведу я цитату —
Бейт Рӯдакӣ, адресованный Бал'амӣ:
«О мира защита! Весь мир превратился в черную ночь!
Светел лишь ты для меня, словно ясное утро».*

Иными словами, Рӯдакӣ просит своего бывшего покровителя о помощи: я — слеп и нищ, помоги мне, пока это еще в твоей власти, ведь пострадал я так жестоко из-за тебя...

*Мамдӯхи*²⁷ Рӯдакӣ. Точных сведений о том, каким образом Рӯдакӣ попадает на службу к столичному правителю, нет. Известно, что Наṣр вступил на престол девятилетним мальчиком в 914 г., Рӯдакӣ же в это время шел уже шестой десяток. Очевидно, до того как начать службу непосредственно Наṣру, Рӯдакӣ находился при дворе его опекуна *вазира* 'Абдаллāха Джайхāни (ум. 943) и Саманидского эмира Аḥмада б. Исма'йла (ум. 913). Рӯдакӣ посвящал свои стихи также образованнейшему и могущественному *вазиру* Абу-л-Фазлу Муḥаммаду б. 'Убайдаллāх Бал'амӣ и главе государственной канцелярии, впоследствии также занявшему пост *вазира*, — Абу Таййибу Муḥаммаду б. Ḥатим Муṣ'абӣ, писавшему стихи как по-арабски, так и по-персидски. Изящное посвящение эмиру Систана Саффариду Шахиду Абу Джа'фар Аḥмад б. Муḥаммад б. Ḥалаф б. ал-Лайс, по прозвищу Бануйа, содержится в *касыде* «Мать вина» за то, что тот оказал помощь эмиру Наṣру во время мятежа, поднятого дейлемитским правителем Мākāном б. Кākӣ. Воспевал Рӯдакӣ и эмира Мākāна, за что получил весьма приличное вознаграждение. Об этом сам поэт не преминул упомянуть в своей «Старческой *касыде*».

Итак, нам мало что известно не только о начале жизни первого гения персидской классической поэзии, но и о его довольно зрелых годах. Отрывочные биографические сведения можно найти в антологиях, но, к сожалению, самая ранняя из сохранившихся была составлена почти через три столетия после его смерти, собственные же его произведения не могут осветить всей его жизни, так как *дйвāн* поэта не дошел до нас.

Из истории изучения литературного наследия Рӯдакӣ. В 1873 г. выдающийся немецкий востоковед Г. Эте опубликовал посвященное творчеству поэта исследование, основанное на тексте рукописи, которая, по его мнению, содержала *дйвāн* Рӯдакӣ²⁸. Как впоследствии было установлено иранским литературоведом Р.-Ḷ. Хидāйатом в его «Собрании красноречи-

²⁷ Мамдӯх — букв.: 'восхваляемый', правитель, на службе у которого находится поэт, или меценат, которому поэт посвящает свои произведения.

²⁸ См.: Ethe, 1873. P. 663—742.

вых», данная рукопись оказалась *дйвāном* поэта XI в. Катрана Джабали с незначительными вкраплениями стихов Рӯдакӣ²⁹. Это же мнение было поддержано спустя 46 лет в европейском востоковедении в труде Деннисона Росса, который, очевидно, пришел к этому выводу самостоятельно, так как в его работе не было указаний на двухтомную антологию Р.-Қ. Хидāйата³⁰.

Лишь малая часть наследия Рӯдакӣ сохранилась до наших дней. Мы не можем сейчас говорить о точном количестве созданных им произведений. Однако существует известное свидетельство самаркандского поэта XII в. Рашидӣ, которое позволяет более или менее предметно дискутировать по этому вопросу.

کر سری به عالم یابد کس به نیکوشاعری رود کی را بر سر آن شاعران زبید سری
شعر اورا بر شمردم سیزده ره صد هزار هم فزون آید اگر چنانکه باید بشمری

Те, кто в мире стихом и добьется высот, —

Рӯдакӣ подобает быть выше их всех.

Раз тринадцать считал его я стихи — сто тысяч [выходит].

Посчитаешь как надо — выйдет и больше.

Долгое время эти стихи понимали в интерпретации Са'ида Нафӣсӣ так³¹. Умножали 100 000 на 13 раз, и получалось, что Рӯдакӣ создал за свою жизнь не меньше миллиона трехсот тысяч *бейтов*. Подсчет подсказывает, что при таком результате поэт должен был в течение сорока лет каждый день писать не меньше чем по 100 *бейтов*. Учитывая, что Рӯдакӣ был не просто поэтом, но поэтом придворным, то есть *надӣмом* — а это предполагало совмещение целого ряда придворных должностей и требовало от Рӯдакӣ неперемного участия в бурной светской жизни столичного двора, — вряд ли можно допустить вероятность такой сверхчеловеческой работоспособности.

'Аббās Иқбāl в примечаниях к своему изданию «Садов волшебства» Рашид ад-Дина Ватвата³² предложил свою версию подсчетов Рашидӣ, которая, очевидно, наиболее реалистична. По А. Иқбāлю, Рашидӣ не складывал свои подсчеты тринадцать раз, а перепроверял себя столько раз, да и то не был абсолютно уверен в результатах, предлагая читателю пересчитать самому. В итоге получаем, что существовавший в XII в. *дйвāн* Рӯдакӣ насчитывал примерно сто тысяч *бейтов*. Видел *дйвāн* поэта в начале XIII в. и автор «Сердцевины сердцевины» 'Ауфӣ. Однако уже автор «Избранной истории» («Тāрїх-и Гузїда») Ҳамдаллāх Қазвїнӣ, закончивший

²⁹ См.: Hidayat, 1878.

³⁰ См.: Ross, 1924. P. 609—601.

³¹ См.: Nafisi, 1931. J. 2. S. 559.

³² Rashid ad-Din Vatvat.

свой труд в 1329/30 г. пишет, что он не видел ни одной рукописи *dīvāna* Рӯдакӣ.

Придерживаясь мнения автора трехтомной монографии о поэте С. Нафӣсӣ, следует признать, что из подлинного наследия Рӯдакӣ до нашего времени сохранились лишь восемьсот четыре *бейта*. По жанрам они распределяются так: триста шестьдесят два *бейта* — *касыды* и *қит'а*, шестьдесят четыре — *рубā'ӣ*, двести двадцать четыре — *газели* и сто пятьдесят четыре — *маснавӣ*. Чрезвычайно разнообразен спектр размеров, которыми пользовался Рӯдакӣ в своих стихах. Среди них и широко распространенные *рамал*, *хазадж*, *хафӣф*, *музāри'*, *сари'* и редкие, даже впоследствии почти никем из поэтов не употреблявшиеся, такие как, например, *мутақāриб* схемы $\cup - \cup - \text{—} \cup - \cup - \text{—}$ ³³.

Наиболее насыщенным автобиографическими сведениями из сохранившихся произведений можно считать знаменитую элегию Рӯдакӣ, в которой он скорбит по своей блестящей и счастливой молодости. Он описывает себя прекрасным юношей с черными, как смоль, локонами и сверкающими, как дождевая капля на солнце, зубами, любимцем царей и красавиц, баловнем судьбы. Душа любого общества — только его требовали к себе великие мира, только ему поверяли они свои тайны. Как слушали его тогда! Да и какие стихи слагал он в те времена! Они способны были сделать шелком наковальню! Несметными сокровищами осыпали его покровители, знавшие толк в настоящей поэзии. Но и он не скупился на удовольствия. И это был сплошной яркий и веселый праздник из, казалось, нескончаемой череды застолий, охот, путешествий. Он был свободен от всех забот, даже не было жены, не было детей... Да и зачем, всегда был рядом верный Мāх (Мāдж), *рāвӣ*³⁴, так безукоризненно исполнявший на пирах его *касыды*. Да и он сам мог не хуже исполнить новую *газель* под собственный аккомпанемент чарующих звуков *рӯда*...³⁵ И вдруг одиночество, бедность, опала, вечная тьма... Болью снова стало лекарство, а пустыней цветущий сад. Таков закон Круговращения Времен. Настало время посоха и сумы...

Рӯдакӣ, действительно, благодаря своему таланту стал весьма состоятельным придворным. Вспомним свидетельство, хотя и сильно преувеличенное, одного из персонажей «Четырех бесед» («Чахāр мақāла») или «Собрания редкостей» («Маджма' ан-Навāдир») Абӯ-л-Ҳасана Низām ад-Дйн (Наджм ад-Дйн) Аҳмад б. 'Умар б. 'Алӣ Самарқандӣ, поэта и писателя XII в., известного под *псевдонимом* Низāmӣ 'Арузӣ: «Когда Рӯдакӣ в

³³ Наиболее популярным вариантом этого размера в персидской поэзии стал трехчетырехстопный мутақариб со стопой: $\cup - \cup - \text{—} \cup$.

³⁴ Равӣ — профессиональный чтец-декламатор.

³⁵ Рӯд — эд.: струнный музыкальный инструмент лютневого семейства.

тот раз прибыл в Самарканд, четыреста верблюдов шли под его грузом»³⁶. О своих баснословных гонорах он сам неоднократно упоминает и в той же «Старческой касыде», да и в других своих произведениях. Например, так:

از خز و پالیک آنجای رسیدم که همی موزه چینی میخوام و اسب تازی

*Парчой и обувью пресыщен,
Хочу сапог китайских, арабского коня!*

Конкретные суммы вознаграждений Рӯдакӣ использовались впоследствии многими персидскими поэтами как пример для назидания своим покровителям. Вот фрагмент такого скрытого наставления царственному покровителю, в частности, султану Махмуду, написанного «царем поэтов» Унсури.

چهل هزار درم رودکی ز مهتر خویش بیافتست به توسیع از این در و آن در

*Сорок тысяч дирхемов от царя своего Рӯдакӣ
Получил от щедрот и за то, и за то...*

Гератский поэт XI в. Азрақӣ также использует эту тему:

حدیث میر خراسان و قصه توسیع بگفت رودکی از روی فخر در اشعار
بدانکه داد مراورا هزار دیناری به یاد خوب بهم کرده از صغار و کبار

*Преданье об эмире хорасанском и притчу о щедрости его
Воспел Рӯдакӣ, восхваляя.*

*За то, что даровал ему он тысячу динаров,
Оставил он добрую память и по великим, и по ничтожным.*

Однако и у Рӯдакӣ бывали минуты отчаяния и апатии, когда его посещали мысли о бренности материального мира.

ز آمده شادمان نباید بود وز گذشته نکرد باید یاد

*Нечего радоваться тому, что пришло.
Нечего помнить о том, что прошло.*

Пренебрежение мирскими благами могло, однако, иметь у Рӯдакӣ и более оптимистическую трактовку, когда поэт находил душевную опору в Вере.

بیا دل و جان را به خداوند سباریم اندوه درم و غم دینار نداریم
جان را ز پی دین و دیانت بفروشیم وین عمر فنارا بره غزو کزاریم

*Мы сердце Господу вручим с душевным нашим жаром.
Скажи: зачем стремиться нам к дирхемам и динарам?*

³⁶ См.: Nizāmī Ārūzī Samarqandī, 1993; Низамаи 'Арузӣ Самарқандя, 1963. С. 63. Разумеется, надо иметь в виду, что цифра «четыреста» часто употреблялась в значении «много» и не имела конкретного числового обозначения.

Мы нашу душу посвятим единой, чистой вере.

*А сами вступим в правый бой, чтоб жизнь прожить недаром*³⁷.

Мы не будем подробно останавливаться на определении особенностей вероисповедания Рӯдакӣ. Отметим лишь, что долгое время исследователи склонялись к мысли о сочувствии поэта исмаилитам. Именно для таких подозрений служили основанием, например, такие стихи Ма'руфӣ Балхӣ:

از رودكى شنيدم سلطان شاعران كاندر جهان به كس مگر و جز به فاطمى

Я слышал, что султан поэтов Рӯдакӣ

Не предан в мире никому так, как фатимидам.

В современном иранском литературоведении сейчас особенно очевидна тенденция считать Рӯдакӣ шиитом — на основании, например, таких его стихов:

كس را كه باشد به دل مهر حيدر شود سرخ رو در دو كيتى به آور

*Тот, в чьем сердце любовь к Хайдару*³⁸,

*Будет счастлив в обоих мирах*³⁹.

Осколок одной из *касыд* Рӯдакӣ, был сохранен в упомянутом сборнике исторических анекдотов «Четыре беседы» Низамӣ 'Арӯзӣ⁴⁰. Оформленный в прекрасную легенду, этот фрагмент стал обязательным украшением всех средневековых антологий персидской поэзии. Речь идет, конечно же, об известном «Ветер веет с Мулийана...». Согласно версии Низамӣ 'Арӯзӣ, эмир Нафр, в правление которого Рӯдакӣ вошел в зенит своей славы, отправился в путешествие в Герат. Прибыв туда, эмир был настолько восхищен гератским климатом, что задержался там на целых четыре года! Отсутствие внешних и внутренних врагов позволяло эмиру, оставив свое государство на попечение своего *вазира*, покинуть столицу на столь длительный срок. Окруженный придворными и всем необходимым, эмир постоянно откладывал свое возвращение в Бухару. Придворные же испытывали сильное желание вернуться к своим семьям и заброшенным по вине царя делам. Время шло год за годом, но никто из них не осмеливался напомнить эмиру о его обязанностях. И тогда было найдено единственно правильное в сложившейся ситуации решение. Делегация придворных явилась к Рӯдакӣ с просьбой повлиять на правителя при помощи волшебной силы его поэзии. В случае успеха придворные обещали поэту собрать солидную сумму за труд и риск. Рӯдакӣ согласился. И действительно его стихи совершили чудо. Впечатление, которое они произвели на эмира Нафра, заставило его вскочить с трона при первых же *бейтах касыды*, исполненной самим Рӯ-

³⁷ См.: Рудаки, 1964.

³⁸ Хайдар — ар. 'лев', эпитет 'Аля.

³⁹ Rudaki, 1994, P. 61.

⁴⁰ Nizami 'Arūzi, Samarqandi, 1993. P. 49—54.

дакий под звуки *рӯда*, и на уже стоявшем наготове коне скакать в родную Бухару, забыв даже переодеться в походную одежду.

Именно на том самом месте, где говорится о том, что эмир вскочил, не дослушав так сильно на него повлиявших стихов Рӯдакӣ, и кончается дошедший до нас фрагмент. Хотя по свидетельству автора антологии XV в. Даулатшәха Самарқандӣ, это была длинная *касыда*, но, продолжает он, достаточно и приведенной цитаты, чтобы убедиться, насколько дурен был вкус у людей в те времена, если они могли восхищаться такими простенькими и безыскусными стихиками⁴¹. Однако мнение Даулатшәха можно считать исключительным. Вспомним, что составитель *тазкира*⁴² жил уже в то время, когда поэзия на персидском языке входила в глубокий кризис, завершив собой золотой век персидской классической литературы. Сюжетная простота и ясность в сочетании с изяществом формы уже не могли быть оценены по достоинству. Поэзия вступила в эпоху утонченно-технических излишеств и вычурных изысков.

Многочисленные антологии изобилуют восторженными посвящениями Рӯдакӣ его коллег, как современных ему, так и творивших столетия спустя. Среди них такие имена, как его учитель Шахӣд Балхӣ, Дақӣқӣ, Фирдоусӣ, Фаррухӣ, 'Унсурӣ, Нәсир-и Хосров и многие другие.

Вернемся, однако, к *касыде* Рӯдакӣ. Эта *касыда* до сих пор считается недосыгаемым образцом совершенства персидского стиха. Приведем, тем не менее, средневековое доказательство этому. В тех же «Четырех беседах» упоминается эпизод с «царем поэтов» сельджукского султана Малик-шаха, а затем и султана Санджара (1118—1158) Му'иззӣ (ум. 1125), которому неким Зайн-и Мулком Абӯ Са'д Хиндӯ было приказано составить «ответ» (*джавәб*), подражание знаменитой *касыде*. Даже при той блестящей технике, которой обладал Му'иззӣ, у него получилось только:

رستم از مازندران آید همی زین ملک از اصفهان آید همی

*Едет из Мазендарана Рустам,
А из Исфазана — Зайн-и Мулк...*

Лишь одна *касыда* Рӯдакӣ сохранилась до нашего времени почти полностью. Благодаря рукописи анонимной хроники XI в. «История Систана» можно теперь восстановить события, повлиявшие на создание этого стихотворения. Приведем вкратце эту историю в версии «Тарїх-и Систан». Однажды славный эмир Хорасана Наср II устроил пир, на котором присутствовали все хорасанские вельможи. Вкушая вино, эмир вдруг вспомнил, что нет среди собравшихся эмира Систана Абӯ Джа'фара, который оказал ему неоценимую помощь в подавлении восстания, поднятого полководцем Мәкәном. И тогда Наср предложил выпить вина за здоро-

⁴¹ Бертельс, 1960. С. 135.

⁴² Тазкира — поэтическая антология.

вье отсутствовавшего эмира. Был пущен по кругу кубок с *сейкй*⁴³, и он обошел всех собравшихся. Когда кубок вернулся к Нафру, он велел налить туда вина, запечатал его и послал в Систан, присовокупив к нему десять алых яхонтов, десять драгоценных одежд, десять нарядно одетых и изысканно украшенных тюркских рабов и рабынь, коней и поясов. Присутствовавший при этом Рудаки сочинил экспромт и прочел его. И тогда эти стихи тоже послали систанскому эмиру. Нафр же при этом произнес: «Если бы не скромность эмира Абӯ Джа'фара, он мог бы завоевать весь мир!» Речь шла в «Истории Систана» о *касыде* Рудаки «Мать вина». Эта *касыда* производит впечатление истинного экспромта: все в ней дышит искренним чувством, объемны и насыщены реальными образами описания того самого пира, на котором так взгрустнулось Нафру без его верного систанского соратника. Зачин же *касыды* настолько искусно использует ставший впоследствии очень популярным жанр интриги в *касыде*, так называемый *луз* ('загадка'), что стал предметом подражания для многих поэтов, живших после Рудаки. Полагаю, следует согласиться с мнением замечательного отечественного востоковеда Е. Э. Бертельса, о том, что второй такой *касыды*, как «Мать вина», не найти во всей поэзии Ближнего и Среднего Востока⁴⁴.

Непревзойден был Рудаки и в «малом» жанре. Приведем изысканную в своей простоте миниатюру, построенную в весьма популярном для *газели* стиле диалога:

آمد بر من که یار کی وقت سحر ترسنده ز که ز خصم خصمش که پدر
 دادمش چه بوسه بر کجا بر لب تر لب بود نه چه بد عقیق چون بد چو شکر

Пришла ко мне... — Кто? — Милая. — Когда? — Под утро.

Боясь. — Кого? — Врага. — Кто враг ее? — Отец.

Я подарил ей... — Что? — Поцелуй. — Куда? — Во влажные уста. —

В уста? — Нет! — Так куда ж? — В рубин. — Какой? — Как сахар!

Сохранились сведения о том, что помимо уже вышеупомянутого *divāna*, Рудаки был автором нескольких поэм и словаря. Относительно последнего мы находим свидетельство у известного арабского библиографа XVII в. Хаджи Халифы, упомянувшего арабско-персидский словарь, составленный Рудаки под названием «Тадж ал-Мафадир» («Венец масдаров»). Многие антологии сохранили фрагменты поэм, приписываемых авторству Рудаки. Очевидно, он был первым, кто создал на персидском языке поэтическую версию индийского по происхождению эпоса «Калйла и Димна». Эта работа была инициирована распоряжением эмира Нафра, однако, по всей вероятности, Рудаки не использовал арабский перевод, сделанный 'Абдаллахом

⁴³ Сейкй — вино, крепость которого повышена путем трехкратной перегонки.

⁴⁴ Бертельс, 1960. С. 146.

б. ал-Муқаффою со среднеперсидского языка, а переложил стихами текст, уже переведенный Абу 'Али Бал'амя на новоперсидский язык.

Предположение о принадлежности Рӯдакӣ поэмы «Синдбад и коварство женщин» впервые выдвинул немецкий востоковед П. Хорн в предисловии к своему изданию старейшего *фарханга*⁴⁵ «Луғат-и Фурс» Асади Тӯси⁴⁶. Впоследствии это мнение было подтверждено многими исследователями, занимавшимися, в частности, изучением текста сочинения XII в. «Синдбад-нама» Муҳаммада Заҳирӣ Самарқандӣ, ставшего позднейшей переработкой текста «Синдбад-нама», переведенного со среднеперсидского на новоперсидский язык неким *хваджой 'амидом* Қанарӯзӣ (Фанарӯзӣ) по приказу Саманида Нуҳа б. Мансӯра в 950/51 г. Вероятно, Рӯдакӣ был автором предыдущего стихотворного варианта, имевшего в своей основе все тот же текст Қанарӯзӣ⁴⁷.

Средневековые авторы высоко ценили великого Рӯдакӣ. Шамс-и Қайсу ар-Разӣ в своем знаменитом трактате по поэтике «Свод правил персидской поэзии»⁴⁸, написанном в начале XIII в., именно Рӯдакӣ приписывает изобретение и введение в придворную поэзию такой ставшей столь популярной формы литературного творчества, как *рубә'ӣ*. А руководитель «газнийского поэтического цеха» при султани Маҳмуде (999—1030) 'Унсӯрӣ отозвался о стихах Рӯдакӣ так:

غزل رودکی وار نیکو بود غزلهای من رودکی وار نیست
اگر چه بکوشم به باریک وهم بدین پرده اندر مرا بار نیست

Газели Рӯдакӣ прекрасны!

Мои ж газели не похожи на его.

Но сколь ни изоощрял бы я свое воображенье,

Не нахожу я доступа за ту завесу [тайны стиха его].

Один из современников Рӯдакӣ, имя которого время не сохранило для нас, написал элегию на смерть поэта, начинающуюся словами:

رودکی رفت و ماند حکمت اوی می بریزد نیزد از می بوی
شاعری کوکنون که شاعر رفت نبود نیز جاودانه چونوی

Ушел Рӯдакӣ, но осталась мудрость его.

Льется вино, и аромат его не исчезнет.

Где ж поэзия теперь, когда ушел Поэт!

Такого, как он, не будет уж никогда!..

⁴⁵ Фарханг — зд.: толковый словарь, энциклопедия.

⁴⁶ Asadis Neupersisches Wörterbuch... S. 18—21.

⁴⁷ М. Занд уточняет его имя — Абу-л-Фаварис Қанарӯзӣ. В 70-х гг. XII в. Муҳаммад Заҳирӣ Самарқандӣ создает свою версию этого произведения в стиле садж'. См.: Занд, 1964. С. 161.

⁴⁸ См.: Шамс ад-Дин, 1997.

Шахид Балхй

О биографии Абӯ-л-Ҳасана Шахйда б. Ҳусайн Джахуданаки Балхй (849/850—932) нам почти ничего не известно. Но как современники, так и более поздние поэты, прославившие свои имена на поприще персидской литературы, высоко ценили произведения этого поэта, ставя его рядом с великим Рӯдакй.

Судя по его *нисбе*, Шахид б. Ҳусайн происходил родом из Балха, где получил хорошее образование в области коранических наук, философии и арабской литературы. Был дружен с Абӯ Зайдом Балхй, автором известных философских трудов. Однако после отъезда Шахйда в Чаганиан, где он получил место при дворе Абӯ 'Алй Муҳтādжа, дружба их прервалась⁴⁹. Настоящей известности поэт достигает, служа Саманидам, в частности, Нафру б. Аҳмаду. Вполне возможно, что он попал в Бухару раньше, чем Рӯдакй, взяв последнего в дальнейшем под свое покровительство. Очевидно, именно Шахйду Балхй Рӯдакй обязан тем, чему можно было научиться, только живя при дворе. Некоторые сведения о жизни этого поэта можно восстановить по свидетельствам, разбросанным в его произведениях. К сожалению, время сохранило их в гораздо меньшем количестве, чем даже сочинения Рӯдакй.

Шахид Балхй писал стихи в традиционных жанрах. Это были, прежде всего, патетические оды с яркими вступлениями, описывающими природу и личные переживания автора. Вот характерный пример такого *насыба*⁵⁰, в котором автору удалось изящно соединить обе эти темы:

ابر همی کرید چون عاشقان باغ همی خندد معشوق وار
رعد همی نالد مانند من چونک بنالم بسحرگاه زار

*Льет слезы туча, как влюбленный,
И сад смеется, как любимая,
Рыдает гром, как на рассвете
Рыдаю сам неудержимо я*⁵¹.

Будучи придворным поэтом, Шахид Балхй жил на подношения, получаемые от покровителей-аристократов. Эти гонорары были единственным источником дохода. Поэтому в стихах поэта мы неоднократно находим напоминания и даже упреки в забывчивости тем, от кого ему приходилось материально зависеть:

⁴⁹ Сохранилось *дубейти* (двустипшие) Шахйда по-арабски, в котором он упрекает Абӯ Зайда за то, что тот не ответил на его письмо из Чаганиана. См.: Saffa, 1992. S. 391.

⁵⁰ *Насыб* — вступление, первая часть *касыды*.

⁵¹ Перевод В. Левика.

اگر فراموش کرد خواجه مرا خویشان را به رقعہ دادم یاد
 کودکی شیرخواره تا نگرست مادر او را به مهر شیر نداد

*Забыл обо мне хваджа!
 Напомнил я о себе запиской:
 Ведь пока не заплачет младенец,
 Мать не даст ему молока, лаская.*

Подобная оскорбительная забывчивость и горькое разочарование в своем призвании отражены и в таких известных миниатюрах Шахйда, как «Видно, знание и богатство — то же, что нарцисс и роза...», «Когда бы дым валил от горя, как от костра лесного...»⁵². Именно на основании таких стихов Шахйд Балхй вошел в европейское востоковедение как первый пессимист персидской литературы⁵³.

Однако мы поддерживаем мнение З. Сафа, который полагал, что имя Шахйда Балхй вошло в персидскую литературу не столько благодаря пышным одам, адресованным в основном Саманиду Нафру б. Ахмаду и его *вазиру* Абӯ 'Абдаллаху Мухаммаду б. Ахмад Джайханй, сколько благодаря лирическим миниатюрам, возможно, фрагментам некогда монументальных *касыд*.

Нельзя не отметить и того, что Шахйд Балхй был не только поэтом. Очевидно, он был автором философских сочинений. В «Фихристе» ан-Надйма сохранилось сообщение о научном споре, случившемся между Шахйдом и Абӯ Бакром Мухаммадом б. Закарийа ар-Разй по вопросу о приоритете духовных наслаждений над чувственно-телесными⁵⁴.

Очевидно, помимо поэтических и научных талантов, Шахйд был известен и своим каллиграфическим искусством, о чем спустя почти сотню лет написал Фаррухй, восхваляя султанского советника Абӯ Сахла:

خط نویسد که بنشناسند از خط شهید شعر گوید که بنشناسی از شعر جریر

*Почерк его не отличить от почерка Шахйда,
 Стихи он слагает так, что не отличишь от стихов Джарйра.*

Закончим краткий очерк о поэте фрагментом из элегии Рӯдакй на смерть друга:

کاروان شهید رفت از پیش زان ما رفته کیر و می اندیش
 از شمار دو چشم یک تن کم وز شمار خرد هزاران بیش

*Он умер, — караван Шахйда покинул бранный свет,
 Но чем исчислить нам утрату, кто может дать ответ?*

⁵² См. раздел «Тексты».

⁵³ Darmesteter, 1887. P. 29; Дармстетер, 1924. С. 34.

⁵⁴ Safa, 1992. S. 389—390; Naftisi, 1940. S. 1220; Бертельс, 1960. С. 149.

Глаза, не размышляя, скажут: «Лишь одного не стало».
*Но разум горестно воскликнет: «О скольких тысяч нет!»*⁵⁵

Блестящий бухарский двор при Саманидах был весьма притягательным для представителей всех творческих профессий, приезжавших в столицу со всех уголков огромной империи. Особенным покровительством эмиров пользовались, естественно, поэты, с честью выполнившие стоявшую перед ними задачу — прославить своих покровителей в веках. Вместе с признанными корифеями, такими как Рудаки и Балхи, на этом поприще трудились их многочисленные собратья по *қаламу*⁵⁶, так и оставшиеся в тени, отбрасываемой этими гигантами. Позволим себе и мы лишь перечислить их имена, которые сохранили различные средневековые *тазкира*. Среди них наиболее часто упоминаются такие имена: Абӯ Ғаййиб МуҶ'абӣ, Абӯ 'Абдалләх Муҳаммад б. ал-Фаралавӣ, Абӯ Шу'айб Сәлиҳ б. Муҳаммад Харавӣ, Абӯ-л-'Аббас Фазл б. 'Аббас Рабинджанӣ, Абӯ-л-Исхак Ибраҳим б. Муҳаммад ал-Бухарӣ ал-Джуйбарӣ, Абӯ Зара'а Му'аммарӣ Джурджанӣ, Абӯ Ғаййиб Ғахир б. Муҳаммад Хусраванӣ, Шакир Бухарӣ, Абӯ-л-Му'айяд Балхи, Абӯ Шукӯр Балхи, Абӯ-л-Ҳасан 'Али б. Илйас Ағаджӣ, Абӯ-л-Музаффар Наsr б. Муҳаммад Истиғнаӣ Нйшапӯрӣ, Хаббазӣ Нйшапӯрӣ, Абӯ 'Абдалләх б. Ҳасан Ма'руфӣ Балхи, Абӯ 'Абдалләх Муҳаммад б. Сәлиҳ Валваладжӣ, Абӯ-л-Ҳасан 'Али б. Муҳаммад Газнави Лаукарӣ. Такие поэты, как Абӯ-л-Ҳасан Маджд ад-Дин Касайи Марвази и Абӯ Мансӯр 'Аммара Марвази, начинавшие свою поэтическую карьеру с воспевания последних Саманидов, достигли расцвета своей славы уже в Газне. Каждый из перечисленных поэтов был яркой творческой индивидуальностью, но произведения их, к сожалению, не пощадило время, жестоко отнеся к «второстепенным», оставив нам в лучшем случае лишь несколько фрагментов их *касыд*, *газелей* или *рубай*. О них самих мы знаем крайне мало.

МуҶ'абӣ

Так, Абӯ Ғаййиб Муҳаммад б. Ҳатим ал-МуҶ'абӣ занимал некоторое время пост *сахиб-дйвана*⁵⁷ в правление Наsrа б. Аҳмада. После смещения в 938 г. с поста *вазира* Абӯ-л-Фазла Бал'амӣ он занимал несколько министерских должностей, но, как указывает Са'алиби в «Йатймат ад-Дахр», был, в конце концов, казнен по царскому указу⁵⁸. Известно его *қит'а*, начинающееся *бейтом*:

⁵⁵ Перевод В. Левика.

⁵⁶ Қалам — тростниковая палочка, особым образом заточенная, используемая в каллиграфии.

⁵⁷ Сахиб-дйван — распорядитель государственной казны.

⁵⁸ См.: Tha'alibi, 1303. S. 3, 15; Safa, 1992. S. 393.

جهانا همانا فسوسى و بازى كه بر كس نبايى و با كس نساى

О мир! Ты — игра и насмешка!

Нельзя на тебя положиться, не верен ты никому!

Рабинджанӣ

Несколько стихотворных строк Абӯ-л-‘Аббаса Рабинджанӣ, уроженца пригорода Самарканда, из его *марсийа*⁵⁹ на смерть Наъра б. Аҳмада были сохранены для нас Фаррухӣ, который процитировал их в своей *касыде*. Примечателен в ней девиз: «Le roi est mort, vive le roi!», сформулированный следующим образом:

پادشاهى گذشت خوب نژاد پادشاهى نشست فرخ زاد

Благородный царь ушел от нас,

Воссел же царь, рожденный быть счастливым!

Джурджанӣ

Абӯ Зара‘а Му‘аммарӣ Джурджанӣ также служил при дворе Саманидов, но, очевидно, уже после Рӯдакӣ. ‘Ауфӣ в «Лубаб ал-Албаб» сохранил такую легенду об этом поэте. Однажды эмир Хорасана спросил его, сможет ли он сложить стихи, подобные стихам Рӯдакӣ. В ответ эмир услышал, что его стихи гораздо лучше тех, которые сочинял Рӯдакӣ, только они не оценены по достоинству:

هزار يك زآن كو يافت از عطاى ملوك بمن دهى سخن آيد هزار چندانم

*Лишь тысячную долю того, что получал он (Рӯдакӣ) из царских даров,
Если б ты дал мне, было б от меня стихов в тысячу раз больше!*

Очевидно, даже этой искомой тысячной доли не получил Абӯ Зара‘а, что побудило написать его такие строки:

هر آنكس كه نباشد ز اخترش اقبال بود همه هنر او به خلق نامقبول
شجاعتش همه ديوانكى فصاحت حشو سخا كزاف و كرمى فساد و فضل فضول

Тот, кто не рожден под счастливой звездой, —

Не оценят люди талантов его!

И отвага его тогда — лишь безумие, а красноречие — болтовня!

*И щедрость его — мотовство, и благородство его — разврат,
образованность же — ерунда!*

⁵⁹ Марс я й а — поэтический жанр (элегия, плач).

Абӯ Шукӯр Балхӣ

Значительной известностью пользовался при саманидском дворе, особенно при Нӯҳе б. НаҶре (943—954), Абӯ Шукӯр Балхӣ (915/916), писавший как по-персидски, так и по-арабски. Благодаря изысканиям иранского литературоведа С. Нафӣсӣ стало известно, что Абӯ Шукӯр (Шакӯр) был автором трех значительных поэм. Первая, писанная размером *мутақариб*, называлась «Афарйн-нама» («Книга Сотворения» или «Книга Благословения»), вторая была сложена размером *хазадж*, третья — *хафӣфом*. К сожалению, ни одна из них не дошла до нас, за исключением разрозненных фрагментов (всего около 500 *бейтов*), по которым сейчас не представляется возможным восстановить сюжет произведений. Мы можем теперь лишь предполагать, что это были своего рода сборники этико-дидактических притч. В качестве примера приведем несколько *бейтов*, сюжет которых впоследствии неоднократно использовался другими поэтами в виде *назӣра*⁶⁰. Среди них наиболее известен «ответ» Фирдоусӣ.

که دشمن برت مهربانی مباد ⁶¹	دشمن برت مهربانی مباد ⁶¹
اگر چرب و شیرین دهی مروراً	درختی که تلخش بود کوهرا
ازو چرب و شیرین نخواهی مزید	همان میوه تلخت آرد پدید

*Да не будет у тебя ко врагу снисхожденья,
Ибо враг — это дерево, горькое сутью своей.
А уж если горька сердцевина у дерева,
Ты питать его можешь сочным и сладким,
Все равно принесет тебе горький лишь плод,
И ни сочным, ни сладким не будешь обрадован ты!*

Почти таким же популярным стало и высказывание Абӯ Шукура, заключенное в следующем *бейте*:

که بدانم همی که نادانم	تا بدانجا رسید دانش من
<i>Мое знание достигло того, Что я знаю то, что ничего не знаю.</i>	

Из дошедшего до нас литературного наследия Абӯ Шукура в основном — лирические фрагменты и *рубә'ӣ*, писанные как в традиционной (с рифмовкой *ааба*), так и в более архаичной форме (монорим):

شد قامت من ز درد هجرت تو شست	ای کشته من از غم فراوان تو پست
خود هیچ کسی بسیرت و سان تو هست	ای شسته من از فریب دستان تو دست

⁶⁰ Наз ара — подражание.

⁶¹ З. Сафа приводит в варианте *бейта* *бешмен брет астварӣ мбад*. См.: Сафа, 1992. S. 405.

*Ах! От бесконечной тоски по тебе я пал ниц,
Стан мой от боли разлуки с тобою согнулся крючком!
Ах! Руки омыл я от чар и лукавства твоих!
Ну есть ли хоть кто-то, подобный тебе!*

Хусравāнӣ

Абу Таййиб Тāхир б. Муҳаммад Хусравāнӣ был признанным лириком. Фрагмент его *насыба* был сохранен Фирдоусӣ в его «Шахнāма»:

فغان زان شتابت بهنگام جنگ	فغان زان درنگت بهنگام صلح
شتابم بمردن همه زان درنگ	درنگم به راحت همه زان شتاب
بيکديگر اندر ز دستند چنگ	نه بودست عشق تو بيهجر هيچ
به دريا بود جاويدانه نهنگ	نهنگست هجران و درياست عشق

*О как медлительна ты в примиренье,
О как в ссоре ты тороплива!
Я замедляю эту спешку для покоя,
Спешу я к замиранью в прамедленье.
Нет любви к тебе без разлуки,
Крепко держат они друг друга за руки.
Разлука — акула, а любовь — это море,
Но ведь в море всегда есть акула.*

Известен также *тазмӣн* — подражание Хусравāнӣ знаменитому рубā'ӣ Рӯдакӣ:

که همی ریش را خضاب کنند	عجب آید مرا ز مردم پیر
خویشان را همی عذاب کنند	بخضاب از اجل همی نرهند

*Дивлюсь я старикам,
Опускающим бороду в хну.
Ведь хной не спасутся от смерти они,
Лишь доставят себе они муки!*

Касāйӣ

Последним значительным представителем бухарского поэтического круга обычно называют Абу-л-Хасана Маджд ад-Дйна Касāйӣ (Кисāй/Касāй), уроженца Мерва (953 г.). Тяжелое время испытаний пришлось пережить поэту, ставшему свидетелем гибели некогда самой могущественной державы на иранском Востоке. Поэтому, несмотря на сохра-

нившиеся благодарственные строки из *мадх*ов⁶², посвященных саманидскому *вазиру* 'Убайдаллаху б. Ахмаду б. Хусайну 'Утби (уб. в 982) и свидетельствующие о внимательном отношении к Кас'ий при дворе, поэт при всем своем таланте не мог рассчитывать на спокойную состоятельную жизнь, поступая на службу к последним бухарским правителям. После крушения династии Кас'ий переезжает в Газну, где пишет многочисленные оды во славу султана Махмуда. Однако от традиционных хвалебных *касыд* Кас'ий постепенно переходит к философским стихам, в которых исследователи находят много общего по духу и стилю с произведениями Н'асира Хосрова (1004—1088).

Интересна трактовка Кас'ий излюбленного сюжета:

از خضاب من و از موی سیه کردن من کر همی رنج خوری بیش مخور رنج مبر
غرضم زو نه جوانیست بترسم که ز من خرد پیران جویند و نیابند اتر

*Разве я кладу румяна и черню седые кудри
Для того чтоб молодиться? Нет, не гневайся, дружок!
Дело в том, что у седого ищут мудрости обычно,
А ведь я, сама ты знаешь, так от мудрости далек!*⁶³

* * *

Помимо бухарского литературного круга, под патронажем Саманидов существовали в это время и другие поэтические объединения при провинциальных дворах, например, Мухтаджидов в Чаганиане или Зийаридов в Гургане. Известны также «независимые», точнее, материально независимые поэты из числа образованных аристократов, избавленные от необходимости поступления на придворную службу, использовавшие *маджлисы* поэтов — своеобразные «заседания творческих союзов» — лишь для популяризации своих произведений. Среди имен поэтов того времени наиболее часто встречаются в антологиях Аб'у Бакр Мухаммад б. 'Али Хусравй Сарахсй и Аб'у-л-Қ'асим Зий'ад б. Мухаммад ал-Қамарй ал-Джурджанй, воспевавшие достоинства Шамс ал-Ма'алй Қаб'уса б. Вашмг'йра (978—1012), Аб'у-л-Мухаммад Манс'ур б. 'Али Мантақй Р'азй, один из первых иракских поэтов, писавших по-персидски, Мухаммад 'Абдах, служивший *даб'иром* при Караханиде Махмуде I Бугр'а-хане (ум. 1033—1043), Аб'у 'Абдаллах Мухаммад б. 'Абдаллах ал-Джунайды (938—995), знаменитый *вазир* и ученый при Буидском дворе.

⁶² Мадх — букв.: 'хвала, восхваление', поэтический жанр (ода, панегирик); также обозначает одну из частей *касыды*, содержащую собственно восхваление объекта посвящения (*маидуха*).

⁶³ Перевод В. Левика.

Женская лирика

Рāби'а

Самой знаменитой поэтессой этого времени, перед творчеством которой преклонялся сам Рӯдакӣ, была Рāби'а бинт Ка'б Қиздāрӣ Балхӣ. 'Ауфӣ в «Лубāб ал-Албāб» приводит два *бейта*, благодаря которым она стала известна под псевдонимом Медная мушка:

خبر دهند که باريد بر سر ايوب ز آسمان ملخان و سر همه زرین
اکر ببارد زرین ملخ بر او از صبر سزد کر بارد بر من یکی مگس رویین

Говорят, что на Иова сыпалась дождем

С неба саранча с золотою головой.

Если за его терпение он осыпан золотой саранчой,

То на меня должна упасть мушка, да и то из меди.

Будучи дочерью состоятельного человека, араба по происхождению, Рāби'а получила превосходное двуязычное образование и писала стихи как по-арабски, так и по-персидски. Согласно многочисленным *тазкира*, источником ее вдохновения стала любовь к ее *гулям*у, прекрасному тюркскому юноше по имени Бикташ. В «Собрании ораторов» («Маджма' ал-Фуṣаḥā») Ризā Кулӣ-хāн Хидāйат⁶⁴, ссылаясь на собственное сочинение «Райский цветник» («Гулистāн-и Ирам»), излагает историю любви Рāби'и, называя ее отца правителем Балха, Киздара и Буста. Дочь же его за красоту носила имя Зайн ал-'Араб. Корни этой легенды можно проследить в 21-й главе «Божественной Книги» («Илāхи-нāма») Фарӣд ад-Дйна 'Аттāра. Приведем вкратце ее содержание.

В Балхе правит могущественный эмир Ка'б. У него есть сын Хāрис и дочь Рāби'а. Чувствуя приближение смерти, Ка'б завещает сыну заботу о сестре. Однажды весной Хāрис устраивает пир в саду, на котором присутствуют все приближенные, в том числе его любимый *гулям*, которому он доверял настолько, что поручил ведать казной. Рāби'а, выйдя на балкон,

⁶⁴ В этой же версии излагается биография Рāби'и у З. Сафа. См.: Сафа, 1992. S. 449—450.

чтобы посмотреть на пиршество, замечает прекрасного Бикташа и сразу же влюбляется в него. От страсти и безысходной тоски девушка заболевает. Врачи бессильны ей помочь. Только кормилица, которой удалось выведать истинную причину болезни, берется вылечить девушку. Она относит Бикташу письмо Раби'и с ее портретом. Взглянув на портрет, юноша также влюбляется в Раби'у. Однажды влюбленные случайно встречаются в узком темном коридоре дворца, но Раби'а не может позволить себе близости с простым *гулямом* и резко отталкивает Бикташа. После этого эпизода она стала писать настолько насыщенные страстью стихи, что 'Аттар, приводя мнение Абу Са'йда Абу-л-Хайра, называет их чистейшим выражением божественной любви.

На их владения нападают враги. Хәриҗ берет с собой Бикташа и отправляется на войну. Раби'а переодевается воином и присоединяется к армии брата. В жестоком бою она спасает любимого от плена и смерти и исчезает, никем не узнанная. Хәриҗ, одержав победу, возвращается домой. Раби'а в письме к Бикташу признается в своем подвиге.

В Балх приезжает Рӯдакй, ему дают прочесть стихи Раби'и. Найдя их лучше собственных, Рӯдакй определяет, что автор их опьянен любовью.

Спустя некоторое время Хәриҗ отправляется в Бухару с благодарностью эмиру за помощь в сражении. На пиру Рӯдакй исполняет под музыку стихи Раби'и. Эмир приходит от них в восторг и просит рассказать о поэтессе. Рӯдакй рассказывает все, что слышал в Балхе о несчастных влюбленных.

Вернувшись домой, Хәриҗ решает наказать Раби'у за эту безумную страсть, приведшую его к позору. Ему приносят ларец, который выкрал у Бикташа слуга. Там находятся письма Раби'и — доказательства ее вины.

Хәриҗ заключает Бикташа в подземную тюрьму, а его возлюбленную отводят в жарко натопленную баню и вскрывают вены. Вход в баню замуровывают. Перед смертью Раби'а пишет кровью на стене последнее посвящение возлюбленному. Бикташу удается бежать из темницы, он пробрается во дворец, убивает Хәриҗа и кончает с собой у входа в баню, где погребена его любимая.

Как справедливо замечает Е. Э. Бертельс, придавать этому рассказу 'Аттара историческое значение вряд ли возможно, но существование уже в XII в. украшенного яркими деталями романа о поэтессе свидетельствует о значительной популярности ее стихов. К сожалению, до нас дошло очень немного произведений Раби'и, но каждое из них отличается от традиционного любовного *насыба* особая искренность и нежность:

کوشش بسیر نامد سودمند
کی توان کردن شنا ای مستمند

عشق را باز آوردم ببند⁶⁵
عشق دریای کرانه ناپدید

⁶⁵ У Сафа приводится вариант чтения: عشق او باز آوردم ببند. См.: Safa, 1992.

عشق را خواهی تا پایان بری بس که بیسندید باید ناپسند
 زشت باید دید و انکارید خوب زهر باید خورد و انکارید قند
 توسنی کردم ندانستم همی کز کشیدن تنگتر گردد کمند

*Я снова вырваться пыталась, попав в аркан любви.
 Бессмысленны попытки избавленья.
 Любовь — что море, берегов не видно.
 Ах, бедный! Можно ль переплыть его?
 Достичь ты хочешь в любви предела?
 О сколько же тогда придется принять зла за добро!
 Признать придется красотой уродство,
 Принять придется яд как сахар.
 Как вырывалась я, не зная,
 Что чем сильнее тянешь, тем туже петля затянет.*

Любовь для Раби'и — религия, Бог, и сила этой любви безгранична, она может все:

مرا به عشق همی محتمل کنی به حیل چه حجت آری پیش خدای عز و جل
 به عشقت اندر عاصی همی نیارم شد به دینم اندر طاغی همی شوم بمثل
 نعیم بی تو نخواهم جحیم با تو رواست که بی تو شکر زهرست و به تو زهر غسل

*Неискренность в моей любви подозреваешь.
 Чем ты докажешь это Богу, Великому и Славному?
 Как я могу восстать против своей любви к тебе!
 Как я могу восстать против религии своей, к примеру!
 Райских благ без тебя не хочу, а с тобой по плечу и ад!
 Без тебя и сахар — что яд, а с тобою и яд — что мед...*

В заключение приведем *rubā'ī*, в котором Раби'а пытается определить необходимость и возможность достижения гармонии *bāṭin* (внутреннего, души) и *zāhir* (внешнего, телесной оболочки) в человеке, опьяненном страстью к идеальному возлюбленному:

کاشک تنم باز یافتی خبر دل کاشک دلم باز یافتی خبر تن
 کاشک من از تو برستمی سلامت ای فسوسا کجا توانم رستن

*О если бы ведало тело мое о том, что в душе моей!
 О если б знала душа о том, что происходит с телом моим!
 О если б избавиться мне от тебя!
 Увы! Где же избавиться мне!*

Махсатӣ

Говоря о творчестве Раби'и, трудно удержаться от того, чтобы не упомянуть имя другой поэтессы, ее соотечественницы и, возможно, современницы ⁶⁶ Махсатӣ (Махсатӣ или Махастӣ) ⁶⁷.

Произведения этих двух поэтесс настолько различны по своей стилистике и подходу к одной и той же теме, что, кажется, попытки выделения их в одно целое под именем «женской лирики в персидской классической поэзии» с целью исследования ее особенностей заранее обречены на провал.

Соглашаясь с мнением А. Козмоян, отметим, что, очевидно, поэтическое творчество Махсатӣ — это трансформированный для придворных нужд городской фольклор, получивший название жанра *шахрайшуб* ⁶⁸. Характерной же особенностью стихотворений Махсатӣ является нарочитая сниженность стиля как в лексике, так и в системе образов.

В качестве объектов своих пылких, весьма смелых, а иногда откровенно непристойных признаний она избирает в основном базарный люд — мясников, сапожников, портных, кузнецов и пр. Вот один из таких примеров:

دی گفتمش آن پسر درزی را کز بهر خدا خوش پسرا در زیرآ
گفتا که قبای وصل ما نخری گفتم که به جان همی خرم درزی را

⁶⁶ О времени жизни этой поэтессы можно судить лишь приблизительно. Долго считалось, что расцвет ее творчества пришелся на конец X—начало XI в., поскольку ее имя с иллюстрацией в виде *рубд 'и* было упомянуто в *фарханге* Асади Туси. Однако в критическом издании этого произведения А. Иқбала Махсатӣ уже нет, а авторство ее *рубд 'и* приписано Рудаки (см.: Abd 'Alī b. Aḥmad Asadī Tūsī, 1941). Существует мнение, согласно которому эта поэтесса жила гораздо позже, а именно в первой половине XII в., будучи современницей Низама. Основанием для такого мнения служит сохранившийся до нашего времени роман в стихах Джаухаря Заргара (XII в.), описывающий историю ее любви к сыну *хатиба* (проповедника) из Ганджи Амйру Аҳмаду. Однако смеем предположить, что если это произведение, совсем не претендующее на историческую достоверность, представляет собой одну из весьма идеализированных версий отношений Махсатӣ (по преданию, рабыни султана Санджара) и ее возлюбленного, то, очевидно, пик популярности поэтессы, вошедшей в легенду, был гораздо раньше, а именно в середине или конце XI в.

⁶⁷ См. о ней: Meier, 1963; Browne, 1964. P. 344—345; Divān-i Mahsatt'-yi, 1957; Козмоян, 1984. С. 43—49; Радтке, 2001.

⁶⁸ Шахрайшуб — произведение, посвященное 'будоражащему целый город' > возлюбленному.

*Вчера сказала я ему, тому юному портняжке:
О, красавчик, ради Бога! Войди снизу!
Он сказал: Тогда не купишь ты [порванное] платье,
сблизившее нас!
Я сказала: Клянусь жизнью! Я заплачу именно за дыру.*

Действительно, если стихи Раби'и насыщены духовно-возвышенными переживаниями, то произведения Махсатй принято считать исключительно светскими, чувственно-эротическими и эпатирующими общественный вкус даже того времени⁶⁹.

⁶⁹ Как писал Е. Э. Бертельс, «значительная часть приписываемых Махсатй четверостиший — сугубо нецензурного содержания. Если учесть, в какой роли выступала такая певица при дворе, станет понятно, что бравирование цинизмом могло обеспечить ей, как много веков спустя французским шансонеткам, исключительный успех» (Бертельс, 1962. С. 78—80).

Мухтаджи́ды

Второе по значимости литературное объединение сложилось при дворе эмиров Чаганиана, оказывавших покровительство поэтам на протяжении всего существования династии Мухтаджидов. Чаганианские правители находились в вассальной зависимости от Саманидов и нередко восставали против столичной власти. Но с введением с 948 г. Саманидами института заложников, при котором в Бухаре постоянно находился кровный родственник чаганианского эмира, мятежи прекратились.

Абӯ-л-Музаффар

Многие поэты, ставшие впоследствии известными, начинали свою деятельность именно в Чаганиане, где особенное внимание уделялось созданию произведений на родном языке. Так, эмир Абӯ-л-Музаффар Тахир б. ал-Фазл⁷⁰ (ум. 377/987), сам писавший стихи по-персидски, особо покровительствовал таким поэтам, как Мунджик (Манджик) Тирмизий, Дақйқй, Абӯ Муҳаммад б. Муҳаммад б. Маҳмуд Балхй.

Приведем пример поэтического творчества эмира, которое 'Ауфй называет «изысканным и выразительным» (*латиф-у абдър*):

خداوند ديبای فيروزه رنگ	دلَم تنگ دارد بدان چشم تنگ
بکشی کورست و کبر پلنگ	بچشم کوزنست و رفتار کبک

*Сердце стеснено мое от прищуря ее глаз,
Словно шелк бирюзового цвета.
У нее глаза газели, а походка куропатки,
Словно лань, она изящна и величественна, как пантера...*

⁷⁰ Имеются также другие варианты имени этого правителя — Абу Йахйа, Абу-л-Хасан, Абу-л-Музаффар Тахир б. ал-Фазл б. Муҳаммад б. Мухтадж Чагани См.: 'Aufi, 1903. P. 3, 22; Safa, 1992. S. 428.

Мунджик

Не уступал меценату в таланте и Абӯ-л-Ҳасан б. Муҳаммад Мунджик (Манджик) Тирмизӣ, который сначала посвящал свои произведения, главным образом *касыды*, эмиру Абӯ-л-Музаффару. В 981 г. последний был убит в сражении со своим племянником Абӯ Музаффаром Фахр ад-Даула Аҳмад б. Муҳаммадом, оказавшимся не меньшим любителем изящной словесности, чем дядя. Воссев на чаганианский престол, Абӯ Музаффар оказывал поэтам покровительство с еще большей щедростью, за что Мунджик выказывал ему благодарность в своих стихах. *Диван* поэта, пользовавшийся большой популярностью в X—XII вв., о чем свидетельствуют многочисленные упоминания о нем, рассыпанные по авторитетным *тазкира*, *фархангам* и поэтикам, до нас не дошел. Однако по свидетельству 'Ауфӣ, Мунджик довел свое искусство до совершенства не только в славословии и лирической миниатюре — его сатиры и эпиграммы отличались особой едкостью и беспощадностью:

ما می میخواستیم زدن دوش جام جام چون تو بیامدیش بماندیم خام خام
از آدم اندرون ز تبارت کسی نماند کورا هجا نکردست منجیک نام نام

*Только вечером вчера хотели выпить мы вина по кубку,
Как явился ты, и вот нам трезвыми пришлось остаться.
Не осталось в роду твоём ничего от Адама!
Слепец! Мунджик не называет имен в эпиграммах.*

Дақӣқӣ

Самым знаменитым поэтом, прославившим свое имя вместе с Чаганианом, был Абӯ Мансӯр Муҳаммад б. Аҳмад Дақӣқӣ. Очевидно, Дақӣқӣ родился в 30-х гг. X в., так как известна его *касыда*, посвященная саманидскому эмиру Мансӯру б. Нӯху (961—976). Как повсеместно сообщается, погиб Дақӣқӣ довольно молодым, будучи зарезан своим любимым рабом в бане. Так описал это событие Фирдоусӣ:

بدان خوی بد جان شیرین بداد نبود از جهان دلش يك روز شاد
یکایک ازو بخت بر کشته شد بدست یکی بنده بر کشته شد
ز کشتاسپ و ارجاسپ بيتی هزار بگفت و سر آمد بر او روزگار
برفت او و این نامه ناکفته ماند چنان بخت بيدار او خفته ماند

*Пороку пожертвовав жизнью своей,
Не знал он беспечных и радостных дней.
Сраженный рукою раба своего,
Погиб: отвернулась судьба от него.*

*Лишь только воспел он в двух тысячах строк
Гоштаспа с Арджаспом — пришел ему срок.
Он умер и сказ не довел до конца:
Погасла звезда молодого певца*⁷¹.

Неоднократно упоминаемый Фирдоусй на страницах его «Шахнама» порок Дақйкй можно объяснять по-разному. Однако, по всей видимости, поэт имел в виду особую склонность Дақйкй к зороастризму, которой он бравировал в своих произведениях. Нарочито воспевая огонь и вино, Дақйкй эпатировал чувства не только мусульманских ортодоксов, но и довольно либерально настроенной саманидской аристократии, которая, несмотря на негласную поддержку иранской шуубин, официально пропагандировала правоверный суннизм. Поэтому даже такому талантливому поэту, каким был Дақйкй, трудно было простить, например, такие откровенные строки:

دقیقی چار خصات بر کزیدست بگیتی از همه خوبی و زشتی
لب یاقوت رنگ و ناله چنگ می خون رنگ و دین زردشتی

*И добро и зло Дақйкй изведал,
Ныне жаждет он четырех услад:
То — коралл вина, вера Заратуштры,
Чанга*⁷² *нежный стон, алых губ гранат.*

Возможно, нелепая и трагическая смерть Дақйкй была не случайна. Но теперь мы можем только строить свои предположения на этот счет. Из литературного наследия поэта до нас дошла лишь незначительная часть созданного (по расчетам исследователей). Живя при дворе, Дақйкй, разумеется, был превосходным мастером торжественной оды, а также лирической миниатюры, легко ложившейся на музыку и исполнявшейся в основном под аккомпанемент *рӯда* или *чанга*. Главным же делом своей жизни Дақйкй избрал грандиозный проект по составлению стихотворной версии иранской эпической «Книги царей». Принято считать, что Дақйкй получил высочайший заказ на создание поэмы от самого Саманида Нұха II (976—997). Очевидно, работе Дақйкй над «Шахнама» предшествовал долгий этап предварительной подготовки материала, как прозаического, так и уже имевшихся к тому времени его версифицированных вариантов. По мнению З. Сафā, «Книга царей» Дақйкй должна была стать третьей по-

⁷¹ Перевод Ц. Бану-Лахути, А. Лахути, А. А. Старикова См.: Фирдоуси, Т. 1. 1993. С. 16.

⁷² Чанг — многострунный щипковый музыкальный инструмент, типа небольшой арфы или лютни, высотой более метра либо меньших размеров (Mu'in, 1316).

Тар — пятиструнный музыкальный инструмент, называемый также «иранским сазом» (sāz-i Irāni), наподобие гитары. Верх инструмента обтягивается тонко выделанной кожей ягненка. Звук извлекается при помощи медиатора (zakhma).

этической версией, наиболее полной и талантливой из всех уже существовавших⁷³. К сожалению, мы не знаем теперь, сколько успел написать Дақйқи до своей гибели. Но тысяча *бейтов* из этой книги была спасена от тлена времени Фирдоусй. По-видимому, сам Фирдоусй опасался писать на столь рискованную тему, как зарождение веры Заратуштры. Счастливая мысль пришла ему в голову — включить описание этого события, уже сделанное Дақйқи. Старательно подчеркивая принадлежность текста вставки предшественнику, Фирдоусй не преминул даже покритиковать Дақйқи в довольно резких выражениях, причем не за его идеологическую «незрелость», а как коллегу-профессионала. Приведем лишь фрагмент этого по-смертного *ҳаджва*⁷⁴:

*Стихи прочитал я и слабыми счел,
Средь бейтов немало нестройных нашел,
И все же их вставил в поэму: пусть шах
Об этих искусства лишенных стихах
Сам судит — моих тут не надобно слов,
Сравнит пусть жемчужины двух продавцов*⁷⁵.

Но даже и после кончины Дақйқи при дворе помнили о нем, знал об этом и искавший покровительства чаганианского правителя Фарруҳй:

هر نباتی کز شر کور دقیقی بر دمد کر بیرسی ز آفرین تو سخن راند هزا

*Каждая травинка на могиле Дақйқи
Пропоеет тебе славу в тысячу слов, если ты попросишь ее.*

После сочинения удачной *касыды*, фрагмент которой мы привели, Фарруҳй занял место Дақйқи при эмире Абӯ-л-Музаффаре, но ненадолго. Его поэтический талант расцвел в полной мере уже на Востоке, в новой столице новой империи — Газне, при дворе султана Махмұда.

⁷³ См.: Safa, 1993. S. 412. По мнению Е. Э. Бертельса, Дақйқи был первым, кто попытался переложить в стихи древнюю книгу. См.: Бертельс, 1960. С. 164.

⁷⁴ Ҳаджв — поэт. жанр: поношение, хула, сатира.

⁷⁵ Перевод Ц. Бану-Лахути (Фирдоусй, 1994. С. 125).

Падение Саманидов

Первые крупные самостоятельные государства в Западном Иране, основанные двумя дейлемитскими династиями — Зийаридов (927—1090) и Буидов (932—1062) укрепились уже к началу 30-х гг. X в. Столицы новых правителей в Гургане, Рее, Исфагане, Ширазе были настоящими центрами культурной жизни мусульманского мира с арабским языком в качестве государственного. Родным языком представителей обеих правящих династий был не новоперсидский, а родственный ему, но существенно отличный табарийский (древний мазендаранский). Поэтому первые неарабские произведения во владениях этих государств создавались на языке *табарй*, который так и не стал литературным. Средневековые хроники сообщают нам имена нескольких табариязычных поэтов, ставших известными в это время. Так, при дворе Буида 'Аз'уд ад-Даула (949—983) прославились 'Али Пйр'уза и Мастамард. Ко второй половине X в. в обоих государствах наметилась явная персоязычная ориентация, о чем свидетельствует появление при дворе поэтов, пишущих по-персидски и по-арабски. Так, в Гургане при дворе Зийарида Қаб'уса б. Вашмг'ира (Вушмаг'ира) (976—1012) подвизались Мантиқй Р'азй (ум. 980), чуть позже Хусравй Сараксй и Қамарй М'азанд'ар'анй, в Рее — Бундар Кам'ал ад-Дйн (ум. 1010) и Га'з'а'ирй (ум. ок. 1040).

В связи с падением значения Бухары как центра культурной жизни Мавераннахра и Хорасана эту роль принимает на себя Газна. Тщетны были отчаянные попытки Саманидов удержать ускользающую власть в последние годы X в.: империя уже рассыпалась на множество мелких владений, где каждый правитель мечтал о единоличной власти.

Династия Газневидов обязана своим появлением тюркскому рабу Алптегину, который благодаря своей военной доблести дослужился до командования саманидскими войсками в Хорасане. После смерти эмира 'Абд-Малика б. Нуха Самани в 961 г. Алптегин при поддержке Абу 'Али Бал'амй участвует в дворцовых интригах. Он предпринимает попытку возвести на престол сына эмира, рассчитывая получить индийские провинции. Попытка оказалась неудачной, и Алптегин, захватив Газну, остался ее правителем от имени Саманидов на более чем шестнадцатилетний срок. Когда в 977 г. Ал-

птегин умирает, его приближенные провозглашают своим правителем его верного раба Сабуктегина, женатого к тому времени на дочери Алптегина.

Предчувствуя опасность для трона, Нұх II обращается к помощи своего вассала Сабуктегина, некогда начальника профессиональной тюркской армии, состоявшей на службе у бухарских эмиров. Действительно, вскоре один из мятежных полководцев по имени Фаик заключает союз с правителем Семиречья Караханидом Нағром для совместного вторжения в саманидские владения. Сабуктегин вместе со своим сыном, также талантливым военачальником, собрав войска, обратились к Нұху с предложением объединить усилия по отражению нападения противника. Однако Нұх отказывается присоединиться к их армии. Сабуктегин разрывает договор с эмиром и переходит на сторону Караханидов. Нұх неожиданно умирает. На престол вступает его сын Мансұр, который назначает главнокомандующим и правителем Хорасана тюркского полководца Бектузұна и щедро одаривает армию. В это время умирает и Сабуктегин. После жестокой борьбы Махмұду удается занять его место, отстранив брата Исма'йла. Добившись успеха, Махмұд требует у Мансұра сместить Бектузұна и отдать ему Балх, Термез и Герат. Получив отрицательный ответ, Махмұд снаряжает войско и идет на Нишапур. Бектузұн в страхе бежит и вступает в предательский сговор с Фаиком. Последнему удается заполучить эмира к себе в дом и ослепить каленым железом. На престол возводят малолетнего брата Мансұра Абд ал-Малика. Махмұд, узнав о нарушении договора, спешно ведет войска на Бухару под благородным девизом отмщения за своего сюзерена. Фаик и Бектузұн, захватив с собой малолетнего эмира, укрываются в Мерве, откуда умоляют Махмұда о прощении. Махмұд решительно направляется в Мерв и громит войско трусливых полководцев, которые успевают снова убежать в Бухару, где Фаик неожиданно умирает. Но Махмұд не успевает «отмстить за царя». Это удается Караханиду Нағру, который вступает в Бухару 23 октября 999 г. и заковывает Бектузұна в кандалы. Отправленный в Узгенд, юный 'Абд ал-Малик также скоростижно умирает. Все остальные уцелевшие члены рода Саманидов взяты в плен и рассеяны по отдаленным провинциям. Только один представитель этой династии попытался оказать сопротивление захватчикам. Это был сын Нұха Абū Ибраһим Исма'йл ал-Мунтағир.

Исма'йл ал-Мунтағир

Получив великолепное придворное образование, Исма'йл обладал мужеством настоящего воина, о чем свидетельствуют его собственные стихи:

منزلگه آراسته و فرش ملون

کویند مرا ز چه رو خوب نسازی

با نعره كردان چه كنم لحن آغانی
 اسپست و سلاحست مرا بزمگه و كاخ
 با پويه اسبان چه كنم مجلس كلشن
 تيرست و سنانست مرا لاله و سوسن
 جوش می و نوش لب ساقی به چه كارست
 جوشیدن خون باید بر عیبه و جوشن

Говорят мне: «Почему бы тебе не построить

Прекрасный дворец с узорными коврами?

Но зачем мне музыка, если есть боевой клич!

Зачем мне посиделки среди роз, если есть скачущие лошади!

Конь и оружие — вот мои пир и дворец!

Стрела и копье — вот мои тюльпаны и лилии!

К чему кипение вина и упивание устами кравчего?

Мне нужно лишь кипение крови на кольчуге и латах!

В одном из сражений Исмă'йл был взят в плен Караханидами, но сумел бежать в чадре рабыни. Некоторое время он скрывался в Бухаре, а потом, добравшись до Хорезма, собрал достаточно большое войско, с которым смог нанести несколько поражений караханидским войскам и вступить в Бухару. Несколько лет провел Исмă'йл в боях. Иногда ему удавалось одержать победу в сражении, иногда он спасался бегством по тонкому льду Амударьи и бродил по гузским степям, прося подкрепления у кочевников, а иногда ему оказывали финансовую поддержку все еще сочувствовавшие былой династии прежние вассалы, такие как просвещенный правитель Гургана Қабұс б. Вашмгйр. Блистательные победы и светлые надежды сменялись поражениями и отчаянием. Может быть, тогда было написано Исмă'йлом такое *рубā'ī*, обращенное к небесам:

ای بدیدن کبود و خود نه کبود آتش از طبع و در نمایش دود
 ای دو گوش تو کر مادرزاد با تو ام زاری و عتاب چه سود

Эй ты, что кажешься синим, а на самом деле — нет!

По натуре — пламя, а по виду — дым!

Эй ты, ведь глухо ты от рожденья!

Так какой же смысл упрекать тебя и плакать пред тобой!

В один из таких моментов Исмă'йл даже попросил Махмұда принять его к себе на службу... Зимой, в декабре 1004 г., измученные бесконечными военными переходами соратники предают Исмă'йла. Ночью его пленяют и по приказу караханидского *хаджиба* уже в Узгенде предают смерти. Так погиб последний представитель некогда могущественной династии, владения которой распались теперь на две части. Караханидам отошли территории от Кашгара до Амударьи, включая часть Восточного Туркестана, Семиречье, Шаш, Фергану и весь древний Согд; Газневиды стали обладателями земель от границ Северной Индии вплоть до южных берегов Каспийского моря.

Караханиды

К сожалению, о литературной жизни при Караханидском дворе (922—1211 гг.) мы почти не располагаем сведениями; они в основном ограничиваются лишь именами таких поэтов, как **Рашиди Самарқанди**, **Сўзани**, **‘Али Шатранджи Самарқанди**. Основной причиной того, что произведения этих авторов почти не сохранились, исследователи считали процветание инакомыслия и иноверия при Караханидском дворе, что подтверждалось сведениями о том, что **Рашиди Самарқанди** был христианином, да и сатирик **Сўзани** явно не во всем придерживался правоверия⁷⁶. Сейчас невозможно с уверенностью говорить о том, почему на самом деле произведения целого литературного круга были уничтожены временем.

Почти у каждого талантливой поэта мы находим строки, насыщенные отчаянным пессимизмом и разочарованием, иногда открыто пренебрежительные по отношению к религии. Вспомним, к примеру, стихотворение **Манўчихрй**, призывающее пить вино в любой день недели, невзирая на то, что четыре дня из них являются запретными для этого по одной из четырех религий: зороастризму, иудаизму, христианству или исламу. Возможно, причиной тому послужили какие-то случайные события, вроде пожара, учиненного **Гуридом ‘Аля ад-Дин**ом в Газне, в котором сгорели, очевидно, рукописи **‘Унсури**. Наиболее вероятным, однако, представляется то, что Караханиды относились к поэтам без того внимания, каким те пользовались при Саманидах, а впоследствии при Газневидах. Зато покровительственная политика по отношению к людям интеллектуального труда при дворе **Махмуда** была прославлена многочисленными придворными поэтами и учеными, которые формировали золотой культурный фонд новой столицы, либо сами стремясь в Газну, либо по приглашению султана.

⁷⁶ См.: Литература Востока... С. 79—80.

Газневиды

Еще в октябре 999 г. власть султана Махмуда на завоеванных территориях была официально признана аббасидским халифом ал-Қадиром. За время своего царствования Махмуду удалось упрочить границы своего государства с Караханидами. Это произошло, правда, не сразу. Вплоть до января 1008 г. караханидские войска неоднократно переходили Амударью, грабили чужие владения и даже захватили в 1007 г. Балх. Но поражение, нанесенное им Махмудом, было настолько сокрушительным, что опасность новых вторжений была снята навсегда. А посетивший в 1025 г. Махмуда Караханид Йусуф Қадир-хан был настолько ослеплен великолепием гостеприимного двора, что даже забыл вручить Махмуду приготовленный в подарок огромных размеров драгоценный камень⁷⁷.

Сохранившиеся сведения о личности Махмуда противоречивы. Он был мудрым политиком, талантливым полководцем, смелым воином и покровителем поэтов, ценителем прекрасного и ревнителем веры, отличался хорошим литературным вкусом и редкой даже для средневековья жестокостью, требуя неукоснительного исполнения любого своего приказа. Создавая собственную библиотеку, поражавшую современников своими редкостями, он приказал сжечь дотла библиотеку в Рее после захвата города. Он вошел в Рей, объявленный городом еретиков, почти без боя и приказал убивать, грабить и жечь. Из Рея он тогда вывез около миллиона динаров золотом, драгоценностей на 500 тысяч динаров и шелковых тканей на 6 тысяч динаров, не считая всего остального⁷⁸.

Мощь империи Махмуда покоилась на хорошо организованной и вооруженной профессиональной армии, способной к молниеносным ударам и легким маневрам. Благополучие государства определялось четкой работой административной, в первую очередь налоговой системы, пронизывавшей все государство сверху донизу, а также периодическими походами Махмуда на Индию, приносившими сказочный доход казне. Главным делом своей жизни Махмуд, вне всякого сомнения, считал участие в воен-

⁷⁷ Gardizi, 1928. S. 80.

⁷⁸ Afshar, 1993. S. 29.

ных походах, захват военной добычи и подчинение новых городов и провинций. Поначалу просто грабительские походы хорошо организованной армии постепенно трансформировались в войну с неверными и еретиками, идеологически оправданную и необходимую. После первой грандиозной победы, одержанной султаном над индийским правителем Джайпалом в ноябре 1001 г., Махмуд осуществляет еще семнадцать опустошительных для Индии вторжений. Одной из самых известных считается битва за Сумнат, победа над которым была воспета придворными поэтами. Известно, что после взятия города Махмуд отдал приказ о разграблении знаменитого буддийского храма, в результате чего грабители получили около 20 миллионов динаров. Военные потери султанской армии в этом походе составили почти 30 тысяч воинов. Удержать власть в индийских провинциях Махмуд не пытался, понимая, что это будет неоправданным расточительством. Поэтому расширение своих владений он проводил в другом направлении. Так, в 1017 г. Махмуд получает от халифа свидетельство об официальном признании подчинения ему Хорезма, Систана и Индии. В самом конце жизни (1029) Махмуд двинулся на Рей и Хамадан в Западном Иране и отнял их у Буидов⁷⁹.

Демонстрируя свою истую приверженность ортодоксальному исламу, Махмуд не принял с помощью 'Унсурй творение Фирдоусй по той же причине, по какой он жесточайшим образом истреблял инакомыслящих, главным образом карматов. Желание уничтожить возможных претендентов на престол вынуждало Махмуда к столь решительным действиям против «врагов ислама»: «Все книги, связанные с их еретическими верованиями, были преданы огню. 50 верблюжьих вьюков книг было сожжено под виселицами, на которых висели изуродованные тела карматов»⁸⁰. Во время взятия Мультана султан собственноручно истреблял этих врагов веры так яростно и беспощадно, что рукоятку меча, от обилия крови присохшую к его руке, пришлось отмачивать горячей водой⁸¹.

Империя Махмуда, к концу его царствования представлявшая собой самое могущественное государство после Аббасидского халифата ранней поры его расцвета, просуществовала недолго. Фактически он сам был ее основателем и олицетворением. С его смертью, случившейся 1 мая 1030 г. в результате приступа астмы или туберкулеза, хорошо налаженная государственная система стала давать сбои и вскоре была окончательно сломана под натиском Сельджукидов. Сыновей султана при погребении не было. Шихаб ад-Даула Мас'уд был в Исфагане, Джалал ад-Даула Мухаммад — в Гузганане. Восприемником был провозглашен любимый сын Махмуда — Мухаммад при поддержке своего дяди эмира Йусуфа. По-

⁷⁹ Afshar, 1993. S. 11—19; Босворт, 1971. С. 237—239.

⁸⁰ Цит. По: Бертельс, 1988 (2). С. 100.

⁸¹ Ibid.

следний был назначен новым султаном верховным главнокомандующим объединенных войск империи. Старинное соперничество между братьями усиливалось мягкой опалой со стороны Махмуда — ссылкой в Ирак старшего сына и приближением к столице младшего, Мухаммада. По версии Байхақи, основной причиной враждебности Мас'уда к брату и дяде стало то, что обещанная в жены царевичу Мас'уду дочь эмира Йусуфа еще по приказу Махмуда была отдана за Мухаммада⁸².

Однако у Мухаммада была сильная оппозиция. Прославленный в стихах любимец Махмуда бывший *гулям* Айъз б. Аймак поспешил примкнуть к Мас'уду, который в Нишапуре уже собирал войско. Опасаясь мести Мас'уда, придворные, которые совсем недавно воздавали царские почести Мухаммаду и помогали ему занять престол отца, заключают его в темницу в горной крепости Текин-абада. Мас'уд, прибыв в Газну, считает это наказание недостаточным для брата и приказывает ослепить его. Эмира Йусуфа заключают в крепость Сакаванд, но уже спустя год, в 1032 г., Мас'уду доносят, что дядя скончался. Начинаются массовые репрессии против сторонников отца. На глазах у всей столицы вздернут на виселицу *вазир* Махмуда по прозвищу Хасанак. Бывший *вазир* висел на перекладине долгих семь лет, пока не превратился в мумию. Мас'уд вступил в Газну как долгожданный законный правитель. Уже в октябре 1030 г. из Багдада пришло уведомление об официальном признании Мас'уда султаном.

Несмотря на то что Мас'уд был наиболее достойным преемником отца, похожим на него даже внешне, он был не в состоянии так же жестко проводить как внутреннюю, так и внешнюю политику в стране. Слишком разорительны для казны и подданных были злоупотребления чиновников в провинциях, слишком укрепили свои силы внешние противники Газневидов — Сельджукиды. В ответ на многочисленные набеги Мас'уд в 1040 г. собирает в Нишапуре войско и идет на Сельджукидов. Но его полководцы предают его. Добравшись до Газны, Мас'уд арестовывает бежавших с поля боя и отправляет в заключение в разные индийские замки, где они, по словам Гардизи, умирают в первый же день.

Низложенный Мухаммад пробыл в заключении до 1041 г., когда Мас'уд из страха перед сельджукской армией бежал в Индию. Оставшиеся без предводителя войска снова провозгласили своим султаном слепого Мухаммада. Один из сыновей Мухаммада убил попавшего в плен Мас'уда. Сторонники сына Мас'уда, в свою очередь, прибыв из Балха, отомстили за эту смерть, убив Мухаммада. В общей сложности Мухаммад пробыл на троне около восьми месяцев (5 месяцев в первый раз и около 3 — во второй). Мас'уд, пытаясь проводить политику отца, даже совершает походы на Индию, но страна уже начинает разваливаться, и еще в его правление к Сельджукидам отходят Хорасан и Хорезм, а потом и все

⁸² См.: Hamidi, 1994. P. 16.

обширные владения империи. Формально династия Газневидов существовала до 1186 г., когда в Пенджабе по приказу Гурида Қийас ад-Дйна Мухаммада был убит последний ее представитель Хосров Малик⁸³.

Столицу постигла страшная катастрофа. Подробное описание этого события имеется в хронике Михнадж ад-Дйна Джуджанй (1260). В 1150/51 г. город был разорен нашествием Гурида 'Ала ад-Дйна, который за это был назван Джахансузом (Сжигателем мира)⁸⁴ в ответ за убийство Бахрамшахом двух своих братьев. По его приказу Газна была отдана на неделю солдатам, которые грабили, убивали и жгли город семь дней и семь ночей так, что ночью от пламени было светло как днем, днем же от дыма пожара было темно как ночью. Все это время 'Ала ад-Дин предавался вину и наслаждениям в султанском дворце. На восьмую ночь он приказал выкопать тела братьев и устроить траурную церемонию, оставшихся в живых газнийцев простил, о чем сочинил *фахр*⁸⁵ в восемь *бейтов*, восхваляющий собственное великодушие. По дороге домой в городе Бусте он разрушил все великолепные дворцы, принадлежавшие потомкам Махмуда. Покидая Газну, он приказал положить тела братьев в сундуки, взять нескольких газнийских сеййидов с мешками земли на спине и везти в Фирузкух. В Фирузкухе сеййиды были убиты, на их крови была замешана принесенная ими газнийская земля, из которой построили охранительные башни вокруг города. Свершив месть, Джахансуз написал еще одно стихотворение, которое приказал положить на музыку и распевать повсюду. Оно начиналось таким *бейтом*:

*Я тот, кем гордится моя эпоха,
Я тот, чья щедрость притесняет казну...*⁸⁶

Так прекратила свое существование государственная и культурная столица великой империи, славившейся на всем мусульманском Востоке своими дворцами, садами и библиотеками.

Газнийский литературный круг

Будучи исключительно тонким и дальновидным политиком, Махмуд б. Сабуктегйн прилагал исключительные усилия к формированию своего окружения из лучших представителей литературы и науки того времени⁸⁷. Был ли Махмуд достаточно образован для того, чтобы оценить по

⁸³ См.: Босворт, 1971. С. 237—239.

⁸⁴ 'Ала ад-Дян был старшим братом покровителя Низамй 'Арузй Самаркандя, автора замечательного историографического труда «Чахар мақала» («Четыре беседы»).

⁸⁵ Фахр — поэтический жанр (самовосхваление).

⁸⁶ Подробно об этом см.: Низамй 'Арузй Самаркандя, 1963. С. 9—12.

⁸⁷ Подтверждением этому может служить рассказ Низамй 'Арузй о том, как Махмуд прислал повеление хорезмшаху Абу-л-'Аббасу Ма'муну (1016—1617) доставить в

достоинству творчество своих придворных служащих? Будучи крупным полководцем во втором поколении, Махмуд вполне мог получить хорошее образование. Вряд ли являются преувеличением свидетельства историков о том, что он прекрасно знал арабский и в перерывах между военными походами составлял комментарий к Корану. Есть даже упоминания о том, что он пытался слагать стихи и по-персидски⁸⁸. Но в первую очередь он сознавал, что именно поэты и ученые смогут прославить величие его личности и непобедимость его армии не только среди соседей, но и в веках. Поэтому при дворе находился целый штат придворных литераторов, живших на жалованье из казны. Обычно в *тазкира* и *фархангах* упоминаются 400 поэтов. Однако эта цифра весьма условна⁸⁹. Доверимся мнению 'Ауфй, выделившему из всех поэтов, творивших при Газнийском дворе, только 29 человек. Произведений этих авторов сохранилось гораздо больше, чем произведений поэтов саманидского времени. Однако их полных *дйвāнов*, в которых, кстати, совсем не представлен такой популярный в то время жанр, как *хаджв*, дошло до нас чрезвычайно мало. Вот имена тех, чьи стихи наиболее часто приводятся в антологиях: Абӯ-л-Қасим Ҳасан б. Аҳмад 'Унсӯри Балхӣ, Абӯ-л-Ҳасан 'Алӣ б. Джулӯғ Фарруҳӣ Сӣстāни, Абӯ-н-Наджм Аҳмад б. Каус б. Аҳмад Манӯчихрӣ Дāmғāни, Абӯ Назар 'Абд ал-'Азӣз б. Мансӯр ал-'Асджадӣ ал-Марвазӣ, Бузурджмихр Кā'инӣ, Лабӣбӣ, Абӯ Зайд Муҳаммад б. 'Алӣ ал-Ғазā'ирӣ ар-Рāзӣ, Имām Абӯ 'Абдаллāх 'Абдаррахмāн б. Муҳаммад ал-'Утāридӣ, 'Аййӯқӣ, Абӯ Саррака 'Абдаррахмāн б. Аҳмад ал-Балхӣ

Газну знаменитых ученых, служивших в то время при его дворе. В этом повелении имелся список тех, кого конкретно Махмуд желал бы видеть у себя на службе. Перед тем как дать ответ присланному с письмом вазиру, хорезмшах собрал ученых и огласил им требование султана, добавив: «Махмуд всесилен, у него много войска... Я не могу ослушаться его приказа...» Что было делать. Все были наслышаны о жестоком и неуравновешенном характере Махмуда, страшно было ехать, но страшнее было оставаться. Все, в том числе и Бйрунӣ, отправились готовиться к отъезду. Лишь Абу 'Алӣ б. Сина (980—1037) и Абу Сахл Масихи (ум. 1000) — один из наставников Абу 'Алӣ и друг Бйрунӣ отказались ехать. Скрываясь от преследований Махмуда, они долго скитались, так как султан добивался присутствия в Газне именно Авиценны. После долгих и тяжелых испытаний Абу 'Алӣ удалось спастись, его друг и учитель, не выдержав трудностей пути, скончался в дороге. См.: Nizami 'Arūzi Samarqandi, 1993. S. 118—123.

⁸⁸ См.: Бертельс, 1960. С. 301.

⁸⁹ Число 400, иногда 4000, являясь неким условно-сакральным числом, в средневековых источниках очень часто обозначает просто «очень много», ср., например, сообщение Низамӣ 'Арузӣ о том, что Рудақӣ из Герата вез вознаграждение за возвращение эмира в Бухару на четырехстах верблюдах или сообщение Ризы Куля-хана о том, что на приемах, устраиваемых 'Унсӯри в своем дворце, прислуживали 400 рабов в золотых поясах, а при его выездах из города 400 верблюдов везли его золотую утварь, или, к примеру, что армия Махмуда, как сказано в «Қабус-наме», насчитывала 4000 тюркских воинов и 4000 индийских.

ал-Аминий, Абӯ Са'йд Аҳмад б. Муҳаммад Маншӯри Самарқандӣ, Мас'уди Газнавий Раъй, Абӯ-л-Фазл Масрур б. Муҳаммад Талиқани, Абӯ Шариф Аҳмад б. 'Али Муджалладӣ Гургани, Абӯ-л-Ҳасан 'Али Бахрами Сараҳси, 'Абд ал-Джаббар Зинати 'Алави Маҳмуди, Абӯ 'Абдаллах Рӯзбих Лахӯри.

Наибольшую известность при дворе Маҳмуда и двух его сыновей, Муҳаммада и Мас'уда, снискали 'Унсӯри, Фарруҳи и Манучихри, на творчестве которых мы остановимся подробнее.

'Унсӯри

Абӯ-л-Қасим Ҳасан б. Аҳмад 'Унсӯри Балҳӣ⁹⁰ (970/980—1040) был официально признанным главой (*малик аш-шу'ара'*⁹¹) придворной поэтической организации во времена правления султана Маҳмуда. Как сообщает Риза Қули-хан в «Маджма 'ал-Фусаҳа», лишившись родителей, 'Унсӯри решил заняться торговлей. Однако на караван, с которым отправился 'Унсӯри, напали разбойники. Юный 'Унсӯри, потеряв последнее, посвящает себя изучению наук и поэзии и в итоге поступает на службу к эмиру Нафру. Несмотря на подчеркнута авантюрный сюжет этого рассказа, возможно, в нем и отражены какие-то реальные факты из биографии «царя поэтов». Сам же 'Унсӯри всегда отвергал даже намеки на его связи с коммерцией. Сохранился, например, такой фрагмент из его стихотворения, где он доказывает, обращаясь к Маҳмуду, что никогда не имел дела ни с торговцами, ни с разбойниками, зарабатывая на жизнь исключительно на государственной службе:

مرا شناسد لفظ بديع و وضع غريب مرا شناسد دعوی دعترو دیوان
غذا ز نعمت تو خوردم و ز خوان پدر نه از میانه راه و نه از در دکان

*Знаком я с изящным стилем, знаком с изысканной речью,
Знаком я со службой в дафтаре, знаком со службой в диване,
Твоею милостью кормился и со стола твоего отца,
Но не с большой дороги и не у дверей лавки.*

То, что свою поэтическую карьеру 'Унсӯри начал еще при эмире Нафре б. Нафир ад-Дине, брате Маҳмуда, очевидно после 999 г., когда последний занял пост *сипāхсālāра*⁹², подтверждается сохранившимися *касыдами* поэта (общим числом 8), сочиненными в его честь. Однако подлинная слава пришла к 'Унсӯри при Маҳмуде. Переехав в Газну, 'Унсӯри получает место одного из главных *надймов* при дворе. Он сопровождает

⁹⁰ Более подробно об этом поэте см.: Бертельс, 1988 (2). С. 8—202.

⁹¹ У автора «Маджма 'ал-Фусаҳа» есть упоминание о том, что 'Унсӯри был пожалован титул *Амир ал-'Умара* («Эмир эмиров»), но более нигде это факт не подтверждается.

⁹² *Сипахсала* — верховный главнокомандующий, военный министр.

Махмұда всегда и всюду, будь то увеселительная загородная поездка, охота или военная экспедиция. Он должен все видеть своими глазами, чтобы как можно точнее описать затем в стихах. М. Занд называл *касыды* 'Унсурий, часто даже лишенные *насиба* (художественно-лирического вступления), не поэзией, а версифицированной публицистикой на злобу дня, официальной передовицей, излагающей в общедоступной форме взгляды монарха⁹³. Вполне возможно, что и рассчитаны они были во многом на распространение не только и не столько во дворце, сколько за его пределами и даже за пределами империи. Действительно, *касыды* 'Унсурий насыщены фактическим материалом настолько, что теперь благодаря им мы можем восстановить многие подробности жизни средневекового правителя: сколько носорогов ему удалось убить на охоте, какие войска были задействованы при взятии города и т. д. Так, к примеру, в *касыде*, начинающейся строкой:

توانگری و بزرگی و کام دل به جهان نکرد حاصل کس جز بخدمت سلطان...

Богатства, величия и исполнения желаний в мире

Никто еще не добился иначе, как на службе у султана... —

в 75 *бейтах* 'Унсурий иллюстративно доказал превосходство Махмұда над Саманидами, сиптанским халифом, Илек-хандом и Хорезмшахом с привлечением доводов божественного и астрологического свойства. Своеобразным рекордом информативности может быть признана *касыда* с таким зачином:

ایا شنیده هنرهای خسروان بخیر بیا ز خسرو مشرق عیان بین تو هنر...

О, ты слышал о доблестях царей в преданиях!

Иди сюда и своими глазами увидь доблести царя Востока!..

В 162 *бейтах* этого стихотворения 'Унсурий смог описать такие победоносные сражения Махмұда, как битва за Хорасан в 999 г., поход на Бхатию в 1004 г., сражение с Джайпалом в 1001 г., поход на Мультап в 1004 г., сражение с Караханидами в 1005 г., поход на Синд в 1014 г., победа над Ибн Сурй в 1011 г., поход на Танисар в 1001 г., сражение с Шаром в 1012 г., покорение Хорезма в 1017 г., взятие Джама и Джелума в 1013 г., и много прочих мелких сражений.

Долгие годы усердной и беспорочной службы Махмұду принесли 'Унсурий немалый доход. Легенды о баснословных богатствах «царя поэтов» были общеизвестны уже среди его современников. Для потомков 'Унсурий навсегда стал образцом поэта-богача, который «не то на серебре, на золоте едал». Вспомним хотя бы *бейт* из *Хақанй*:

⁹³ См.: Занд, 1964. С. 98.

شنيديم كه از نقره زد ديگدان ز زر ساخت آلت خوان عنصرى

*Я слышал, заказал из серебра подставку для котла
'Унсурй, посуду ж сделал из золота он.*

Очевидно, на этот капитал, заработанный им при Махмуде, он и жил при его преемниках, которые уже не так жаловали фаворита отца. Мас'уд предпочитал слушать произведения своего любимца 'Алавй Зйнатй. Как сообщает Байхақй, во время приема по случаю празднования *михргана* Мас'уд одарил Зйнатй пятьюдесятью тысячами дирхемов, которые пришлось везти к нему домой на слоне, приглашенным поэтам досталось двадцать тысяч дирхемов, музыкантам и шутам тридцать тысяч, а 'Унсурй — всего тысяча дирхемов⁹⁴. Подтверждается изменение отношения к 'Унсурй и его собственным творчеством.

Нельзя не отметить и того, что 'Унсурй был не только поэтом, но и руководителем поэтов, каждый из которых был яркой индивидуальностью, творчески одаренной личностью. Общение с ним не могло строиться только на основе строгой военной или чиновной субординации. В качестве одного из самых характерных примеров того, как строились отношения между членами этой организации, вспомним публичные выяснения отношений в стихах между 'Унсурй и Ғазā'ири, который, не будучи в штате, присылал раз в год из Рея по одной *касыде*, получая за нее разовый гонорар в размере 1000 динаров. Конфликт 'Унсурй—Ғазā'ири начался с того, что царю поэтов не понравилась чрезмерность кокетливого *фахра* (самовосхваления), связанного в первую очередь с чересчур дорогими подарками, которыми осыпал султан Ғазā'ири, во вполне невинной *касыде*:

شنيديم كه از نقره زد ديگدان ز زر ساخت آلت خوان عنصرى
بس اى ملك كه نه لولو فروختم ملك فريب بخوانند و جادوى محتال

*Полно, о царь! Не продавал я жемчужин за деньги!
Полно, о царь! Не продавал я самоцветов за кошель!
Полно, о царь! Ведь за то, что Поэт я, и за эти мои стихи
Скажут, я обольстил царя, что я хитрый колдун...*

Желая поставить на место чужака, 'Унсурй обвиняет Ғазā'ири не в чрезмерной хвастливости, а в нарушении придворного этикета — оскорблении султана и в его лице и самого Бога, а также упрекает его в элементарной неграмотности:

بس اى ملك ز عطاي تو خيره چون كوئند كه بس نشان ملالت بود ز كبر و دلال

*Как можно заявлять так нагло: «Довольно мне твоих даров, о царь!»
Довольно — означает то, что надоело, гордыня это и каприз!*

⁹⁴ См.: Tārīkh-i Baihaqī, 1861—1862. P. 32, 333—334.

Ғазә'ири удається достойно и не менее резко парировать критику 'Унсури в другой *касыде*, после которой последовал настолько убийственный *хаджә* 'Унсури, что соперник был полностью дискредитирован.

Главное, что следует отметить, говоря о литературной жизни Газны при султани Махмуде, это то, что под началом 'Унсури впервые в истории в столь завершенном виде стала функционировать профессиональная поэтическая организация со своей строгой иерархической структурой, в которой, по выражению М. Л. Рейснер, служилые стихотворцы получили статус государственных чиновников⁹⁵. Разумеется, в обязанности 'Унсури входило и возглавлять государственную цензуру, и осуществлять прием новых членов в поэтическое сообщество. Остается удивляться поразительной работоспособности 'Унсури, при которой он, будучи до предела загружен административной рутинной, не терял вдохновения и не только писал огромное количество обязательных по должности од, но демонстрировал подчиненным прекрасные образцы настоящей поэзии. Яркими примерами живописных *насийбов*, причем не традиционных весенних, а посвященных зимнему празднику *сада*⁹⁶, считаются две *касыды*. Первая была посвящена эмиру Насру:

سده جشن ملوک نامدار است از افريدون و از جم يادکار است

*Сада — праздник именитых царей,
Это память о Фаридуне и Джамшиде...*

Вторая была написана уже зрелым мастером и поднесена Махмуду. Перед 'Унсури стояла сложнейшая задача. Судя по всему, древний иранский *сада* продолжали отмечать и при Махмуде. Поздравлять правителя, санкционировавшего суровые преследования любых отступлений от суннитского правоверия, с домусульманским праздником было рискованно, но не поздравить вообще было также недопустимо. Поэтому 'Унсури предпринимает исключительно искусный ход: он поздравляет, не поздравляя:

خدايگانا کفتم که تهنيت کويم به جشن دهقان آيين زينت بهمن
تو مرد دينی و اين رسم کبران است روا نداری به رسم کبران رفتن
جهانيان به رسوم تو تهنيت کويند ترا به رسم کيان تهنيت نکويم من

*Повелитель! Я хотел было поздравить тебя
С праздником, принятым у диххан — украшением бахмана...
Но ведь ты человек истинной веры, а это — обычай гебров,
Ты ведь не допустишь, чтоб поступали по обычаям гебров.*

⁹⁵ См.: Рейснер, 1999 (2). С. 88.

⁹⁶ О праздновании *сада* см. подробнее: Бертельс, 1988 (3). С. 302—305.

*Оба мира поздравляют тебя по твоим обычаям.
Не стану и я поздравлять тебя по кейанидским обычаям.*

К литературному наследию 'Унсури время отнеслось беспощадно. По всей вероятности, рукописи его произведений хранились главным образом в султанской библиотеке Газны, которая погибла в огне пожара, учиненного Джахансүзом. По данным средневековых *тазкира*, 'Унсури был автором *дйвāна* и трех романтических поэм в тридцать тысяч *бейтов*. В настоящее время мы владеем лишь неполным *дйвāном* в очень поздних рукописях (не ранее XIX в.) с огромной лакуной между рифмами на *рā* и *лām*⁹⁷. В этих списках обычно помимо *касыд* имеются четыре *газели*, одно *кит'а* и около двадцати *рубā'й*. Из 50 дошедших до нас *касыд* 'Унсури Мас'уду посвящена только одна. Кроме уже упоминавшегося покровителя 'Унсури эмира Насра, которому поэт посвятил 8 од, 'Унсури писал также для другого брата Махмуда Абү Йа'қуба Йусуфа б. Насир ад-Дйна и Абүл-Қасима, 'амйда⁹⁸ сеййидов. Все же остальные *касыды* (всего 39) были сложены в восхваление султана Махмуда.

Судьба поэм 'Унсури еще более печальна. О них сохранились лишь упоминания и отдельные *бейты*, рассыпанные по *фархангам* и антологиям, по которым невозможно восстановить даже, о чем были написаны эти популярные когда-то произведения. Возможно, именно в своей прекрасной лирике и романтических поэмах 'Унсури находил отдохновение для души, устававшей от добровольно-принудительной *касыдной* помпезности.

Неоспоримым является факт, что 'Унсури, так же как и его коллега по придворному цеху поэтов 'Аййуқи⁹⁹, имевший склонность к написанию именно авантюрно-рыцарского романа в стихах, был автором нескольких романтических поэм. Назывались поэмы «Вāмиқ и 'Азра», «Белый кумир и красный кумир» («Хинг бут-у Сурх бут») и «Шādбахр и 'Айн ал-Хайāt». По характеру названий этих поэм можно прийти к заключению, что у них у всех в основе лежал один сюжет: история двух влюбленных. Наибольшее количество дискуссий вызвала первая поэма. По свидетельству Даулатшāха, поэма с таким названием была известна еще при эмире 'Абдаллāхе б. Тāхире (828—844), правившем в Нишапуре. Долгое время в

⁹⁷ См.: *Dīvān-i 'Unsurī*, 1983.

⁹⁸ 'Амйд — глава, иногда должность распорядителя двора.

⁹⁹ Авторству 'Аййуқи приписывается поэма с романтическим сюжетом под названием «Варка и Гулшах». Она была обнаружена А. Аташем и опубликована в 1924 г. с комментариями З. Сафа. В основе романа — стандартная для средневековья история двух молодых людей, с детства полюбивших друг друга, но впоследствии разлученных судьбой. Подвергаясь смертельным опасностям, они не оставляют надежды найти друг друга и добиваются цели. Упоминания об этих произведениях есть у Сузани и Джалал ад-Дйна Руми. Роман был переведен на турецкий язык Йусуфом Маддахом в 1368 г. Европейская версия этого сюжета существует в романской литературе под названием «Floire et Blancheflor».

европейском востоковедении считалось, что сюжет поэмы 'Унсурий можно восстановить по «ее турецкой версии», созданной Лами'й (ум. 1530). Однако общеизвестно, что на мусульманском Востоке практика точного перевода художественного произведения совершенно не нашла развития. Напротив, было весьма принято представить собственную версию, часто сильно отличающуюся от первоначальной, дабы продемонстрировать превосходство собственного литературного дара над талантом предшественника. Чем популярнее было произведение, тем больше «подражаний» (которые таковыми можно назвать лишь условно) оно вызывало. Вспомним, к примеру, «Гаршасп-нама» Асади Туси, желавшего затмить славу «Шāхнама». Что же касается поэмы 'Унсурий, то, очевидно, она была основана на одном из вариантов античного романа, известного на Среднем и Ближнем Востоке¹⁰⁰. Это подтверждается именами персонажей поэмы, сохранными в старых *фархангах*, например, в «Маджма' ал-Фурс» Суруй¹⁰¹: Макзитус — отец Вамика, Асанистан — отец 'Азры, Фалатус — учитель 'Азры и др. В такой паре, как Хāру и Андарус, можно подозревать вставной сюжет о легендарных влюбленных Геро и Леандре. Вторая поэма, согласно свидетельству из рукописи X—XI вв. прозаической версии «Искандар-нама», была посвящена трагической истории любви египетского царевича и китайской принцессы, могилы которых, по преданию, находятся у подножия двух знаменитых бамианских идолов¹⁰², высеченных более двух тысячелетий тому назад и ставших в наше время жертвой вандализма афганских талибов¹⁰³.

Фаррухӣ

Абӯ-л-Ҳасан 'Али б. Джулӯғ Фаррухӣ Сйстāнӣ (981—1038) — один из наиболее выдающихся поэтов при дворе Йамйн ад-Даула Махмӯда Газневӣ (998—1030). Его талант отличался особой яркостью и жизнерадостностью.

Точных биографических сведений о Фаррухӣ сохранилось мало. Исследователи его жизни и творчества считают, что он умер довольно молодым, ссылаясь при этом на известное четверостишие Лабйбӣ, соперника и официального «заместителя» 'Унсурий, написанное на смерть Фаррухӣ:

پیری بماند دیر و جوانی برفت زود	گر فرخی بمرد چرا عنصری نمرد
دیوانه ای بماند ز ماندنش هیچ سود	فرزانه ای برفت و ز رفتنش هر زیان

¹⁰⁰ У Бйрунӣ также имеется перевод на арабский язык легенды о Вамике и Азре. См.: Бертельс, 1960. С. 316.

¹⁰¹ См.: Чайкин, 1935.

¹⁰² См.: Бертельс, 1960. С. 313.

¹⁰³ См.: Григорьев, 2001.

*Вот умер Фаррухй, зачем же 'Унсурй не умер?
Надолго задержался старец, а юноша ушел так рано!
Покинул нас мудрец, всем горько от его ухода,
Остался же безумец, нет пользы никакой в том пребыванье.*

Восстановить какие-либо даты и факты, связанные с жизнью Фаррухй, можно по некоторым историческим хроникам и антологиям, по эпизодам, нашедшим отражение в его собственных стихах, а также по увлекательному рассказу Низамй 'Арузй Самарқандй, изложенному в «Чахър Мақала». Этот рассказ признан наиболее авторитетным, так как является самым ранним упоминанием о Фаррухй, а именно о его появлении при дворе чаганианского правителя.

Известно, что Лабйбй относился к 'Унсурй с нескрываемой враждебностью, так что даже незначительная разница в возрасте 'Унсурй и Фаррухй могла быть им использована в приведенном стихотворении нарочито, тем более что, по всей вероятности, в это время 'Унсурй было уже за семьдесят. Можем, однако, утверждать, что Фаррухй довелось пережить свое пятидесятилетие:

...خدمت او کن و مخدوم شو و شاد بزى از اين گونه مگر ديدم سال پنجاه ...
*Служи ему (Махмұду), стань хозяином [жизни], живи весело!
Я же вот так встретил свое пятидесятилетие.*

Достоверных источников, касающихся времени смерти Фаррухй, нет. Можно лишь с уверенностью утверждать, что к моменту смерти Махмұда Газневи он был не только жив, но и не стар. Вот свидетельство Фаррухй из элегии на кончину Махмұда:

کاشکى چاره دانمى کردن که بدو بخشمى جوانى و جان
*О, если бы знал я, как сделать так,
Чтобы подарить ему и молодость, и жизнь!*

Этот *бейт* стал предметом дискуссий литературоведов, так как с его помощью пытались определить возраст Фаррухй на момент смерти султана Махмұда. В исследовании Ахмада 'Алй Имамй Афшара приводится предположение Х. Риттера со ссылками на З. Сафй и Садйқа, что Махмұд и Фаррухй были сверстниками. Известно, что султан умер в возрасте 58—60 лет. Следовательно, когда Фаррухй, будучи сам не очень юным, оплакивал кончину своего повелителя, он не мог подарить ему своей молодости. Таким образом, следует предположить, что Фаррухй родился между 977 и 981 гг.

Об отце Фаррухй сохранившиеся сведения также крайне скудны. Сообщается лишь, что звали его Джулуг (по версии 'Ауфй и Даулатшāха Самарқандй) или Кулұ' (Азар и Хидāйат). Семья жила в Систане и имела скромный достаток — Джулұг находился на службе у эмира Абұ Ахмад

б. Мухаммад б. Мухаммад б. Халаф б. ал-Лайс ас-Сафарй в должности *гуляма*¹⁰⁴. Систан как свою родину Фаррухй в своем творчестве упоминает неоднократно:

من قياس از سيستان آرم كه اين شهر من است ذر پي خوشان ز شهر خويشتن دارم خبر

*Я сравниваю с Систаном, поскольку это моя страна.
И как свой я знаю о своей стране.*

С ранней юности Фаррухй овладел искусством игры на *чанге* и *таре*, искусством стихосложения и тонкостями местного придворного этикета. Он был незаменим на многочисленных празднествах систанских вельмож, таких как *хаджа* Абу Бакр 'Абдаллах б. Йусуф Хасйрй и Абу Ахмад Тамйй¹⁰⁵, для которых он сочинял хвалебные оды, постоянно совершенствуя свое мастерство.

В своем «Собрании редкостей» Низамй 'Арузй излагает легенду, рассказывающую о появлении Фаррухй при дворе правителя Чаганиана — небольшого владения в бассейне реки Сурхандарья на территории современного Южного Узбекистана.

В соответствии с этой легендой, поворотным событием в жизни поэта стала его женитьба на девушке из дома правителя. Фаррухй в это время состоял на службе в качестве поэта и *надйма* у одного из систанских *дихан*, который платил ему жалованье в 200 килей¹⁰⁶ 5 манов¹⁰⁷ зерном и 100 дирхемов серебром в год. В связи с женитьбой Фаррухй просит у покровителя повышения «зарплаты» до 300 килей и 150 дирхемов серебром и получает грубый отказ.

Фаррухй начинает наводить справки о других дворах в поисках нового покровителя. Спустя некоторое время он, наконец, получает известие о том, что может быть рекомендован к представлению при дворе чаганианского правителя Абу-л-Музаффара Ахмад б. Мухаммада. В качестве свидетельства своего мастерства, своеобразного *curriculum vitae*, Фаррухй заранее пишет оду, посвященную эмиру. Она начинается нежно-шемящим *бейтом*:

با كاروان حله برفتم به سيستان با حله تنيده ز دل بافته ز جان

*Я ушел из Систана с караваном одежд,
Одежд, сотканых из сердца, шитых из души...*

¹⁰⁴ Существует, однако, и другая версия происхождения Фаррухй из Термеза, которая приводится в знаменитой «Антологии поэтов» Даулатшаха Самаркандя, что, впрочем, не подтверждается другими источниками.

¹⁰⁵ Dabiri-Nizhad, 1969. S. 2; Afshar, 1993. S. 20.

¹⁰⁶ Кил — козья шкура, употреблявшаяся как мера веса.

¹⁰⁷ Ман — мера веса. Известны *маны* тебризский — 3 кг, шахский — 6 кг, рейский — 12 кг.

Но прежде чем удостоиться чести быть представленным самому правителю, поэт должен выдержать экзамен, устроенный ему распорядителем двора Абӯ-л-Музаффаром 'амйдом¹⁰⁸ Ас'адом.

Подобные публичные испытания перед вступлением в должность, превращавшиеся нередко в поэтические состязания, были явлением для того времени обычным, и предложение 'амйда Ас'ада написать нечто подобающее назначенному событию нимало не удивило Фаррухй. Достаточно вспомнить в этой связи, как самого Низамй 'Арӯзй, тогда еще мало известного поэта, «испытал разными способами» «эмир поэтов» Му'иззй. А вот как наставлял отец сына в знаменитом «Қабус-нама»: «Изучи науку о размерах и теорию поэзии, эпитеты и критику стиха, чтобы, если случится между поэтами состязание, тебя не одолели бы, а если начнут испытывать, ты не ослабел бы»¹⁰⁹.

Легенда гласит, что когда Фаррухй добрался до чаганианской столицы, была весна, и сам шах находился со всем своим двором в горах. По уже установившейся традиции каждую весну он лично участвовал в клеймении нового приплода жеребят на своих пастбищах. В ту весну в его многочисленных табунах появилось восемнадцать тысяч прекрасных «белолобых и белоногих» жеребят. 'Амйд Ас'ад был послан в город за следующей партией продовольствия и всего необходимого для обеспечения пребывания шаха и его многочисленной свиты в горах. Застав в городе из влиятельных лиц двора только 'амйда Ас'ада, Фаррухй встречается с ним и читает ему заранее заготовленную «систанскую» *касыду*.

Согласно версии Низамй 'Арӯзй, внешность Фаррухй произвела на распорядителя настолько жалкое впечатление, что 'амйд усомнился в авторстве даже той *касыды*, которую Фаррухй принес с собой и прочел ему. «Он увидел Фаррухй. Это был типичный систанец — тщедушный, в изодранной спереди и сзади *джуббе*¹¹⁰, в огромной чалме по систанской моде и очень скверной обуви. Но стихи его нисходили с седьмого неба»¹¹¹.

Именно этот поразивший 'амйда Ас'ада контраст между убогой внешностью Фаррухй и его великолепным талантом как будто и побудил устроить ему экзамен.

Поручая Фаррухй создать произведение для литературного дебюта при новом дворе, Ас'ад, по версии Низамй 'Арӯзй, поступил очень благородно, поскольку сам весьма уважал поэтов, живущих литературным трудом. 'Амйд дал Фаррухй не только развернутый план будущей *касыды*, он подарил ему целую россыпь ярких образов: «Там уже все распусти-

¹⁰⁸ 'Амйд — титул, название должности распорядителя двора. Здесь, возможно, является компонентом сложного имени высокопоставленного придворного.

¹⁰⁹ Кабус-намэ, 1953. С. 154.

¹¹⁰ Джубба — верхняя одежда наподобие халата.

¹¹¹ Nizāmi 'Arūzi Samarqandi, 1993. S. 59.

лось, — кажется, что весь мир утопает в зелени, везде раскинуты шатры, светильники сверкают как звезды. Отовсюду доносятся звуки *руда*, влюбленные сидят рядом, вкушая вино и блаженство. У царского же шатра разведен костер такой величины, что он подобен сразу нескольким горам, и там клеймят молоденьких жеребят. А царь с кубком в одной руке и арканом в другой, отпивая вино, раздаривает коней»¹¹².

Фаррухй с честью справился с заданием: *касыда* «На клеймение» в точности описывала все, о чем упоминал *'амйд*. Когда наутро *'амйд* выслушал *касыду*, написанную за ночь Фаррухй, он пришел в изумление — никогда ничто подобное не достигало еще его слуха. Он спешно заканчивает все дела в городе и везет Фаррухй к эмиру. По приезде *'амйд* представляет Фаррухй следующим образом: «Я привел к тебе поэта, который не имеет себе равных с тех пор, как лик Дақйқй покрылся саваном праха».

Эмир после столь лестной рекомендации распорядителя сразу назначил для Фаррухй приличное место возле себя и завел с ним беседу. Когда же чаша с вином обошла застолье несколько раз, Фаррухй встал и прочел собравшимся свою *касыду* о себе как о караване тканей, спряденных из тончайших нитей души, прибывшем из Систана, и о нем — шахе, герое истинно иранского эпоса, воспетом его прежним любимцем Дақйқй, так безвременно покинувшим этот мир. Воцарилась минутная тишина. Эмир пребывал в изумлении. Он был прекрасным знатоком и ценителем изящной словесности, да и сам писал стихи, но эти поразили его своим совершенством. Тогда *'амйд* А'сад воскликнул: «О повелитель! Немного терпения, и ты услышишь нечто, еще более замечательное». Фаррухй же молчал в ожидании того момента, когда опьянение эмира достигнет крайней степени. Тогда он поднялся и прочел ту самую «Оду о тавре». Эмир был потрясен. Оправившись от удивления, он предложил Фаррухй попробовать себя в роли загонщика. Эмир пообещал ему подарить столько жеребят, сколько тот сможет поймать. Фаррухй же был к тому моменту изрядно пьян. Стащив с головы чалму, он бросился в самую середину табуна. Отделив часть его, он погнал коней в степь. Кидаясь из стороны в сторону, он был не в состоянии поймать ни одного жеребенка. Но тут показалась ограда загона, около которой лошади остановились. Обессилевший вконец Фаррухй, едва успев подложить под голову чалму, моментально уснул от выпитого вина и усталости.

Слуги эмира пересчитали жеребят, их оказалось сорок два. Когда эмиру доложили, он рассмеялся и сказал: «Это — человек, которому улыбается судьба. Он далеко пойдет». Когда Фаррухй проснулся, эмир давно уж был на ногах. Он призвал к себе Фаррухй и, сдержав свое слово, щедро одарил его не только теми жеребцами, которых поэту чудесным образом удалось загнать накануне, но и прочими необходимыми ему теперь атри-

¹¹² Nizāmi 'Arūzi Samarqandi, 1993. S. 96.

бутами придворной жизни — богатыми одеждами, домашней утварью, пятью рабами, тремя мулами и даже двумя палатками для выездов на природу.

Таков был чаганианский литературный дебют Фаррухй, принесший ему настоящий триумф и славу, распространившуюся далеко за пределы Чаганиана.

Это событие в жизни Фаррухй пробовали датировать по двум направлениям.

Первый путь состоял в определении времени появления Фаррухй при чаганианском дворе по благополучному состоянию княжества. Таким образом, поэт мог выбрать для представления мирное время, когда победой Абу-л-Музаффера закончилась война между ним и его двоюродным братом Тахиром б. Фазлем, т. е. 990 г. и через несколько лет после гибели Дақйқй, случившейся между 977—981.

Вторым направлением является предположение о том, что в своей систанской *касыде* Фаррухй поздравлял Абу-л-Музаффера сразу с несколькими событиями: с наступлением весны, праздником Нового года — Ноуруза, окончанием скорбного месяца рамазана и наступлением праздника *йд-и қурбан*, *йд-и фитр*. Основанием для подобного предположения служит следующий фрагмент:

... تا من به کام دل برسیدم بدین مکان...	راه دراز و دور ز پس کردم ای ملک
همبوی مشک باد و زمین پر ز بوی بان	فصل بهار تازه و نوروز دلفریب
... باد شمال ملک جهان برده از خزان...	عید خجسته دست وفا داده به بهار
... وین فصل فرخجسته و نوروز دلستان...	فرخنده باد بر ملک این روزگار عید

Я проделал долгий путь, о царь!

Чтобы добраться до желанной цели — до этого места...

С наступлением новой весны, чарующего праздника Нового года,

Ветер насыщен ароматом мускуса, а земля —

запахом цветущей ивы!

Радостный праздник подал руку верности весне,

А прохладный ветерок унес наш мир из [владений] осени...

Пусть будет благословенным для царя этот праздник,

И это счастливое время, и этот прекрасный праздник

Нового года!..

Если предположить, что это мнение, высказанное впервые А. Аташем, верно, то при помощи хронологических таблиц соответствий традиционного иранского и мусульманского календарей можно установить год, когда окончание месяца рамазан совпадало с днем весеннего равноденствия. Наиболее вероятной датой является март 1015 г. Возможно, однако, что и

عید خجسته, روزگار عید, и فصل فرخجسته являются либо синонимичными обозначениями все того же годового праздника, либо традиционными эпитетами, используемыми для описания наступления весны.

Как бы то ни было, с уверенностью можно сказать, что к 1017 г. Фаррухй уже служил при дворе Махмұда Газневи. Свидетельство тому — его первая сохранившаяся газнийская ода «На взятие Хорезма и Ургенча». Главным трофеем этого похода был табун в 1000 лошадей.

Будучи принят в число придворных поэтов Махмұда и находясь под началом «царя поэтов» ‘Унсурий, поэт не мог избежать влияния его литературного стиля, равно как и его технических приемов, а ими ‘Унсурий, владел в совершенстве, будучи сам выдающимся мастером *касыды*. Фаррухй, очевидно, с искренним почтением относился к ‘Унсурий, во многом подражая ему. Классическим *назйра* на оду ‘Унсурий с таким зачином:

— توانگری و بزرگی و کام دل به جهان نکرده حاصل کس جز بخدمت سلطان...

может служить *касыда* Фаррухй с таким началом:

بزرگی و شرف و قدر و جاه و بخت و جوان نیابد ایچکسی جز بمدحت سلطان

Величия, славы и силы, а также удачи и сана

Никто не добьется иначе, как восхваляя султана.

‘Унсурий, в свою очередь, очень ценил Фаррухй и его творчество. Приведем *бейт* из *газели* ‘Унсурий, который является *тахаллусом* этого произведения. Весьма показательно, что этим *бейтом* ‘Унсурий приравнивает себя к Фаррухй¹¹³:

خارج شود ز نعت خطت طبع عنصری عاجز شود ز وصف لبث طبع فرخی

Не в силах описать тушок на твоих щеках дар ‘Унсурий,

Терпит неудачу в описании твоих уст дар Фаррухй.

В произведениях самого Фаррухй можно найти упоминание имен поэтов, чье творчество вдохновляло его, кому он подражал, у кого учился. Так, он называет имена *Рұдакй* (ум. 941, упомянут дважды), *Шахйда Балхй* (упомянут трижды), *Абў-л-‘Аббаса Рабинджанй* (ум. после 943), *Дақйқй* (ум. между 976 и 981). Много общего в стихах Фаррухй с творчеством *Абў-л-‘Хасана Касайй*¹¹⁴.

Отличие от своего появления в Чаганиане, Фаррухй приезжает в Газну уже со свитой слуг, на прекрасном коне, знаменитым поэтом и искусным музыкантом. Спустя короткое время он становится наперсником самого

¹¹³ М. Л. Рейснер особо обращает внимание на то, что в этом бейте рядом со своим именем ‘Унсурий упоминает, в противоположность уже устоявшемуся обычаю не имя своего патрона, а имя своего младшего коллеги. См.: Рейснер, 1992 (2). С. 41.

¹¹⁴ См.: Afshar, 1993. S. 35.

Махмуда. Он обретает не только грандиозную славу и милости монарха, но и неслыханное богатство, с каждым днем все более увеличивающиеся:

از فضل خداوند و خداوندی سلطان	امروز من از دی به و امسال من از پار
با ضیعت آبادم و با خانه آباد	با نعمت بسیارم و با آلت بسیار
هم با رمه اسبم و هم با کله میش	هم با صنم چینم هم با بت تاتار
ساز سفرم هست و نوای حضرم هست	اسرن سبکبار و ستوران کرانبار
محسود بزرگان شدم از خدمت محمود	خدمتگر محمود چنین باید هموار
با موکبیاں جویم در موکب او جای	با مجلسیان یابم در مجلس او بار
ده بار، نه ده بار که صد بار فزون کرد	در دامن من بخشش او بدره دینار

*Благодаря щедрости правителя, богатству султана
Мое сегодня всегда лучше, чем вчера, а этот год лучше,
чем предыдущий,*

*Мои поместья обширны, а дом — полная чаша,
У меня много богатств, много [дорогих] вещей.
У меня есть и табуны лошадей, и отары овец,
У меня есть и китайские красавицы, и татарские прелестницы.
Меня всюду сопровождает музыка — и в пути, и дома.
[У меня есть] и быстроногие рысаки, и вьючные тягеловозы.
Благодаря службе Махмуду мне завидуют вельможи,
Но ведь именно таким и должен быть тот, кто служит Махмуду!
В его свите среди достойных я стяжаю достойное место,
И в собрании среди придворных я имею вес.
В десять раз. Нет, не в десять! В сто раз! Возросло [количество]
Его подарков в моем подоле — драгоценностей и золотых монет.*

Действительно, Фаррухй своим талантом добился многого — положения в обществе, насколько позволяло его происхождение, богатства и славы. Жизнь его стала сплошным непрерывающимся праздником, он был счастлив и весел (*бейт* из восхваления хвадже Хусайну 'Али):

توانگرم به للام وتوانگرم به ستور توانگرم به نشاط و توانگرم به سرور

*Я богат рабами и скотом,
Я богат весельем и радостью.*

Сохранились сведения о том, что, например, за *касыду*, посвященную победе войска Махмуда при Сумнате, Фаррухй получил столько золота, сколько мог везти один слон — ¹¹⁵ يك پيلوار, а 'Асджади за оду по тому же

¹¹⁵ См.: Afshar, 1993. S. 13.

случаю — 100 000 дирхемов. Подобная щедрость была явлением редким, но не уникальным. Так, известно, что сын Махмуда — Мас'уд, уже, будучи султаном, за удачную оду пожаловал Фарруху столько динаров, сколько могли везти 5 верблюдов.

Известно, что Фаррух прослужил Махмуду не менее тринадцати лет, по его собственному свидетельству, участвуя не только в придворных увеселениях и путешествиях, но и почти во всех его военных экспедициях и походах:

سيزده سال است امسال و فزون خواهد شد که من ای شاه بدین درکه معمور درم
تا تو اندر حضری من به حضر پیش تویم تا تو اندر سفری با تو من اندر سفرم

*В этом году минуло тринадцать лет, и будет еще больше,
Как я, о царь, назначен служить во дворце.
Пока ты дома, и я дома рядом с тобой.
Когда ты в пути, в пути и я с тобой.*

من ملك محمود را دیدستم چند جنگ پیش لشکر هویشتن کرده سبر هنگام کار

*Я видел царя Махмуда в нескольких битвах,
Во время боя он [всегда] был щитом своего войска.*

Вот как описывает Фаррух Махмуда на носорожьей охоте:

شکار کرگ کس کرده است جز محمود لا والله جز اورا با چنان حیوان که را زور و توان باشد
به یک روز اندرون سی کرگ بگرفت و یکایکرا به زیر آورد و این اندر کدامین داستان باشد

*Охотился ли кто-нибудь, кроме Махмуда, на носорогов?
Клянусь Аллахом, нет!
Кроме как у него, у кого достанет сил и мощи, чтобы
сразиться с таким животным?
За один день он поймал 30 носорогов и каждого
Покорил. В какой легенде бывает такое?*

Фаррух много путешествует. В его *dīvāne* сохранились впечатления и о собственных путешествиях, и о походах, в которых он сопровождал султана. Так, он побывал в Нардине, Каннудже, Калинджаре, Сумнате, Рее, Самарканде, Систане, Бусте, Кашмире, Гургане и неоднократно в Балхе.

همه نعم سمرقند سر به سر دیدم نظاره کردم در باغ و راغ و وادی و دشت
چو بود کیسه و جیب من از درم خالی دلم ز سخن اهل فرش خرمی بنوشت
بسی ز اهل هنر بارها به هر شهری شنیده بودم کوثر یکی و جنت هشت

هزار جنت دیدم هزار کوثر بیش ولی چه سود که لب تشنه باز خواهم کشت؟
چو دیده نعمت بیند به کف درم نبود سر بریده بود در میان زرین طشت

*Я видел блеск Самарканда, луга, потоки, сады,
Я видел дивные блага, что он рассыпал кругом.
Но сердце ковер скатало, покинув площадь надежд, —
Как быть, коль нет ни дирхема в моем кармане пустом!
Хоть райских садов и восемь, в раю лишь один Коусар —
От мудрых в городе каждом услышишь рассказ о том.
Садов здесь тысяча тысяч, коусары здесь без числа, —
Что пользы! Жаждой томимый, вернусь я назад в свой дом.
Смотреть на блага земные, когда в руке ни гроша, —
Отрубленной головою на блюде лечь золотом!*¹¹⁶

Впрочем, данный пассаж, как можно заключить из текста, связан хоть и с яркими, но не очень приятными впечатлениями, оставшимися у Фаррухй от посещения Самарканда. Согласно легенде, во время путешествия в Самарканд поэт был ограблен, и ему пришлось осматривать достопримечательности города с абсолютно пустыми карманами.

Со смертью Махмұда слава Фаррухй стала постепенно угасать. Он менял покровителей, переезжал из одного дворца в другой, но бывшего признания добиться уже не мог. Надо отметить, что еще при жизни Махмұда между ними произошла размолвка, в результате которой, а может быть, и по причине которой Фаррухй покинул чертоги своего царственного друга. Было ли причиной гнева эмира посещение поэтом любимого раба Махмұда 'Айāза или что-либо другое — неизвестно. Очевидно, по этому поводу Фаррухй написал свою «извинительную» *касыду*, начинающуюся с воззвания товарищам-*надймам*, но обращенную, разумеется, к Махмұду:

ای ندیمان شهریار جهان ای بزرگان درکه سلطان...

*О надймы царя [всего] мира!
О вельможы султанского дворца!*

В этом стихотворении Фаррухй подробно рассказывает о случившемся недоразумении, происшедшем из-за того, что:

چشم بد ناکهان مرا دریافت کارم از چشم بد رسید به جان
شاه از من به دل کران کشته است بگناهی که بیگناه از آن

*Вдруг сглазили меня,
И дела мои пришли в упадок от этого дурного глаза.*

¹¹⁶ Перевод И. Гуровой. См.: Антология... С. 223

*Царь затаил на меня злобу в своем сердце
За грех, в котором я безгрешен!*

Далее он пытается доказать свою невиновность: «Я узнал, что тот человек заболел, я отправился было навеситить его, но в этот момент он поправился, а весть об этом меня уже не застала. Таким образом, мы встретились, и я выпил за его здоровье. Другого проступка я за собой не вижу...». Возможно, подобные конфликты случались не раз. Сам ли Фаррухй стремился найти пусть не столь всесильного, но более уравновешенного и безопасного покровителя или Махмуд, наконец, внял очередному навету завистника (чему, как видно из хвастливых строк Фаррухй, в немалой степени способствовал он сам) и отдалил от себя поэта — сказать трудно. Возможно, к этому периоду относятся стихи о бедственном материальном положении поэта:

جز که امروز دو سال است که به امر امیر
نیست از نان و جو اسب نشان و خیرم

*Сегодня два года, как по приказу эмира
Нет у меня никаких известий [о распоряжении выдать]
хлеба и овса для коней.*

Возможно, Фаррухй счел для себя более благоразумным оставить блестящий столичный двор ради спокойной жизни при дворе брата Махмуда эмира Йусуфа. Кажется, Фаррухй специально и не искал общества других покровителей — они были ближе ему по возрасту, интересам, по склонности к безудержному веселью и развлечениям, в которых они знали толк. Прибыв ко двору эмира Йусуфа, Фаррухй не скрывает своей радости:

سال تا سال همی تاختمی کرد جهان
دل به اندیشه روزی و تن از لم به گذار
چون مرا بخت سوی خدمت تو راه نمود
گفت جود تو رسیدی به نوا بیش متاز

*Год за годом я скитался по миру:
Сердцем в раздумьях над хлебом насущным,
телом в бранных заботах.
Когда судьба указала мне путь к твоему двору,
Твоя щедрость сказала мне: «Ты достиг богатства,
не нужно больше суеты!»*

О своем положении при дворе эмира Йусуфа Фаррухй пишет:

جدا نبودمی از خدمت مبارک او
به وقت بار و به هنگام مجلس
چو بزم کردی گفتی بیا و رود بزن
چو جشن بودی گفتی بیا و شعر بخوان
در خزانه او پیش من کشاده دمن
کشاده دست و کشاده دل و کشاده زبان

*Я всегда был при его благословенном дворе:
И на приеме, и в межджлисе, и на пиру.
Когда он устраивал пир, он говорил: «Давай-ка, сыграй на руде!»
И на празднике говорил: «Давай-ка, прочти стих!»
Двери его сокровищниц были предо мной раскрыты —
[для моего] подола,
Руки, сердца и слов.*

Но и здесь периоды расположения сменяются временным отдалением. Вот Фаррухй рассказывает о страданиях от разлуки с эмиром:

من ز دركه تو ای شاه مهی بودم دور مر مرا باری يك سال نمود آن يك ماه
*Я не был у тебя во дворце, о царь, лишь месяц,
Но этот месяц Господь превратил для меня в целый год!*

Постепенно эмир окончательно охладевает к поэту. Вознаграждения за его труды перестают быть регулярными. Наконец, в результате очередной дворцовой интриги эмир Йусуф вообще прекращает выплату жалованья на два года. Как видно из *касыды*:

خوشا بهاران کز خرمی و بخت جوان...

Как хорошо весной, когда веселье и юное счастье... —

Фаррухй провел вдали от двора эмира Йусуфа три года, будучи приближен к царевичу Мухаммаду.

Живя при дворе Мухаммада, Фаррухй посвятил ему немало стихотворений, прославляющих рождение его сына, его охотничьи подвиги, его заботы о строительстве и благоустройстве пожалованной ему отцом области Гузганан, расположенной к западу от Балха:

در دیار کوزکانان اندر این عهد قریب چار چیز نامور کرد از پی مزد و ثواب
مسجد آدینه و عالی منار میمنه سد رود سویاب و جوی آب نوسراب

*В провинции Гузганан за такое короткое время
По благодетельности своей он создал четыре знаменитых строения:
Соборную мечеть, с высоким правым минаретом,
Плотину на реке Судйаб и [облагородил] источник Ноусараб.*

Спустя три года Фаррухй снова возвращается к эмиру Йусуфу:

زبان بدکو چونانکه رسم او است مرا جدا فکند از آن حقشناس حرمتدان
بدین لم اندر بگذاشتم سه سال تمام چنین سه روز همانا گذاشتن نتوان

*Злоречивые языки по своему обычаю меня
Разлучили с тем благодарным и благородным человеком.*

*Целых три года я провел из-за этого в печали —
Такой, что и трех дней невозможно было бы выдержать!*

В четверг вечером 1 мая 1030 г. скончался султан Махмуд. Его похороны состоялись два дня спустя после вечерней молитвы в «Бирюзовом саду». Несмотря на то что за весь последний год перед смертью Махмуд ни разу не призвал к себе поэта, Фаррухй пишет потрясающую по силе скорби элегию-*марсийа*, которая до сих пор считается одним из лучших произведений этого жанра, когда-либо написанных на персидском языке:

... شهر لزنی نه همان است که من دیدم پار چه فتاده است که امسال دکرون شد کار...
... تو نگویی چه فتاده است بگو کر بتوان من نه بیگانه ام این حال ز من باز مدار...
... آه و دردا که هرکز نتوانم دید باغ فیروزی پر لاله و کلهای بیار...

*Город Газна уже не тот, каким я видел его год назад.
Что приключилось, что в этом году все стало по-другому?..
Ты не скажешь, что случилось? Скажи, если можешь!
Я ведь не чуждой, не скрывай от меня случившегося...
О, как больно! Без него уже никогда не слогу я увидеть
Бирюзовый сад, утопающий в тюльпанах и розах!..*

После смерти Махмуда султаном стал его старший сын Мас'уд. Отношение Мас'уда к Фаррухй, против ожиданий даже самого поэта, было чрезвычайно благосклонным. Фаррухй, после того как был *надймом* его младшего, ненавистного ему брата, отобравшего у него законный престол, ожидал от нового султана худшего. Только что был ослеплен в тюрьме родной брат Мас'уда. Погиб на виселице *вазир* Махмуда по прозвищу Хасанак. Проникновенные посвящения Фаррухй Хасанаку были всем хорошо известны:

بنشاند جور و فتنه ز کیتی به عدل و داد تا عالمی به مهر بر او کشت مفتتن
*Он успокоил все распри и смуты в мире справедливостью
и правосудием,
Чтобы вселенная возлюбила его любовью своей.*

Неизвестно, почему Мас'уд не отдалил от себя поэта, воспевавшего его предшественника. Возможно, Фаррухй уже был в состоянии в должной мере воспользоваться своим немалым опытом придворного, познавшего сложные законы пребывания у трона. По свидетельству самого Фаррухй, их сблизило увлечение музыкой:

شه روم خواهد که او همچو من نهده پیش او بریطی بر کنار

*Царь желает видеть меня, поскольку он, так же как и я,
Не расстаётся с бәрбатом*¹¹⁷.

Как, где и когда закончилась жизнь Фаррухй, сейчас сказать невозможно. Известно лишь, что поэт умер между 1038 и 1041 гг. в возрасте 56—60 лет. Нигде более не упоминается его жена, ради которой Фаррухй решил покинуть родной Систан. Возможно, они уехали вместе в Чаганиан, но в Газне Фаррухй уже пишет такие строки:

خلکت تو مرا بزرگی داد وین بزرگی بماند تا محشر
زن برم تا مرا پسر باشد وین بماند ز من به دست پسر

*Твое платье подарило мне величие,
И величие это останется до Судного дня.
Я женюсь, чтобы был у меня сын,
Чтобы досталось оно от меня моему сыну.*

По-видимому, когда Фаррухй писал эти строки, у него уже была невеста на примете. Став его женой, она родила ему сына, о котором он мечтал:

به وقت بازی اندر سرای کودک من بسان خشت همی باز گسترد دینار

*Играя во дворце, мой сын
Разбросал как, кубики, динары.*

Роль Фаррухй в развитии жанра газели. Фаррухй, оставив, в основном, за 'Унсурй роль официального хрониста деяний Махмуда и создателя эпохальных *касыд*, нашел для своего творчества нишу в виде лирических произведений так называемого малого жанра, развив его до совершенно нового уровня.

Очевидно, *газель* во времена Фаррухй была необычайно популярна при дворе на разнообразных приемах и застольях и исполнялась не профессиональным чтецом — *рāvй*, а певцом в сопровождении музыкального инструмента. Фаррухй же, бывший превосходнейшим музыкантом, сам вдохновенно исполнял свои и чужие популярные произведения:

مطربا آن غزل نغز دلآویز بیار ور ندانی بشنو تاغزلی کویم تر

*Эй, музыкант! Давай-ка ты нежную, чарующую газель!
А не знаешь, так послушай! Я сам спою какую-нибудь свежую...*

В качестве иллюстрации приведем одну из *газелей* поэта, законченность формы которой свидетельствует о совершенном владении Фаррухй этим жанром, с одной стороны, и о достижении *газелью* к этому времени наи-

¹¹⁷ Авторство этого *рубā'й* обычно приписывается Фаррухй, однако 'Ауфй в «Лубаб ал-Албаб» называет его автором эмира Мухаммада Махмуда (см.: Afshar, 1993. S. 20).

высшего уровня поэтического искусства и выделении ее в самостоятельный жанр — с другой. Характерной чертой произведения является наличие сюжета, это миниатюрная бытовая сценка. Своими размерами, насыщенностью простыми, доступными читателю-зрителю чувствами, переданными легкими, яркими и точными образами, оно напоминает жанровые картины «малых голландцев». В нем применен излюбленный диалоговый прием «су'ал-джавâб». Отношения автора с предметом страсти приятны и легки, они напоминают игру, в частности в нарды. И даже лукавый отказ кокетливой возлюбленной в конце шуливой беседы воспринимается поэтом здесь без обычного душевного надрыва. Особо отметим здесь прием употребления *тахаллуса* в виде обращения к автору-влюбленному его подруги:

نرد بر افشانند و دو رخ سرخ کرد	بوسه ای از دوست ببردم به نرد
بر دو رخ من دو گل افکند زر	سرخی رخساره آن ماهروی
گاه بر آورد همی آه سرد	گاه بخایید همی پشت دست
از پی یک بوسه که بردم به نرد	گفتم جان پدر این خشم چیست
نرد به یک سونه و اندر نورد	گفت من از نرد تنالم همی
بوسه بده کرد بهانه مگرد	گفتم کر خشم تو از نرد نیست
فرخی امید به از پیشخورد	گفت که فردا دهمت من سه بوس

Я выиграл у любимой в нарды поцелуй,

Она смешила кости и зарделась.

Румянец щек той лунолицкой

В лицо мне бросил желтые две розы.

Покусывая свое запястье,

Она вздыхала тяжело.

И я сказал: «О милая! Ты злишься?»

Не из-за того ли поцелуя, что в нарды выиграл я?»

Она сказала: «О нардах я не говорю,

Сложи их и убери совсем!»

И я сказал: «Но если злишься ты не из-за нардов,

То поцелуй и не ищи предлога увильнуть!»

Она сказала: «Завтра я поцелую тебя трижды,

Фаррухй! Ведь надеяться получить приятнее,

чем получить!»

Завершим очерк о поэте совсем маленьким произведением — *дубей-ти*. Всего в двух *бейтах* Фаррухй удаётся рассказать нам историю своей несчастной любви, описав и свою прекрасную и капризную избранницу, и разнообразие и остроту чувств, которые она заставила его пережить:

با من چو کل شکوفته باشی که که
 کاهی باشی چو کارد با کوشت تبه
 روزی همه آری کنی و روزی نه
 یک ره صنما بنه مرا بر یک ره

*Порою ты со мной бываешь, как распутившаяся роза,
 Порою ты бываешь словно нож, кромсающий меня, как мясо.
 Порою ты день целый молвишь лишь «да», в другой же —
 только «нет».*

Одно, красавица! Так выбери же что-нибудь одно!

Литературное наследие Фаррухй. *Дивāн* поэта по предположению разных ученых содержит от 9 до 10 тысяч *бейтов*¹¹⁸. Издатель критического текста *дивāна* поэта М. Сийақй использовал в своей работе самую раннюю его рукопись — 1656 г., хранящуюся в собрании Иранской национальной библиотеки¹¹⁹. Всего до нас дошло 214 *касыд*, 28 *газелей*, являющихся блестящими образцами панегирической, любовной и гедонической лирики (из них 44 посвящены султану Махмұду, 46 — его сыну Мухаммаду, 40 — эмиру Йусуфу, младшему брату Махмұда, 6 *касыд* — ‘Абд ар-Раззāқу Маймандй, 1 *касыда* — ‘Айāзу, эмиру Нафру, брату Махмұда, ‘Алй б. Фазл Исфарāйнй, *вазиру* Махмұда, *хвадже* Хасану Маймандй, *вазиру* Махмұда, сыну *вазира* Ахмада Маймандй, *хвадже* Мансур Маймандй, брату Ахмада Маймандй, Абу Бакру Кухистани, распорядителю казны при Махмұде, Хасану Нйшāбурй (Хасанак), *хвадже* ‘Абдаллаху Сйстāнй Хасйрй), а также три *тарджи* ‘банда, 35 *қит* ‘а и 36 *рубā* ‘й, то есть около 9030 *бейтов*. Всего в *дивāне* упоминаются имена 25 современников, которым Фаррухй посвятил свои стихи.

Довольно долгое время Фаррухй считался автором самого первого из известных трактата по поэтике под названием «Тарджумāн ал-Балагā»¹²⁰. Однако в 1949 г. турецкий ученый А. Аташ аргументированно доказал, что сочинение «Тарджумāн ал-Балагā» было создано уроженцем пригорода Ферганы Мухаммадом б. ‘Умар ар-Радуйāнй¹²¹.

Манūчихрй

Абū Наджм Ахмад б. Қаус б. Ахмад Манūчихрй Дāmгāни (ок. 1000—1040) — третий из наиболее известных поэтов газнийского круга. Даулатшāх, а вслед за ним и некоторые авторы поздних *тазкира*, в частности «Āташкада», называют Манūчихрй уроженцем Балха. Однако неоднократные упоминания Дамгана как своей родины в стихах самого Манūчихрй заставляют считать его выходцем именно из этой области. Годом

¹¹⁸ См.: Yūsifī Gh., 1989.

¹¹⁹ См.: Dīvan-i hakīm Farrukhī, 1970.

¹²⁰ См., например: Бертельс, 1988 (2). С. 130, 275.

¹²¹ См.: Rādūyānī, 1949; Шамс ад-Дян Мухаммад б. Кайс ар-Рази, 1997. С. 20.

смерти поэта Риза Қулай-хъан Хидайат называет 1040/41 г. В пользу этого предположения говорит и то, что у Ману́чихрй нет стихов, посвященных ни смерти Мас'уда, который был убит 18 января 1041 г., ни восшествию на престол его преемника. Таким образом, поэт, очевидно, ушел из жизни, опередив султана Мас'уда, то есть до начала 1041 г. На основании сведений о том, что Ману́чихрй умер довольно молодым, определяют дату его рождения не ранее 1000 г.

Свою карьеру придворного поэта Ману́чихрй начал на службе у Фалак ал-Ма'али Ману́чихра б. Қабус б. Вашмгйр б. Зиййара Дайламй (1012—1029), правившего в Гургане и Табаристане, в честь которого он и взял свой псевдоним. Очевидно, этому правителю было посвящено стихотворение поэта с таким зачином:

بر آمد ز کوه ابر مازندران چو مار شکنجی و ماز اندر آن

*Поднялась над горами мазендаранская туча,
Подобная свившимся змеям, вся в завитках...*¹²²

В Газну поэт попадает, очевидно, после смерти Ману́чихра, то есть в правление султана Мас'уда. Основываясь на стихах Ману́чихрй, З. Сафá предлагает считать, что поэт, находившийся в Мазендаране, был приглашен Мас'удом в Рей, чтобы присоединиться к его двору, в 1034 г., когда Мас'уд предпринял поход из Нишапура на Гурган и Мазендаран¹²³. Но как мы помним и по факту из биографии Фаррухй, блестяще представленному Низамй 'Ару́зй, поэт, для того чтобы получить искомое при дворе, должен был быть соответствующим образом представлен. Возможно, Ману́чихрй и ранее предпринимал попытки предстать перед столичным правителем. Наиболее подходящим рекомедателем при Газнийском дворе по-прежнему оставался 'Унсу́рй. Ему-то и посвящает свою *касыду* Ману́чихрй. Это было стихотворение, виртуозно исполненное в форме *лузга* — шарады, в нем при помощи изящных и ярких образов была зашифрована личность *мамдӯха*, то есть 'Унсу́рй. В этой пространной *касыде* 'Унсу́рй изображен в виде свечи, которая жертвует своей жизнью, душой и телом ради услады дорогих ему людей, подобно погибающему от любви возлюбленному, превращающемуся в слезы. Далее Ману́чихрй говорит о том, что он и сам подобен этой свече, но, разумеется, между ними огромная разница: если пламя свечи ('Унсу́рй) нежно и ярко, как только что распустившийся на заре цветок шафрана, то по сравнению с ним Ману́чихрй — лишь увядший желтый бутон. В следующей части 'Унсу́рй все еще остается в образе освещающей кромешную темноту свечи, а Ману́чихрй превращается в самого себя и признается, что все ночи напролет

¹²² Сафá, однако, считает, что ни одного произведения с посвящением этому правителю до нас не дошло. (См.: Saffa, 1992. S. 581.)

¹²³ Ibid. S. 583.

этом, считавшим себя более достойным благодаря своему пожилому возрасту.

حاسدم كويد ما پيريم و تو برناترى نيست تا پير به دانش مردم برنا قرين

*Завистник говорит мне, мы — уж стары, а ты моложе.
Не равен юноша в познаниях старику.*

Ману́чихрй доказывает, что и он познал многое и в богословии, и в медицине, и в литературе, но тщетно. Завистник возмущен несправедливостью:

حاسدم كويد چرا خوانند کمتر شعر من زان تو خوانند هر كس هم بنات و هم بنان

*Завистник говорит мне: Почему мои стихи читают мало,
Твои ж стихи читают все, будь юноша то иль девица!*

Отметим, что в этом *хаджве* Ману́чихрй описывает поведение султана и его отношение к происходящему. Судя по всему, Мас'уда развлекал конфликт, и он принимал в нем непосредственное участие, подзадоривая «завистника»:

مير فرمودت كه رو يك شعر او را كن جواب بود سالى و نكردى ننگ باشد بيش ازين

*Эмир приказал тебе: «Сложи ответ хотя бы на один
из его стихов,
Прошел уж год, а ты не сложил, бывает ли больший позор!»*

Помимо откровенно хвалебных од, *касыды* Ману́чихрй имеют в основном гедонические *насыбы*. Отчасти это может быть объяснено особым пристрастием Мас'уда к увеселениям, сопровождавшимся многодневными возлияниями. Эту склонность замечал в нем еще отец, пытавшийся как-то повлиять на сына, приставляя к нему своих доверенных людей. Став султаном, Мас'уд был избавлен от сдерживания своих желаний. Чинные приемы, принятые при Махмуде с чтением стихов и раздачей вознаграждений, сменили веселые праздники с многочисленными музыкантами, певцами, танцорами. Как свидетельствует «История Байхаки», вельможи, садясь за вино на таких приемах, пили по трое-четверо суток подряд. И если у Фаррухй мы видим явное преобладание в *насыбах* любовной лирики, то большинство произведений Ману́чихрй — настоящий гимн вину. Вино, с его точки зрения, — это лекарство от сна, которое есть не что иное, как смерть:

آمد شب و از خواب مرا رنج و عداست اى دوست بيار آنچه مرا داروى خوابست

*Настала ночь, и снова сон меня терзает.
Эй, друг! Неси скорее то, что вылечит меня от сна.*

Хотя и у Фаррухй встречаются стихи о вине, очевидно, относящиеся уже к периоду его служения Мас'уду, причем явно подражающие знаменитой «Винной» *касыде* Рудакй, даже с прямыми цитатами из нее, Манучихрй по праву считается одним из родоначальников гедонического жанра «саки-нама». Он создает настоящий *мусаммат-назйра* на «Мать вина», развив сюжет Рудакй до разработанного в ярких деталях прекрасного мифа о несчастной деве, дочери царя Джамшйда, томящейся в замке уже восемьсот лет. Девушка некрасива, у нее огромный живот, губы толстые, как у верблюда, распухшего от голода. Но поцеловав эти губы, понимаешь, что за них можно отдать целое состояние. Ведь девушка — не что иное, как кувшин драгоценного чистого вина.

Говоря о творчестве Манучихрй, следует отметить два главных момента. Во-первых, с его именем связывают зарождение строфической поэзии на персидском языке. Именно Манучихрй принадлежит заслуга тщательной разработки и искусного применения еще нового в персидской поэзии жанра *мусаммата*¹²⁵. Во-вторых, для произведений Манучихрй характерно сильное влияние лучших образцов арабской поэзии, поэтому в них мы наблюдаем синтез двух поэтических культур, обогативших друг друга. Одним из ярчайших образцов такого рода стихотворений является *касыда*, написанная по типично бедуинскому сценарию, описывающему тягостное расставание с возлюбленной, покидающей автора с уходящим караваном. Влюбленный пускается вслед на своем верблюде, он едва не погибает в пустыне ночью в снег и ветер. Он настигает караван, и наградой ему становится признание его возлюбленной в ответном чувстве. Эта *касыда* начинается таким *бейтом*:

الا يا خيمكى خيمه فرو هل كه پيشاخنك بيرون شد ز منزل

*Обитатель шатра! Время вынуть шатер —
Ведь глава каравана скатал свой ковер...*

Наряду с описанием таких воображаемых ситуаций (поэту, насколько известно, не приходилось самому скитаться по Аравийской пустыне), которые были созданы Манучихрй под влиянием арабской поэзии, он с не меньшим почтением упоминает в своих стихах древних иранских героев, знакомых по «Шāхнāма». Virtuозное владение Манучихрй сложнейшими поэтическими фигурами выводит его поэзию на совершенно новый уровень развития этого вида творчества, делая ее предтечей сложнейшей в техническом исполнении поэзии последующих веков, которой владели исключительно профессионалы, но которая и понятна была только для посвященных. Пока же лозунг *art for art's sake* еще не вступил в свои пра-

¹²⁵ Мусаммат — вид строфической поэзии (подробнее см.: Приложения. Основные жанры персидской классической поэзии, с. 109).

ва, и придворная поэзия была доступна как тому, кому она была посвящена, так и широчайшему кругу ее ценителей.

Литературное наследие Манучихрй. В отличие от 'Унсурй и Фаррухй творчество Манучихрй европейские исследователи начали пристально изучать уже в середине прошлого века, толчком к чему послужило литографированное издание *дйвāна* этого поэта стараниями Ризы Қулай-хāна Хидайата¹²⁶. Спустя почти двадцать лет в Париже известный востоковед А. Казимирский опубликовал текст *дйвāна* с комментариями. Следующим этапом в изучении творчества Манучихрй было осуществленное в 1947 г. Д. Сийāқй¹²⁷ издание *дйвāна*, основанное на тридцати шести рукописях и снабженное комментариями и индексами. Помимо султана Мас'уда и 'Унсурй, Манучихрй посвящал свои произведения и другим своим современникам, среди которых были 'Алй б. 'Абдаллāх Сāдиқ ('Алй Дайа) — командующий (*сипахсāлār*) султанской армией, *хвādжа* Ахмад б. 'Абд ас-Самад — *вазир* султана Мас'уда, Халда Тāхир — *дабир* градоначальника Рея, Абӯ Сахл Зузанй — *сāхиб-дйвāн* Мас'уда, Абӯ-л-Ҳасан б. Ҳасан — брат *вазира* Ахмада Маймандй и другие.

¹²⁶ См.: Hidayat R-Q., 1868.

¹²⁷ *Dīvān-i Manūchihri*, 1947. К настоящему времени это собрание выдержало несколько переизданий.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Фирдоусй

Абу-л-Қасим Фирдоусй (932/936—1020) — поэт, чье имя олицетворяет собой золотой век персидской поэзии. Фирдоусй никогда не служил ни при каком дворе, будучи весьма состоятельным *дихқаном* — помещиком-аристократом. Подобно Раби'и и Льву Толстому, он мог позволить себе, не думая о хлебе насущном, уединиться в старинном родовом замке своего поместья и предаться литературному творчеству, создавая грандиозный эпический шедевр «Шāхнāма». О самом Фирдоусй и его поэме написано бесчисленное количество исследований, однако сведения, которыми мы располагаем о его жизни, крайне скудны. Не сохранилось даже его имени¹²⁸. Ведь Фирдоусй — это литературный псевдоним, а Абу Мансӯр — это *лақаб*, прозвание либо по имени сына, либо по имени авторитетного современника, своего рода дань уважения ему¹²⁹. Родился поэт в своем родовом имении в селении Баж в предместье древнего города Туса (в 20 км от современного Мешхеда), по всей вероятности, в 934 г. В юности он получил хорошее образование, позволявшее ему прекрасно ориентироваться во всех гуманитарных областях знания: богословии, философии, истории, филологии. Молодость Фирдоусй пришлась на относительно благополучное время, когда провинцией правил Абу Мансӯр 'Абд ар-Раззāқ, добившийся независимости от своих саманидских сеньоров и вступивший в союз с Буидской династией. Во владения этого правителя помимо Туса входил также Нишапур, а с 960 г. весь Хорасан. В 963 г. 'Абд ар-Раззāқ был убит, но во время царствования он успел поручить своему *вазиру* Абу Мансӯру Ми'марй собрать все имевшиеся в пределах досягаемости предания об иранских царях на пехлеви и создать единый свод на новоперсидском языке.

¹²⁸ Даулатшāх Самарқандй называет Фирдоуся Хасаном б. Исхāқ б. Шарафшāхом (см.: Tadhkiratu'sh-shu'ara, 1901. P. 50), однако более это нигде не подтверждается.

¹²⁹ По одной из версий, Фирдоусй стал называть себя так в честь султана Махмуда (см.: Бертельс, 1960. С. 176). Надо, однако, учесть, что этот *лақаб* принадлежал самому Пророку и был чрезвычайно популярен.

Отметим, что эпические предания о царях и героях были весьма распространены в Иране на протяжении веков. До нас дошли лишь немногие из них, например такие, как «Заметки о Зарире» или «Книга деяний Ардашира Папака». Как сообщают греческие источники, в архивах Ктесифона в период правления Хосрова I Ануширвана (531—579) хранились официальные летописи, восходившие еще к досасанидским временам. Очевидно, уже в царствование последнего Сасанида Йездигерда III устные предания и хроники были сведены в одну книгу под названием «Хватай-намак» («Книга владык») ¹³⁰. В VII в. рукописи этого сочинения еще существовали. По свидетельству Мас'уди, который видел рукопись в Истахре в 915 г., она содержала подробную историю Сасанидов и была украшена миниатюрами, изображавшими 25 иранских царей и двух цариц ¹³¹. В первые века ислама этот свод неоднократно переводился на арабский язык под названием «Сийър ал-Мулук ал-Фурс». Старейшим, очевидно, был перевод, осуществленный для халифа Хишâма (724—743). Одним из наиболее известных был перевод, выполненный около 760 г. новообращенным мусульманином, бывшим персом-зороастрийцем Ибн ал-Муқаффа', который, очевидно, сделал полный перевод книги. Имеются сведения о семи переводах, в основе своей, возможно, имевших и другие источники. К сожалению, ни арабские переводы, ни сам среднеперсидский оригинал не дошли до нас, оставшись лишь в виде упоминаний в многочисленных арабских хрониках Табарй, Ибн Кутайбы, Са'алиби и других. Но и в Иране предпринимались попытки воссоздать былое наследие прежних эпох. Очевидно, к IX—X вв. существовало несколько новоперсидских версий «Шâхнâма». Первой обычно называют прозаический свод Абӯ-л-Муаййада Балхй ¹³², второй была, очевидно, стихотворная обработка Абӯ 'Али Муҳаммада б. Аҳмад Балхй ¹³³. Однако самой известной среди этих версий была книга преданий, собранных по приказу двух тусских Мансӯров — 'Абд ар-Раззâка и его *вазира* Ми'марй. Известно, что к 960 г. работа, проводившаяся комиссией из четырех авторитетных участников по сбору и обработке материала, была завершена. До нашего времени из этого некогда огромного «мансуровского» свода дошел лишь фрагмент предисловия. Очевидно, именно этим сводом как основным источником пользовался Фирдоусй, работая над «Шâхнâма».

¹³⁰ Иногда называют имя компилятора этого труда — *дихқан* Данишвар. Возможно, это не имя, а эпитет — 'мудрый'.

¹³¹ Grabar, 2000, P. 21.

¹³² Упоминания о нем встречаются в «Истории» Табарй в переводе Бал'амй, в «Кабус-нама» и «Истории Табаристана» Ибн Исфандийара.

¹³³ Упоминается Бярӯнй в «Асар ал-Бакийа». Бартольд предполагал, что Абӯ 'Али Муҳаммад был не кто иной, как Дақяқя. См.: Бартольд, 1915. С. 276.

Грандиозный труд, состоявший, по свидетельству самого Фирдоуси, из 60 тысяч *бейтов*, мог бы прояснить многие факты биографии поэта. Действительно, на страницах поэмы мы встречаем много «лирических отступлений» от основной сюжетной линии, где Фирдоуси говорит о себе, как ему исполняется 55 лет, 63, 65, 70, 71, 76 и наконец 80. Он вставляет в поэму жалобы на судьбу, старость, разорение, смерть сына. К сожалению, они почти не содержат фактов, зато ярко иллюстрируют все ухудшающиеся душевное и материальное состояние поэта. Однако кое-какие сведения восстановить все же можно.

Что было стимулом, заставившим Фирдоуси взяться за такой титанический труд? Ведь на работу над поэмой ушло 35 лет его жизни:

سی و پنج سال از سرای سبنج بسی رنج بردم به امید کنج
کنون عمر نزدیک هشتاد شد امیدم بیکباره بر باد شد

*На брэнной земле тридцать лет и пять
Трудился в надежде награду стяжать.
Уж восемь десятков теперь подошли,
Развеяны в прах все надежды мои*¹³⁴.

Очевидно, увлечение стариной, отмеченное на самом высоком государственном уровне, ввело Фирдоуси в круг тех, кому это почетное и, наверняка, прибыльное дело могло быть поручено. По всей вероятности, поэт уже был известен правителям как собиратель и исследователь иранского литературного наследия и сам вынашивал замысел создания такой поэмы. Кто выступал конкретным заказчиком, сейчас сказать трудно, по всей вероятности, Фирдоуси рассчитывал на самое высокое признание при дворе местного правителя или саманидского в Бухаре¹³⁵.

Слишком долго писал Фирдоуси свою поэму. За эти тридцать пять лет все изменилось в окружавшем его мире. Эти перемены были настолько велики, что от них укрыться в своем поместье он не мог. На его глазах под ударами вторжений Караханидов погибала вековая династия Саманидов, приходила в запустение великолепная столица империи, центр культурной и общественной жизни стремительно перемещался на Восток, в Газну. Фирдоуси работает над книгой о древних героях, но повседневность неумолимо вторгается в его жизнь, оставаясь на страницах его поэмы: имение разорено, не на что содержать дом:

نماندم نمکسود و هیزم نه جو نه چیزی پدیدست تا جود رو

¹³⁴ Перевод Ц. Бану-Лахути и Берзнева. См.: Фирдоуси, 1989. С. 574.

¹³⁵ В одном из источников указывается даже, что таким высокопоставленным заказчиком был султан Махмуд. Разумеется, это лишь одна из легенд, ибо в то время, когда Фирдоуси принимался за свой труд, Махмуд еще не только не был султаном, но даже не был правителем Хорасана.

*Нет ни солений, ни дров, ни ячменного хлеба,
Нет ничего до будущей жатвы.*

Выпадает град и Фирдоусй понимает, что это равносильно нищете, даже, может быть, голодной смерти:

تگرگ آمد امسال بر سان مرگ مرا مرگ بهتر بدی زان تگرگ
دری هیزم و کندم و کوسفند بیست این بر آورده چرخ بلند

*Град выпал в этом году — все равно что смерть!
Да смерть была бы лучше, чем этот град!
Все надежды на дрова, пшеницу, баранину
Отнял этот посланец высокого небосвода!*

Это был период тяжелых испытаний не только для Фирдоусй. Войны, передел власти... Сельское хозяйство, с доходов которого он жил, пришло в упадок, разрушались ирригационные системы, земля стремительно обесценивалась. По свидетельству Байхаки, участок в полгектара можно было приобрести за тубетейку зерна.

Правда, оставались еще друзья, которым удавалось счастливо избежать разорения. На их поддержку мог рассчитывать Фирдоусй в безвыходной ситуации:

*Во граде моем меж благими людьми
Могу помянуть я 'Али Дейлемй.
Мне в каждом содействовал деле сей муж
Прямой, неподкупный, из праведных душ.
Хуйай Кутайба — он также из сих,
Кто строк безвозмездно не ищет моих,
Снедь, злато, одежду мне рад уделять,
Помог опериться и на ноги встать.
Не ведаю, подать как платят и чем,
Купаюсь в обилии благ между тем.*

Но вот Фирдоусй исполняется 65 лет, и новое горе приходит в дом — умирает его единственный сын:

دل و دیده من بجون در نشاند برفت و غم و رنجش ایدر بماند
پدر را همی جای خواهد کزید کنون از سوی روشنایی رسید
نبرسید ازین پیر و تنها برفت مرا شصت و پنج و ورا سی و هفت
ز کردارها تا په آید به چنگ وی اندر شتاب و من اندر درنگ
خرد پیش جان تو جوشن کناد روان تو دارنده روشن کناد

Ушел и печалям меня поручил,
 И сердце, и очи мне кровью залил.
 А ныне в обители светлой парит,
 Быть может, приютом отца одарит.
 Торопит он, я же все медлю — зачем?
 К чему оставаться здесь долее, с кем?
 Свет Духу Творец да подаст твоему,
 Содеяв щитом добродетель ему¹³⁶.

Фирдоуси уходит в работу. Его поэма теперь — его спасение, она помогает ему забыть о надвигающейся нищете, об одиночестве, вселяет надежду на достойное вознаграждение за столь великий труд. И вот, наконец, Фирдоуси заканчивает свое творение. Кого же избрать для посвящения? Кто может быть достоин этого? Кто сможет по достоинству оценить дело всей жизни? Поэма, от начала до конца пронизанная главной идеей превосходства иранской духовности над туранской греховностью, и, соответственно, легитимности власти, когда *фарр* — символ божественной благодати может принадлежать только законному иранскому правителю, получившему трон по наследству, а не чужаку-узурпатору. Разумеется, с самого начала Фирдоуси рассчитывал посвятить свое произведение Саманидам, которым она была бы очень нужна как идеальное средство поднятия национального духа в борьбе с захватчиками престола. Величественные витязи поэмы, способные в любую минуту совершить любой подвиг во славу царя и отечества, могли бы стать олицетворением праведной борьбы за власть. Но Фирдоуси опоздал. В бескрайних степях погиб последний саманидский рыцарь Исма'ил. В Бухаре с 992 г. воцарилась тюркская династия караханидских илек-ханов, которая вошла в историю под именем Ал-и Афрасиаб, то есть род Афрасиоба, воплощения злого начала в «Шāхнāма». В Газне пришел к власти такой же с точки зрения идей поэмы «безродный тюроч», внук гуляма Махмуд. Фирдоуси ждет перемен к лучшему, он надеется на возвращение законных властителей; еще сохраняются в провинциях представители старых иранских аристократических родов, способных повлиять на ход истории. Но проходят годы, проходит почти 20 лет, и он понимает, что дольше ждать уже не имеет смысла, его преклонный возраст и слухи о бурном расцвете культурной жизни в Газне, о покровительстве поэтам, пишущим по-персидски, в новой столице заставляют его принять решение. Он садится за переделку поэмы, чтобы преподнести ее султану Махмуду. Фирдоуси вводит посвящения Махмуду и его брату Нафру, главнокомандующему хорасанской армией. Нанимает переписчика, переплетчика, а когда книга готова, нанимает, очевидно, профессионального чтеца-*рави* и отправляет поэму в Газну. Но Фирдоуси

¹³⁶ Перевод Ц. Бану-Лахути и Берзнева. См.: Фирдоуси, 1989. С. 418.

хронически не везет. Он не успевает представить свое творение и в Газне. Да, в Газне был благоприятный момент, когда, возможно, поэма Фирдоуси была бы принята иначе. Мы помним, что поэт и его творение должны быть предварительно соответствующим образом представлены правителю для благосклонного приема. Если бы Фирдоуси успел доставить поэму во время службы *вазира* Абу-л-'Аббаса Исфарайни! Это был единственный человек при дворе Махмуда, на протекцию которого он мог рассчитывать и, очевидно, рассчитывал. Но опоздал. Когда поэма поступила на предварительную цензурную читку, которая осуществлялась под руководством 'Унсурй, *вазиром* уже был назначен Ахмад б. Хасан Маймандй, враждебно настроенный по отношению к местным традициям и даже языку. Во времена своего правления он настойчиво проводил политику вытеснения персидского языка и замены его арабским на всех уровнях государственной жизни, в первую очередь делопроизводства. И вот поэма, пройдя цензуру, была представлена Махмуду. Очевидно, она была представлена вполне объективно. Ведь, по сути, она не могла быть принята при Газнийском дворе, особенно в свете официальной политики султана с усилением прохалифатской ориентации последнего времени и при отсутствии *фарра* в собственной генеалогии. Вспомним, как наравне с извечным врагом из Турана Афрәсиабом, Фирдоуси определяет арабов:

همانا که آمد شما را خبر که مارا چه آمد ز اختر بسر
 ازین مار خوار اهریمن چهرکان ز دانایی و شرم بیبهرکان
 نه کنج و نه نام و نه تخت و نژاد همی داد خواهند کیتی بیاد

*Дошла ли до вас весть о том,
 Какая постигла судьба нас
 От этих ахриманолицыих пожирателей змей,
 Невежд бессовестных.
 Без состояния, знатности, трона,
 происхождения!*

Пустьят они всю Вселенную по ветру!

Какой же была реакция Махмуда на поэму. Ему предстояло вынести довольно сложное решение. Он, как и Фирдоуси, понимал величие творчества поэта, который определил ее будущее в веках:

میرم از آن پس که من زنده ام که تخم سخن را پراکنده ام

*Я не умру с тех пор, как был я жив!
 Ведь разбросал я слова семени.*

Каким конкретно было это решение, мы не знаем, но результат его известен. Поэма принята не была, и, во всяком случае, Фирдоуси не получил той суммы, на которую так рассчитывал.

О том, что случилось тогда при дворе султана, мы можем лишь косвенно судить по дошедшим до нас стихам газнийских поэтов, зафиксировавших официальное мнение о поэме. Так, в стихах Фаррухй определяется ее неактуальность:

همه حدیث ز محمود نامه خواند و بس همان که قصه شاهنامه خواندی هموار

*Лишь предания из «Книги о Махмуде» читает
Тот, кто всегда читал легенды из «Книги о царях» —*

и ненужность:

نام تو نام همه شاهان بسترد و ببرد شاهنامه پس از این هیچ ندارد مقدار

*Имя твое стерло и уничтожило имена всех царей,
Так что «Книга царей» уже ничего не стоит.*

‘Унсурй и вовсе определяет поэму как негодную:

مخوان قصه رستم زاولیرا ازین پس دکرکان حدبست منکر

*Не читай ты сказок о забульском Рустаме —
Негодные они.*

У Манучихрй нет стихов, где он явно подвергает хуле автора «Шāхнāма», но совершенно очевидно, что Фирдоусй подразумевается под шифром «те трое из Туса»¹³⁷. Впрочем, и сама актуальность яростной дискредитации достоинств поэмы при Газнийском дворе при Манучихрй уже сходила на нет. Интерес к поэзии, главенствовавший в культурной жизни при Махмуде, сменяет мода на более легкий жанр:

اندرین ایام ما بازار هزلست و فسوس کار بویکریایی دارد و طنز جحا
هر کرا شعری بری یا مدحتی پیش آوری کوید این یکسر دروغست ابتدا تا انتها

*В наши дни есть спрос на шутов да скоморохов.
При деле рубаист Бу Бакр, да анекдоты Джухи.
К кому бы ты ни пошел со стихами,
однося восхваления,
Скажет он: Ложь все это, от начала и до конца!*

Теперь мы позволим себе перейти в область легенд, сложенных во круг имен Фирдоусй и Махмуда. Эти легенды начали формироваться, очевидно, сразу после смерти поэта. Почти все средневековые хроники приводят такую легенду с небольшими вариациями. У Фирдоусй была единственная дочь. Желая обеспечить ее приличным приданым, поэт беретя написать поэму, которую заказал ему щедрый правитель. Обычно

¹³⁷ См.: Бертельс, 1988 (1). С. 206.

этим правителем называют султана Махмуда, который обещал заплатить Фирдоусу по динару за *бейт*. Тридцать долгих лет трудился Фирдоус над поэмой и когда, наконец, завершил, отправил ее в Газну. Однако Махмуд, поддавшись влиянию то ли *вазира* Майманди, то ли завидовавших таланту Фирдоусу придворных поэтов, изменил свое решение и вместо золотой монеты за каждый *бейт* велел заплатить поэту по серебряному дирхему, то есть в двадцать раз меньше, чем договаривались. Когда гонцы с мешками серебра прибыли в Тус, Фирдоус был в бане. Определив сумму оплаты, оскорбленный поэт велел поделить серебро между банщиком, продавцом *фуққа*¹³⁸ и гонцами. Не в силах перебороть обиду, Фирдоус пишет убийственную сатиру на Махмуда, в которой разоблачает его рабское происхождение, объясняя этим его обман и неспособность на благородство. Зная, однако, что жестокий Махмуд не сможет простить ему этого неслыханного оскорбления, Фирдоус бежит и скитается по провинциям до тех пор, пока в Газне о нем не забывают. Один из правителей, Буид Шахрийар, желая, с одной стороны, услужить Махмуду, а с другой — спасти Фирдоусу, перекупает у поэта текст *хаджва* по тысяче золотых динаров за *бейт* и уничтожает его. Чудесным образом фрагмент этой «выкупленной» сатиры все же сохранился. Приведем несколько строк из нее:

اگر شاه را شاه بودی پدر بسر بر نهادی مرا تاج زر
وکر مادر شاه بانو بودی مرا سیم و زر تا بزانو بودی

*Если б отцом царя был царь,
То на мою голову он возложил бы корону.
А если бы госпожой была мать царя,
То я бы был по колено в серебре да золоте!*

Фирдоус возвращается на родину. Однажды, возвращаясь из очередного похода в Индию, Махмуд решает захватить мятежника, скрывшегося в одном из горных замков. В ответ на требование сдаться осажденный посылает такой *бейт*:

کر جز به کام من آید جواب من و کرز و میدان و افراسیاب

*Если ответ будет мне не по нраву,
То готов я лишь с палицей на бой с Афрасиабом!*

Махмуд спросил у *вазира*, кто автор этих стихов. И тогда выжидавший случая похлопотать о прощении для поэта, *вазир* сказал: «Несчастный Абу-л-Қасим Фирдоуся...» Тут Махмуд вдруг вспоминает, как дурно он обошелся с автором великого творения, и решает расплатиться с Фирдоусу, отослав ему только что захваченного в индийском походе

¹³⁸ *Фуққа* — сорт пива.

индиго на 60 тысяч динаров. Но в то самое время, когда царский караван достигает Рудбарских ворот Туса, через Разанские ворота выносят тело скончавшегося Фирдоусй, которого даже местное духовенство запрещает хоронить на мусульманском кладбище из-за его вольнодумной поэмы. Дар пытаются вручить его семидесятилетней дочери, которой уже, очевидно, приданое ни к чему, и она распоряжается построить на эти деньги странноприимный дом на пути между Нишапуром и Мервом. Примерно в таком виде эта легенда вошла в литературу других восточных и европейских народов, одними из наиболее ярких ее отражений стали баллады из «Восточно-западного *дйв'ана*» Г. Гейне и «Рустем и Зораб» В. А. Жуковского. Коммерческая подоплека сюжета легенды, особенно в приписываемой Фирдоусй сатире, нарочита. Ее авторы, находившиеся в основном на придворной службе, то есть в еще более не защищенном от всеильного правителя положении, как бы пытаются на примере поэта показать, что с поэтами нужно обращаться уважительно, оценивая по достоинству их нелегкий труд, в противном случае скупой правитель будет опозорен на века. Очевидно, действительность, как высказался по этому поводу Е. Э. Бертельс, была и трагичнее, и поэтичнее этой легенды, до предела упростившей отношения царя и поэта, извратив исторические факты. Неоспоримо одно, поэт умирает непризнанным, в нищете. Его хоронят не на кладбище для правоверных мусульман, а на территории его усадьбы. Сейчас на месте захоронения Фирдоусй возвышается монументальный мавзолей, вокруг которого разбит прекрасный парк. Архитектура мавзолея имитирует надгробие Ахеменида Кира Великого в окрестностях древнего Персеполя¹³⁹.

«*Шахн'ама*». Поэма Фирдоусй по своей композиции отчетливо распадается на три раздела: мифологическую часть, где силы зла принимают непосредственное участие в борьбе с силами добра за судьбы конкретных людей и событий, героическую часть, где роль носителей зла переходит на противников Ирана, и историческую, в создании которой поэт в значительной степени придерживался исторической канвы и по возможности сдержанно вводил предания. Все части поэмы оформлены одинаково: это борьба праведного начала с неправедным, которая кончается на самом напряженном по развитию сюжета месте: победа служителей зла уже неминуема, человечество в лице иранского народа, руководимого не очень удачливым царем, на краю гибели... Но положение всегда спасает невиданной силы богатырь, который погибает, но в следующей части ему на смену появляется достойный преемник. Третья, заключительная часть

¹³⁹ В связи с памятным мероприятием, проводившимся в Иране в 1934 г. по случаю 1000-летия со дня рождения Фирдоусй, на месте его захоронения по проекту французского архитектора был воздвигнут памятник в виде пирамиды. Однако по решению Иранского правительства, нашедшего вид этой пирамиды на могиле поэта неуместным, она была снесена и заменена мраморным мавзолеем.

поэмы заканчивается, как и две предыдущие, преддверием катастрофы — гибнет династия праведных сасанидских царей, Ахриман уже готов торжествовать победу. Согласно предыдущему сюжетному ходу поэмы, само собой ожидается ее продолжение в воображении читателя — непременно снова должен появиться непобедимый витязь-спаситель, способный предотвратить гибель нации. Этот вывод, к которому подводил Фирдоусй всем своим произведением, и был, очевидно, той самой причиной, по которой поэма не могла быть принята при дворе Махмуда, ориентированного на поддержку политики халифата, то есть пропаганды ортодоксального ислама, истребительной борьбы с карматским движением, захватнических военных походов. Именно поэтому одна из легенд цитирует Махмуда, отвергавшего поэму, поскольку она воспекает не священную войну за веру, а «какого-то Рустама». Фирдоусй же в своей поэме на общем прошаубитском фоне позволял себе выражение симпатий разным «конфессиональным отклонениям». Низамй 'Арузй в своих «Четырех беседах» объяснил причину неприятия поэмы тем, что Фирдоусй был известен как му'тазилит¹⁴⁰, на основании такого фрагмента:

خردمند کیتی چو دریا نهاد برانکیخته موج ازو تند باد ...

*Представился мудрому мир-океан,
Где, волны вздымая, ревет ураган.
Подняв паруса, по бурливым водам
Суда отплывают — их семьдесят¹⁴¹ там.
Меж ними просторное судно одно;
Фазаньего глаза прекрасней оно.
С родными в нем: Мухаммад и Али, —
Пророк и преемник, светила земли...*

¹⁴⁰ Му'тазилиты (ар.) — 'обособившиеся'. По преданию, представители этого течения отделились от басрийской религиозно-философской школы Хасана ал-Басрий (ум. 728). Поводом послужили расхождения по одному из пяти основоположений школы — промежуточное состояние, когда мусульманин, совершивший тяжкий грех (кабира), выходит из числа верующих, но не становится неверующим. Остальные основоположения следующие: справедливость, единобожие, обещание и угроза, повеление одобряемого и запрещение порицаемого. Му'тазилиты в разные времена играли важную роль в религиозно-политической жизни халифата, особенно при Буидах (945—1055) в Ираке и Иране, а в XII—XIII вв. — в Хорезме. Главные школы находились в Басре и Багдаде. В строгом монотеизме при равенстве всех прочих божественных атрибутов подчеркивалась ведущая роль атрибута знания, что означало подчинение иррационально-волевого начала в Боге рациональному. Признание же трансцендентности Бога вело к пантеистическому взгляду на соотношение Творца и его создания. Отрицание таклида (следования авторитетам) приводило к тезису о превосходстве разума над верой. Крайний му'тазилитизм нашел отражение во взглядах Ибн ар-Раванди (IX в.), отрицавшего пророчества и все религии Откровения.

¹⁴¹ Подразумеваются семьдесят мусульманских сект.

برين زادم و هم برين بگذرم يقين دان كه خاك پي حيدر م

Рожден и умру, повторяя слова:

«Я прах под стопую [священного] льва¹⁴²».

Дошедший до нас текст поэмы имеется в многочисленных рукописях, разбросанных по хранилищам всего мира. Однако ранних среди них очень мало. По сей день старейшими считаются датированный 1276/77 г. лондонский список из коллекции Британского музея и петербургская рукопись из Российской Национальной библиотеки, переписанная в 1333 г. В настоящее время почти невозможно установить точно, какие именно строки грандиозной по объему поэмы действительно принадлежат Фирдоуси — парадоксальный результат чрезвычайной популярности поэмы, пришедшей к ней почти сразу после ее создания. Если допустить, что Фирдоуси верно указал объем поэмы — 60 тысяч *бейтов*, расхождения в различных рукописях настолько велики, что сейчас практически невозможно определить, что в поэме является позднейшими интерполяциями или купюрами переписчиков. Количество *бейтов* в рукописях колеблется от 40 тысяч до 80 тысяч. Явными интерполяциями в поэме признаны лишь некоторые вставные сюжеты, к примеру, «Барзу-нама». То, что было положено в основу современного критического текста поэмы, насчитывает 52 тысячи *бейтов*¹⁴³.

В заключение этого краткого очерка приведем еще одну легенду, связанную с именем автора «Шахнама». Согласно этой легенде, Фирдоуси, написав сатиру, бежит в Герат, где скрывается в доме одного знакомого книготорговца, отца поэта Азрақи. Но страх близости с Газной и шпионами Махмуда гонит поэта в Табаристан, где он уничтожает сатиру, а затем еще дальше — в Багдад. И вот здесь, в Багдаде, отчаявшись получить хоть какое-то приличное вознаграждение за труд всей своей жизни, Фирдоуси отрекается от него и пишет другую поэму — «Йусуф и Зулайха», в которой помещает такие строки:

دل م سير كشت از فريدون كرد مرا زان چه كو تخت ضحاك برد
كرفتم دل از ملكت كي قباد همان تخت كاوس كي برد باد
ندانم چه خواهد بودن جز عذاب ز كي خسرو و جنگ افراسياب

¹⁴² Лев (*haydar*) — эпитет имама Али. Перевод Ц. Бану-Лахути, А. Лахути, А. Старикова. См.: Фирдоуси, 1993. С. 14.

¹⁴³ См.: Vullers, 1877; 1879; 1884. Издание, осуществленное на основе публикаций Ж. Моля и Т. Макана, не закончено, нет последнего тома. Фирдоуси, 1991, 1992.

*Пресытилась моя душа витязем Фаридуном,
 Что мне до того, что отнял он трон у Заххака.
 Опостылело мне царство Кай-Кубада,
 Ведь и трон-то Кай-Кавуса по ветру развеян!
 Не знаю, что мне будет, кроме заgrabной кары,
 За воспевания Кай-Хосрова и его сражений с Афрасиабом!*

Очевидно, это отречение лежало в основе свидетельства анонимного автора «Истории Систана» о том, что Фирдоусй загубил свою поэму: «Вазир султана Махмуда сказал: „Надо казнить“. Но сколько ни искали, не нашли. Сложив [„Шāхнāма“], загубил он свой труд и, уйдя, никакой награды не обрел, покуда не скончался на чужбине»¹⁴⁴.

Долгое время признавалось за Фирдоусй авторство поэмы «Йусуф и Зулайхā», которую он предположительно написал при Сельджукском дворе в Багдаде. Для чего понадобилось измученному страхом и долгими скитаниями старику писать эту поэму, отрекаясь и порывая со всей своей жизнью? Возможно, для того, чтобы избавиться, наконец, от страха и нищеты при новом дворе, написав произведение на лояльную тему. Библейско-коранический сюжет действительно подходил для этих целей.

Смеем предположить, однако, что Фирдоусй не писал злобной сатиры на не оправдавшего его надежд Махмуда, во-первых, потому что хотел относительно спокойно встретить близкую смерть в родном имени, во-вторых, понимал все мотивы, которыми руководствовался султан, вынося свое решение. Он не отрекался от «Шāхнāма», не ездил в Багдад и не писал новой поэмы на коранический сюжет, чтобы реабилитировать свое имя перед правоверными потомками. З. Сафā убедительно доказал, что произведение был написано другим поэтом, служившим при дворе Сельджукида Туган-шāха (конец XI в.), на основании следующих стилистических особенностей. «Йусуф и Зулайхā» отличается от «Шāхнāма», во-первых, большим количеством арабизмов и усложненностью манеры стиха, что было характерно для более позднего времени. Во-вторых, немелой имитацией принадлежности автора к шиизму. В-третьих, упоминанием в предисловии к поэме посвящения Шамс ад-даула Абу-л-Фавāрис Туган-шāху Мухаммаду б. Алп-Арслану, брату Малик-шаха, покровителю Азракй, правившему в Герате. В-четвертых, в предисловии к поэме автор указывает на то, что им уже написано несколько любовных романов в стихах¹⁴⁵.

В различных сборниках и словарях приводятся еще несколько *қит'а*, *газелей* и разрозненных *бейтов*, приписываемых поэту. Однако точно установить их принадлежность авторству Фирдоусй теперь вряд ли возможно.

¹⁴⁴ Цит. по: Бертельс, 1960. С. 192.

¹⁴⁵ См: Сафā, 1992. S. 489—492.

Эпическая традиция после Фирдоуси: Асадӣ Тӯси и Гургāнӣ

Несмотря на феноменальность грандиозного труда Фирдоуси, его произведение по своему жанру не было уникальным. Как мы помним, современник Фирдоуси 'Унсӯри также был автором целого ряда романтических поэм. Очевидно, он был не единственным, чьи произведения не пощадило время. Разумеется, чрезвычайная популярность поэмы Фирдоуси сделала этот жанр особо притягательным для многих авторов, чувствовавших себя в силах повторить подвиг поэта. Наиболее известным среди них был Абӯ Мансӯр 'Али б. Аҳмад Асадӣ Тӯси (ок. 1010—ок. 1080), автор знаменитого толкового словаря «Лугат-и Фурс» и пяти *мунāзира* (прений)¹⁴⁶. В 1066 г. он заканчивает поэму «Гиршāсп-нāма»¹⁴⁷, заказанную ему двумя вельможами, придворными нахчиванского царя Абӯ Дулафа Дайранӣ. В своей поэме он переписывает историю Ирана во время правления царя Заҳҳака, живущего 1000 лет, которому служит более бесстрашный и могущественный, чем Рустам, витязь Гиршāсп, потомок царя Джамшида в шестом колене.

Фаҳр ад-Дин Гургāнӣ — поэт, оставивший после себя лишь одну, но исключительно интересную поэму «Вис и Рāмйн», обнаруживающую поразительное сюжетное сходство с известным средневековым европейским рыцарским романом о Тристане и Изольде. Фаҳр ад-Дин служил чиновником при дворе основателя династии Сельджукидов Тугрула I (1038—1063). Однако заказал поэму поэту, как явствует из ее предисловия, правитель Исфагана 'амид ад-Дин Абӯ-л-Фатҳ, которого он посетил в 1042 г. Он же указал и исходный материал для работы: некие рукописи на пехлеви или переведенные на новоперсидский парфянские предания. Основной сюжет поэмы — романтические отношения юной царицы Вис, вышедшей замуж не по любви за немощного¹⁴⁸ старика Мубада, и прекрасного царевича, родного брата царя Рāмйна. Поэма дошла до нас в небольшом количестве рукописей, на основании чего Е. Э. Бертельс заключает, что она с самого момента своего создания считалась неприличной, будучи своего рода «скандальной хроникой» мервского двора¹⁴⁹. Ха-

¹⁴⁶ Мунāзира (тенциона) — особый вид *касыды*, *насиб* которой представляет собой спор между двумя воображаемыми противниками.

¹⁴⁷ См.: Чайкин, 1934. С. 119.

¹⁴⁸ Справедливости ради отметим, что немощь Мубада наступила в результате колдовских чар кормилицы по просьбе самой Вис, которая временно хотела избежать домогательств нелюбимого мужа. Кормилица изготавливает талисман из меди, бронзы и железа и зарывает его на берегу реки: пока талисман находится в холоде и сырости, Мубад — безвреден. Но прошли сильные дожди, река поднялась и унесла в своих водах талисман. Так несчастный Мубад навеки лишился своей мужской силы.

¹⁴⁹ См.: Бертельс, 1960. С. 285.

рактерна оценка ее известным сатириком XIV в. ‘Убайда Зākāй, который сам не отличался строгостью стиля: «От дамы, прочитавшей предание о Вйс и Рāмйне, целомудрия не ждите». Высказывалось также мнение, что Шота Руставели написал своего «Витязя в тигровой шкуре», чтобы отвлечь внимание добропорядочных грузинских аристократов от поэмы Гургāй¹⁵⁰.

¹⁵⁰ См.: Марр, 1925. С. 122—123.

УЧЕННЫЕ-ПОЭТЫ

Как уже отмечалось выше, несмотря на колоссальный успех, которого добился новоперсидский язык в области литературы, арабский язык все еще прочно удерживал свои позиции в области не только богословия, но и науки. Это двойственное отношение к родному языку показательно в творчестве многих ученых того времени. Ограничимся иллюстрациями из творчества двух столпов иранского научного мира X—XI вв. — Абū ‘Али б. Сины и ‘Умара Хаййāма.

Абū ‘Али б. Сина

Абū ‘Али Хусайн б. ‘Абдаллāх б. Хасан б. ‘Али б. Синā (980/981—1036/37), обладавший почетным титулом *шайх ар-райс*, происходил из Мавераннахра. По преданию, его отец был исмаилитом и служил в одном из приказов (*дивāнов*) Балха. При Саманиде Нūхе II б. Мансūре (976—997) он переезжает в Бухару, а затем получает место по финансовой части в пригороде Бухары в Хармайсане. Здесь он женится на девушке по имени Ситара из селения Афшана, у которой в 980 г. рождается сын, будущий великий Авиценна. Когда Хусайну исполнилось пять лет, семья переезжает в Бухару. К девяти годам он уже знает наизусть Коран, художественную литературу, «индийский счет». Он продолжает тщательно изучать точные науки, право, богословие, но приоритет отдан философии. В городе появляется «бродячий» учитель Абū ‘Абдаллāх Нāтилий, под руководством которого Хусайн изучает работы античных авторов Порфирия, Птолемея, Евклида по логике, астрономии, геометрии. После отъезда Нāтилий в Гургандж Хусайн начинает изучать медицину у Хасана б. Нūха ал-Қамарий. По его собственным словам, к восемнадцати годам он знал все, что можно было узнать в этой области. О том, что Авиценна стал известен как врач в очень юные годы, свидетельствует тот факт, что он, будучи 16-летним юношей, был приглашен во дворец для лечения самого эмира Нūха II (976—997). Хусайн вылечивает эмира, за что получает право пользоваться дворцовой библиотекой. В своей автобиографии ученый описал ее довольно подробно, и это описание позволяет заключить, что библио-

тека эмира была организована на вполне научном уровне и снабжена систематическим каталогом. Она занимала несколько огромных залов, в каждом из которых содержались рукописи по определенным специальностям. На столе в каждом зале находился ларец со списком рукописей этого зала¹⁵¹. Однако все сокровища этой великолепной библиотеки вскоре погибли в огне пожара. Некоторые средневековые авторы даже утверждали, что поджигателем был сам Авиценна, рассчитывавший на монопольное обладание полученными в эмирской библиотеке знаниями.

Будучи известным врачом, Авиценна продолжает свои занятия философией, которая в отличие от медицины, не давалась ему так легко. По его словам, однажды он купил рукопись арабского перевода «Метафизики» Аристотеля. Он прочел ее 40 раз, выучил наизусть, но понять так и не смог. Близкий к отчаянию, он случайно всего за 3 дирхема приобретает на бухарском базаре рукопись комментариев ал-Фараби к этой книге и как будто прозревает для последующих философских исследований.

К сожалению, конец Саманидской империи был близок. Это ощущалось во всех сферах жизни, не мог не чувствовать их на себе и Авиценна. Очевидно, не дожидаясь, когда Караханиды в 999 г. завладеют Бухарой, он переезжает в Хорезм, будучи приглашен ко двору хорезмшаха Абū 'Али Ма'мūна I б. Ма'мūна (992—997). *Вазир* хорезмшаха Абū-л-Хусайн Сахлй хорошо принял ученого, и Авиценна продолжал там свои исследования. В культурном центре Хорезма Гургендже по приказу шаха была основана «Академия Ма'мūна», объединявшая многих крупных ученых того времени. Во главе Академии находился Абū Райхāн Бйрūнй (973—1048). Однако, согласно легенде, султан Махмūd, заботившийся о том, чтобы его двор был украшен самыми выдающимися людьми эпохи, потребовал от хорезмшаха прибытия Авиценны в числе целой группы ученых в Газну. Все, в том числе и Бйрūнй, стали собираться, а Авиценна и его друг и учитель, врач Абū Сахл Масйхй, бежали в Абивард через пустыню. В дороге Абū Сахл скончался, а Авиценна добрался до Нишапура и далее до Гургана — ко двору Зийарида Қабуса б. Вашмгйра¹⁵² (978—1012). В Гургане он пробыл недолго и вскоре переехал в Рей, где правил юный Буид Мāджд ад-Даула под опекой своей матери. Однако опасение преследований со стороны Махмūда заставляет Авиценну двигаться дальше — в Хамадан ко двору брата Мāджд ад-Даула — Шамс ад-Даула Абū Тāхира (997—1021), страдавшего тяжелым желудочным заболеванием. Авиценне удастся вылечить правителя, за что он получает пост *вазира*. Очевидно, в качестве министра Авиценна не смог проявить своих лучших качеств: вой-

¹⁵¹ Подобное устройство библиотек на Востоке не было редкостью. Подробнее см.: Мец, 1966. С. 144—159.

¹⁵² В действительности, Қабус был свергнут приближенными и заключен в крепость еще до прибытия Авиценны в Гурган.

ско, которому было задержано жалование, подняло мятеж, и он не только был отставлен с этого поста, но и вынужден был скрываться в течение 40 дней. Его дом был разгромлен возмущенными солдатами. Однако болезнь эмира дала рецидив, и Авиценна снова был назначен *вазиром*, но ненадолго. В 1021 г. эмир умирает, и Авиценна срочно пытается скрыться в Исфагане, владетель которого 'Аля ад-Даула Мухаммад б. Душманзийяр б. Какуйа уже был готов принять его. Вступивший на престол сын Шамс ад-Даула — Сам' ад-Даула из опасения потерять Авиценну заключает его в замок Бердан. После четырех месяцев, проведенных в тюрьме, Авиценне все-таки удается бежать, переодевшись дервишем, в сопровождении брата и двух слуг. Ученый добрался до Исфагана, где был встречен с почетом и обеспечен всем необходимым для работы. По преданию, его день был расписан по часам: на рассвете он садился за свои труды, утром принимал больных, днем исполнял обязанности придворного и занимался с учениками, вечером снова писал. Летом 1037 г. он, совершенно больной, должен был сопровождать 'Аля ад-Даула в Хамадан. Не решившись отказать, Авиценна принимает большую дозу успокаивающего боль наркотика, доезжает до Хамадана. Сразу по приезде болезнь возвращается, но Абу 'Али не принимает никаких лекарств и через несколько дней умирает от острого приступа желудочных колик. Ученому было 58 лет. Его могила находится в Хамадане.

Абу 'Али считается автором более 300 сочинений. Самым известным из них является «Ал-Қанун фй-т-Ғибб» («Канон врачебной науки»), веками служивший медицинской энциклопедией во многих европейских университетах¹⁵³.

Однако сам Авиценна считал себя больше принадлежащим более философии, нежели медицине. Наиболее широкую известность из его многочисленных философских трактатов получила «Китаб аш-Шифа» («Книга исцеления души»), состоящая из нескольких разделов — логики, физики, метафизики и математики. Впоследствии к ним были добавлены разделы по астрономии, арифметике, музыке, сокращенное изложение трудов Евклида, а также зоология и ботаника¹⁵⁴. В Исфагане же были написаны краткая энциклопедия «Китаб ан-Ниджат» («Книга спасения») и ее персидская версия, в которой он предлагает собственную персидскую научную терминологию. Так появилась «Даниш-нама-йи 'Алай» («Книга Мудрости для 'Аля ад-Даула»).

Сохранилось также несколько поэтических произведений, приписываемых Абу 'Али. Принадлежность ему семи арабских *касыд*, и самой известной из них «'Айнйа», у исследователей не вызывает сомнений.

¹⁵³ Латинский перевод «Канона» с 1491 г. выдержал более 30 переизданий. Русский перевод увидел свет в Узбекистане. (См.: Абу 'Али ибн Сино, 1996.)

¹⁵⁴ Этот свод представлял, по существу, переработку аналогичного труда Аристотеля.

Совсем иначе дело обстоит с персидскими стихотворениями: одной *газелью*¹⁵⁵, 22 *қит'а* и многочисленными *рубā'й*, которые в различных *тазкира* появляются под именем Абӯ 'Алӣ (но и не только под его именем). Надо признать, что самые ранние рукописи, содержащие эти произведения, относятся к XVI—XVII вв. И тем не менее, как и в случае с «Шāхнāма», мы не можем пренебречь своим правом познакомиться с творчеством этого гениального ученого, даже не будучи абсолютно уверенными в принадлежности именно ему дошедших до нас четверостиший. Долгое время было принято считать Авиценну апологетом материалистического учения о познаваемости бытия человеческим разумом, представляя ученого как бы плывущим на льдине чистого рационализма по морю разнообразных мистических учений. Однако вряд ли можно принять эту точку зрения на творчество Абӯ 'Алӣ, поддерживавшего переписку с известным суфием Абӯ Са'йдом Майханӣ (967—1049). На основании его философских трудов исследователи приходят к выводу, что свою теорию о соотношении тела и духа Абӯ 'Алӣ оформил в трех своих небольших «притчах-видениях» (*recit visionnaire*)¹⁵⁶: «Хайй б. Йақзāн» («Живой сын Бодрствующего») ¹⁵⁷, «Послание о птице» и «Саламāн и Абсал». Появление этих трех сочинений связывают с предсмертными раздумьями Авиценны о душе и близкой смерти в тюремном заключении в крепости Фардаджан в окрестностях Хамадана, куда ученый и неудавшийся министр был помещен в ожидании казни. Первое из этих посланий — начало Пути с «греховного Запада» — земного мира на духовный «Восток», своеобразное приглашение адепту встать на Путь познания Истины под руководством наставника, знающего дорогу. Второй трактат посвящен описанию этого долгого трудного странствия, достижения (вознесения) вожделенного «Востока» с последующим возвращением на землю, но с тем чтобы снова ее покинуть¹⁵⁸. Третье произведение — это безвозвратное завершение духовного Пути, когда достигается окончательная победа возвышенной души (*рӯх*) над низменной (*нафс*)¹⁵⁹, порождением Дьявола.

Так же неоднозначно, помня о том земном и духовном пути, что был пройден Авиценной за недолгую жизнь, призываем мы понимать и его

¹⁵⁵ На основании анализа текста газели Е. Э. Бертельс приходит к выводу об исмаилитском влиянии на содержание этого сочинения. См.: Бертельс, 1960. С. 253—254.

¹⁵⁶ См.: Corbin. 1954.

¹⁵⁷ См.: Corbin. 1952.

¹⁵⁸ См. русский перевод этого «видения», сделанный по персидской версии в передаче Сухраварди в книге: Бертельс, 1997. С. 207—212.

¹⁵⁹ Подробнее о категории *нафс* у мистиков см., например: Шimmel, 1999. С. 94—95.

поэтические произведения, из которых приведем два *рубā'īy*, наиболее популярных в персидских хрестоматиях:

دل کر چه در این بادیه بسیار شتافت یک موی نداشت ولی موی شکافت
اندر دل من هزار خورشید بتافت و آخر بکمال ذره یی راه نیافت

*Пройти пустыню мира ты, сердце, торопилось,
Но мира не познало, хотя познать стремилось.
В конце концов не знаю дороги к совершенству,
Хотя в пыльном сердце сто тысяч солнц светило*¹⁶⁰.

از قعر کل سیاه تا اوج زحل کردم همه مشکلات کیتی را حل
بیرون جستم ز قید هر مکر و حیل هر بند کشاده شد مگر بند اجل

*От праха черного и до небесных тел
Я тайны разгадал мудрейших слов и дел,
Коварства я избег, распутал все узлы,
Лишь узел смерти я распутать не сумел*¹⁶¹.

‘Умар Ҳаййām

Ғийās ад-Дйн Абӯ-л-Фатҳ ‘Умар б. Ибрāхīm Ҳаййām (1048—1132) был потомственным нишапурцем. Он родился в этом старинном культурном центре северо-востока Ирана во времена правления династии Сельджукидов (1038—1194). Сельджуки были тюркскими племенами, жившими в степях к северу от Каспийского и Аральского морей. В конце X в. они переходят на службу к местным воюющим правителям и принимают ислам. Став профессиональными военными и чувствуя ослабление власти Газневидов, сельджуки довольно легко отбирают у Газны Хорасан. В 1038 г. военачальник Тоғрул провозглашает себя в Нишапуре султаном. Придя к власти, Тоғрул демонстративно проводил политику пропаганды ортодоксального суннизма и борьбы с Буидами-шиитами. Вызванная этим поддержка халифата помогла ему в борьбе против дейлемитских правителей в Западном Иране. В 1055 г. Тоғрул занял Багдад, и халиф подтвердил его титул султана. Спустя несколько лет династия Буидов прекратила свое существование. В период своего расцвета, а именно во время правления просвещенного и мудрого *вазира* Абӯ ‘Алй Ҳасана б. ‘Алй Низām ал-Мулка (уб. 1092), автора «Сийāsат-нама», на рубеже XI—XII вв. империя

¹⁶⁰ Перевод С. Липкина. См: Антология... С. 215.

¹⁶¹ Перевод С. Липкина (см.: Антология... С. 216). Ср. перевод А. Козловского (см.: Лирика... С. 50):

*Велик от Земли до Сатурна предел,
Невежество в нем я осилить хотел.
Я тайн разгадал в этом мире немало,
А смерти загадку, увы, — не сумел.*

Сельджукиды представляла собой огромное государство от границ Китая до Средиземного моря.

Согласно сведениям из хроники Рашид ад-Дйна (1247—1318), Хаййам и Низам ал-Мулк были школьными товарищами. Когда первый стал *вазиром*, он захотел отдать Хаййаму в управление Нишапур. Хаййам же, отказавшись от должности градоначальника, попросил лишь жалованья придворного ученого. Имела ли эта легенда под собой историческую основу, теперь сказать почти невозможно. Возможно, ее породило покровительственно-дружеское отношение Низам ал-Мулка к Хаййаму и его занятиям. Сам же Хаййам в предисловии к одному из алгебраических трактатов пишет о годах своей учебы так: «Я был лишен возможности систематически заниматься... так как обстоятельства заставили меня потерять много времени. Мы были свидетелями гибели многих ученых, от которых осталась малочисленная, многострадальная кучка людей»¹⁶². Действительно, юность ученого пришлось на тяжелые времена смены и установления новой власти, но к тому времени, как он приобретает известность своими научными трудами, он не только пользуется вниманием и уважением местной знати, считаясь *надймом* султана Малик-шаха (1072—1092), но и становится желанным гостем в Бухаре у хакана Шамс ал-Мулука, который, по преданию, сажал его с собой на трон во время приемов, и в Самарканде у Абу Тахира Абдаррахмана. Это было самое благоприятное и плодотворное в жизни Хаййама время. Он пишет много научных исследований на самые разные темы — по музыке, философии, но в основном математические, например, «Трактат о доказательствах проблем алгебры и алмукабалы», в котором выводит формулы, выведенные европейцами лишь спустя пять-шесть столетий. Доверие к Хаййаму со стороны Низам ал-Мулка и султана было настолько велико, что ему по его просьбе были выделены деньги на строительство в Исфагане самой современной обсерватории. В 1074 г. Хаййам возглавляет группу астрономов и математиков, работающую в обсерватории. А 6 марта 1079 г. произошло событие мирового значения — учеными обсерватории был создан новый, превосходивший по точности современный, календарь, который и был введен под именем Джалалова в честь Джалал ад-Дйна Малик-шаха. Однако со смертью султана и убийством Низам ал-Мулка обсерватория была закрыта. Научно-исследовательские работы были прекращены. Нависла угроза над самой жизнью ученого, пользовавшегося неограниченным доверием прежней власти, и он отправляется в хадж¹⁶³. Фактически страной управ-

¹⁶² Перевод Румера. См.: Морочник, Розенфельд, 1957. С. 45.

¹⁶³ Вот как объясняет мотивы хаджа Хаййама в своей «Тарих ал-Хукама» («История мудрецов») историк Джамал ад-Дин Кифти (1172—1239): «Умар Хаййам — имам Хорасана, ученейший века, знаток греческой науки. Он порицал людей своего времени за их религию, но они обнаружили то, что он держал в тайне. Поэтому он испугался за

ляет вдова Малик-шаха, под опекой которой находится ее малолетний сын султан Санджар (1108—1157). В 1097 г. Хаййам вылечивает одиннадцатилетнего султана от оспы, назвав его опасно больным, чего Санджар не может простить ученому до конца жизни. Чтобы не подвергать риску свою жизнь, ученый удаляется в родной Нишапур, где проводит в трудах последние двадцать лет своей жизни. Но и в Нишапуре его продолжают навещать и друзья и оппоненты. Согласно одной из легенд, однажды старого Хаййама попросил о встрече даже Абӯ Хамид Мухаммад б. Мухаммад ал-Газали (1058—1111), крупнейший теолог и реформатор ислама. Их беседа продолжалась несколько часов, пока муэдзин не позвал верующих на молитву. Тогда Газали встал и произнес: «Пришла истина, и исчезла ложь». Несмотря на то что всю жизнь Хаййам имел столь непримиримых врагов своим взглядам, он умирает своей смертью, успев даже подготовиться к ней. Вот как описывает Байхақи последние минуты ученого: «Однажды он чистил зубы золотой зубочисткой и внимательно читал божественную „Книгу исцеления“ [Абӯ 'Али, которого считал своим учителем]. Когда он дошел до главы о едином и множественном, то положил зубочистку между двумя листами и сказал: „Позови чистых, чтобы я составил завешание“. Затем он встал, помолился, не ел, не пил. Когда он окончил последнюю вечернюю молитву, он поклонился до земли и, кланяясь, сказал: „О Боже! Ты знаешь, что я признал Тебя по мере своей возможности. Прости меня, ибо мое завершение есть признание Тебя“. И умер».

Поэтическое наследие Хаййама, как и в случае с Абӯ 'Али, не вызывает сомнений лишь в отношении его арабских сочинений. Что касается тех персидских стихотворений, которые приписываются ему, мнения исследователей настолько расходятся, что возникает сомнение в том, писал ли знаменитый ученый вообще стихи по-персидски¹⁶⁴. Самым подозрительным фактом в вопросе авторства четверостиший является то, что имя Хаййама почти не употребляется в средневековых антологиях и словарях. Самые же ранние рукописи, содержащие произведения с его именем, относятся ко времени не ранее XV в.¹⁶⁵ Известно, что мировую славу, особенно в англоязычном мире, Хаййаму как поэту помог обрести

свою кровь и потянул узду своего языка и пера, желая избежать столкновений, предпринял хадж» (Морочник, Розенфельд, 1957. С. 52).

¹⁶⁴ Французский востоковед А. Никола признавал за Хаййамом авторство 464 *руба'и* (1867 г.), российский иранист В. А. Жуковский — только 6 (1897 г.), датчанин Кристенсен — 121 (1927 г.), иранец М.-А. Фурутя — 66 (1942 г.), М. Н. Османов — 450. Рекордное количество четверостиший — 1000 — приписывает Хаййаму индийский исследователь Г. Тиртха (1941 г.).

¹⁶⁵ Обнаруженная английским востоковедом А. Арберри и тщательно исследованная и даже изданная иранистами разных стран рукопись *рубд'и* Хаййама, датированная 1207 г., была впоследствии признана поддельной.

Э. Фитцджералд (1809—1883). Во время учебы в Кембриджском университете Э. Фитцджералд был дружен с будущими известными литераторами У. Теккереем и А. Теннисоном. Будучи состоятельным холостяком, Э. Фитцджералд посвятил свою жизнь изучению языков и литературе, переводя в основном с греческого¹⁶⁶. После того как, изучив персидский язык под руководством востоковеда Э. Б. Кауэлла, он перевел на английский язык поэму А. Джамй «Саламан и Абсал», Э. Фитцджералд получает от своего преподавателя новое задание — изучить рукопись четверостиший 'Умара Хаййама из Бодлеянской библиотеки. Потрясенный открытием нового поэта, Э. Фитцджералд кропотливо работает над переводом и, отобрав 56 *рубā 'ū*, безуспешно пытается издать в журналах. Тогда он публикует их за свой счет и анонимно в 1859 г. под названием «Поэма Рубайят 'Умара Хаййама из Нишапура». Два года книжка пылилась в лавке издателя и книготорговца Б. Кворича, не заинтересовав ни одного покупателя, пока не была оценена от 1 шиллинга до 1 пенса за экземпляр. В этот момент перевод Э. Фитцджералда заметили тогдашние законодатели мод Лондонского литературного света: поэт и художник Д. Г. Россети, поэт, критик и драматург О. Ч. Суинберн, писатель и художник У. Моррис, университетский профессор и критик Дж. Рескин и др. Настоящая слава приходит к Э. Фитцджералду, к его переводу Хаййама и к Хаййаму. При жизни Э. Фитцджералда поэма выдержала 4 переиздания, в последнем он поместил уже 101 *рубā 'ū*¹⁶⁷. До конца XIX в. стихи переиздавались 25 раз, последующие же издания не поддаются учету. Увлечение поэтическим творчеством Хаййама приобрело масштабы эпидемии, которая со скоростью лесного пожара охватила страны Европы и Америки. К настоящему времени каждая значительная языковая культура обрела свою собственную версию четверостиший Хаййама. Только в России стихи ученого переводили более пятидесяти поэтов, среди которых были К. Бальмонт и А. Кушнер. Таким образом, феномен поэзии Хаййама — явление скорее европейской культуры, нежели иранской, в которой его роль по-прежнему до конца не определена. Разумеется, как и в стихах Абū 'Альй, в четверостишиях этого ученого меньше всего гедонического эпатажа и бравады атеизмом, который, очевидно, никогда не был присущ реальному Хаййаму. Попытки расшифровывать его стихотворения, используя исключительно аппарат словарей суфийских терминов, как это стало при-

¹⁶⁶ Э. Фитцджералду принадлежат переводы из Софокла и Эсхила, Кальдерона и Мольера, собственные стихи, словарь морского жаргона и другие произведения.

¹⁶⁷ Как показал А. Арберри, из этих 101 *рубā 'ū* только 49 можно признать довольно точными переводами персидских оригиналов, 44 — более поздние контаминации, 5 принадлежат Хафизу и другим поэтам, 3 — очевидно, сочинены самим Э. Фитцджералдом.

нято в последнее время, наверное, также неправомерно¹⁶⁸. Насколько по-разному воспринимали один и тот же источник разные переводчики, продемонстрируем на нескольких примерах.

این قافله عمر عجب میگذرد در یاب دمی که با طرب میگذرد
ساقی غم فردای حریفان چه خوری پیش آریاله را که شب میگذرد

*A moment's Halt — a Momentary Taste
Of Being from the Well amid the Waste —
And Lo! — the Phantom Caravan has reach'd
The Nothing it set out from — Oh, make haste!*¹⁶⁹

*Как странно жизни караван проходит.
Блажен, кто путь свой — весел, пьян проходит.
Зачем гадать о будущем, саки?
Дай мне вина! Ночной туман проходит!*¹⁷⁰

*Ах, караван годов! Он прочь уходит.
Нам счастье удержат невмочь — уходит.
О нас грустить не надо, виночерпий,
Скорей наполни чаши, ночь уходит!*¹⁷¹

*Проходит жизнь — летучий караван.
Привал недолог... Полон ли стакан?
Красавица, ко мне! Опустит полог
Над сонным счастьем дремлющим туман*¹⁷².

*Сей жизни караван не мешкает в пути:
Повеселившись чуть, мы прочь должны уйти.
О том, что завтра ждет товарищей, не думай,
Неси вина — уж рассвело почти*¹⁷³.

*Караван этой жизни сонливо проходит.
Но блажен этот миг, что счастливо проходит.
Виночерпий, о Страшном суде позабудь!
Принеси нам вина, ночь на диво проходит*¹⁷⁴.

¹⁶⁸ Характерным примером такого рода попыток является издание: Рубайят Омара Хайяма, 1999.

¹⁶⁹ Перевод Э. Фитцджералда.

¹⁷⁰ Перевод В. Державина.

¹⁷¹ Перевод Ц. Бану.

¹⁷² Перевод И. Тхоржевского.

¹⁷³ Перевод О. Румера.

¹⁷⁴ Перевод Д. Ленкова.

آمد سحری ندا از میخانه ما کای رند خراباتی دیوانه ما
 بر خیز که پر کنیم پیمانه ز می زان پیش که پر کنند پیمانه ما

*Dreaming when Dawn's Left Hand was in the Sky
 I heard a Voice within the Tavern cry,
 «Awake, my Little ones, and fill the Cup
 Before Life's Liquor in its Cup be dry»*¹⁷⁵.

*Лишь Левая Зари взошла Рука,
 Я голос услышал из кабака:
 «Вставайте, дети, и нальем Бокал,
 Пока есть в чаше Жизни полглотка!»*¹⁷⁶

*Призыв из кабака поднял меня от сна:
 «Сюда, беспутные поклонники вина!
 Пурпурной влагою скорей наполним чаши,
 Покуда мера дней, как чаша, не полна»*¹⁷⁷.

Действительно, приведенные выше *rubā'ī* можно трактовать и как исключительно светские акмеистические стихи, до предела нагруженные мистическим смыслом образов второго скрытого от непосвященных плана: так, во втором *rubā'ī* представлен широкий набор суфийских символов — *دیوانه*, *خراباتی*, *رند*, *میخانه*, *می*, *پیمانه*. В любом случае, если допустить, что мы имеем дело с подлинными произведениями великого ученого, они являют собой свидетельства долгих и мучительных размышлений о вечных вопросах бытия и небытия. И для того чтобы сделать вслед за своим учителем Абӯ 'Алі совершенно неоригинальное заявление о непознаваемости мира даже таким человеческим гением, каким был он сам, нужно было сначала прожить напряженную творческую жизнь:

¹⁷⁵ Перевод Э. Фитцджералда. В иранском шестизычном издании для этого четверостишия в качестве английского соответствия Фитцджералда был помещен такой катрен:

*Before the Phantom of False morning died,
 Methought a Voice within the Tavern cried,
 «When all the Temple is prepared within,
 Why nods the Drowsy Worshipper outside?»* —

для которого Д. Ленков предложил следующий перевод:

*Когда еще алел рассвет неверный,
 Послышался мне окрик из таверны:
 «Зачем же верный молится во тьме,
 Когда все в храме сделано примерно».*

¹⁷⁶ Перевод А. Ивановой.

¹⁷⁷ Перевод О. Румера.

هر کز دل من ز علم محروم نشد کم ماند ز اسرار که معلوم نشد
هفتاد و دو سال فکر کردم شب و روز معلوم شد که هیچ معلوم نشد

*Не была познавья жажда чуждой сердцу моему,
Мало тайн осталось в мире, недоступных для него.
Семьдесят два долгих года размышлял я дни и ночи,
Лишь теперь уразумел я, что не знаю ничего*¹⁷⁸.

Причем жить, не впадая в отчаяние от тщетности усилий человеческого разума и бренности окружающего мира, а радуясь каждому дню, подаренному Судьбой, используя каждый миг для совершенствования своего внутреннего мира, возвышения собственной души и спасения ее от тлена:

روزی که گذشته است از او یاد مکن فردا که نیامدست فریاد مکن
بر نآمده و گذشته بنیاد مکن حالی حوش باش و عمر بر باد مکن

*Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
День сегодняшний завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей — будь счастлив теперь!*¹⁷⁹

¹⁷⁸ Перевод В. Державина.

¹⁷⁹ Перевод Г. Плисецкого.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Краткие сведения о метрической системе персидского классического стиха

Как уже отмечалось выше, поэзия на новоперсидском языке заимствовала арабскую квантитативную метрику, основанную на чередовании долгих и кратких слогов¹⁷² — ‘*арӯз* عروض. Сохранившиеся же с доарабского периода фрагменты поэтических произведений на различных иранских языках все без исключения построены по силлабическому принципу. Поэтому применение ‘*арӯзной* системы в новоперсидском языке вызвало ряд изменений в самой системе.

Однако перед тем как затронуть вопрос об отличиях, познакомимся с самой схемой определения слога в ‘*арӯзе*. Основа ‘*арӯзного* стиха — это чередование долгого и краткого слогов в определенной последовательности.

Минимальной единицей поэтической речи считается двустипие, состоящее из двух строк — *бейт* (*байт*) بیت, одна строка (половина *бейта*) называется *мисрә*‘ مصراع. Цезура между ними обязательна даже в том случае, если оба *мисрә*‘ представляют собой одно грамматическое и семантическое целое.

Обязательной принадлежностью персидского классического стиха является рифма — *қәфийа* (قافیه), которая может простирается на несколько слогов. Весьма распространенным дополнительным украшением рифмы является *радйф* (ردیف) — повторяющийся слог, слово или группа слов, следующая после рифмы.

Качественное определение слога

1. Кратким слогом считается открытый слог, образованный кратким (неустойчивым) гласным — |Cv|. Например: ta-, ku-, di-. Такой слог принято обозначать знаком -. К этой категории относят слоги, образованные графически долгим гласным в исходе слова, но произносимым как краткий, например: tu, ki.

2. Долгим (-) слогом является:

1) открытый слог, образованный долгим (устойчивым) гласным — |Cv|, например: mā, tū, pī, etc.;

¹⁷² Количество слогов в строке, а также количество и местоположение экспираторных ударений значения не имеет.

2) закрытый слог, образованный кратким (неустойчивым) гласным — |CvC|, например: *dar, nīr, bur, etc.*;

3) слог с исходом на дифтонг: *mau, row, etc.*;

4) закрытый слог, образованный долгим (устойчивым) гласным — |CvN|, при условии, если слог закрыт согласным |-n-l|.

Теперь мы переходим в область отличий. Арабский стих не допускает наличия в стихотворной строке слогов с отклонениями от вышеперечисленных¹⁷³. Персидский язык, имевший склонность к силлабической системе стихосложения, воспринял 'арузную' схему, но ввел в качестве необходимой дополнительную категорию слога — так называемый полуторный слог.

3. Полуторным слогом является:

1) закрытый слог, образованный долгим (устойчивым) гласным — |CvC|, например: *māg, nūr, dīr*;

2) слог, образованный кратким (неустойчивым) или долгим (устойчивым) гласным, закрытым двумя согласными — |CvCC|, например: *dast, mušt, kīst, dāšt*.

4. Изафет. Определенной подвижностью в определении обладают конечные слоги слов, образованных краткими гласными, а также грамматический формант «изафет». В зависимости от требований размера, эти гласные могут быть проскандированы и как долгие, и как краткие.

Особенности скандирования

1) Членение на слоги поэтической речи также подчиняется определенным законам скандирования, основным из которых является закон непрерывности речевого потока или плавности речи (*liaison*), при котором слово с согласным исходом объединяется со следующим, имеющим гласное начало. Например:

به نام خداوند جان و خرد
کزین برتر اندیشه بر گذارد

Bal nā|m-il xuldā|vanld-il jā|n-ul xilradl
k-alz-inl bartalr andilšal barl gulzalradl

Тот мощи достигнет, кто знания достиг;
От знания душой молодеет старик¹⁷⁴.

Фирдоуси

Однако данный закон хотя и существует, но допускает исключения в произношении начально-слоговых гласных и кратких гласных конечных слогов, когда для соблюдения размера необходимо наличие иного слога, чем тот, который получается в результате действия закона непрерывного скандирования. В этом случае начально-слоговой гласный может произноситься с легким придыханием (*spiritus lenis* или *hamza*). Например, для

¹⁷³ Исключения допускались только для конца строки.

¹⁷⁴ Перевод Ц. Бану и А. Лахути. См.: Фирдоуси, Т. 1. 1993. С. 8.

того чтобы удовлетворить размеру, предполагающему последовательность (- - - -/-) краткий-долгий-долгий-краткий (долгий), придется прочесть не pīdār alz u (- - - -/-), а pīdar! 'azl 'u¹⁷⁵.

2) Союз va в поэтической речи всегда произносится в своей краткой форме |—u|.

Часто для того, чтобы соблюсти избранный размер стиха, поэт прибегает к использованию вариантов произношения. Наиболее распространенным способом такого вариативного подхода является использование слоговых стяжений и удлинений (за счет изменения качества гласного) а также удвоений конечно-слового согласного.

Стяжения

Стихотворные стяжения могут быть простыми (однокомпонентными) и сложными, состоящими из двух и более компонентов.

1. Простое стяжение обычно наблюдается в глагольной форме за счет:

а) удлинения префиксального гласного и сокращения гласного основы: biguzarim/buguzarim (- - - -) > bugzarim (- - -); binišast (- - - -) > binšast (- - -), etc.;

б) стяжения финального гласного причастной формы в перфекте:

būda ast > būdast;

в) изменения качества гласного основы в именах существительных или глагольных формах:

čāh > čah — 'колодец, яма'; šāh > šah — 'царь'; māh > mah — 'месяц';

būm > bum 'страна'; bīm > bim 'страх', uftād > uftad, etc.

2. Сложные стяжения могут состоять из:

а) сочетания союзов и именных частей речи: ke āsmān > k-āsmān;

б) союзов и личных местоимений: k-u = ki u;

в) союзов и указательных местоимений: k-īn = ki īn;

г) союзов и местоименных энклитик: k-aš = ki-aš;

д) союзов и предлогов: k-az = ki az;

е) союзов и междометий: k-ey = ki ey;

ж) сочетания нескольких вышеуказанных компонентов: k-az-u = ki az u, z-ān-k = az ān ki, etc.

Удлинение гласного

Иногда для соблюдения размера допускается удлинение гласного: umīd > ūmīd 'надежда', uftād > ūftād 'упала(о)'.¹⁷⁵

Удвоения

Удвоения являются довольно распространенным способом «подгонки» произношения стиха под определенный размер. Так, ставшие нормативны-

¹⁷⁵ Об особенностях произношения начальнoслoгoвых гласных в 'арuze см.: Иванов, 1999. С. 153.

ми для прозы классического периода лексемы, типа *paḡ* — 'перо'; *zaḡ* — 'золото'; *kaḡ* — 'глухой'; *taḡ* — 'влажный'; *duḡ* — 'хвост'; *taf* — 'жар', etc. в стихах могут иметь *ташдид* над конечным согласным, произносясь, соответственно: *paḡt*; *zaḡt*; *kaḡt*; *taḡt*; *duḡm*; *taff*, etc.

Архаизация произношения

В ряде случаев для соблюдения рифмы наблюдается восстановление [v] (немой «вав») в словах так называемой исторической орфографии. Например, чтобы удовлетворить рифме предыдущей строки, оканчивающейся на — *bard*, خورد следует читать *xvard*.

Основные стихотворные размеры, используемые в персидской классической поэзии¹⁷⁶.

Наиболее употребительными в персидской классической поэзии стали двадцать размеров. Из них — двенадцать (*рамал*, *муджтаḡ*, *ḡафйф*, *муḡāри'*, *хазадḡ*, *раджаз*, *муḡтазиб*, *сарй'*, *мутаḡāриб*, *мутаḡāрик*, *кāмил*, *вāфир*), схемы которых мы приводим ниже, пользовались среди поэтов на протяжении всего Золотого века неизменной популярностью. Остальные (*ḡарйб*, *мушāкил*, *ḡарйб/джадйд*, *та'вил*, *мадйд*, *басйт*, 'амйқ', 'арйз) были со временем почти окончательно преданы забвению.

رمل **рамал** (основной вид стопы فاعلاتن fā'ilātun | - - - |)

- - - | - - - | - - - | - - - — рамал машкӯл
- - - | - - - | - - - | - - - — рамал машкӯл махбӯн
- - - | - - - | - - - | - - - — рамал машкӯл сāлим
- - - | - - - | - - - | - - - — рамал сāлим махбӯн

هر که چیزی دوست دارد جان و دل بر وی گمارد

هر که محرابش تو باشی سر ز خلوت بر نیارد (سعدی)

(рамал мусамман сāлим بحر رمل مثنیٰ سالم)

*Тот, кто что-либо полюбит, поверится тому душой и сердцем,
Тот, чьим ты мхрабом станешь, навсегда от мира отрешится.*

Са'дй

هزج **хазадж** (основной вид стопы مفاعیلن mafā'ilun | - - - |)

- - - | - - - | - - - | - - - — хазадж сāлим (мусамман)
- - - | - - - | - - - | - - - — хазадж сāлим махзӯф
- - - | - - - | - - - — хазадж махзӯф
- - - | - - - | - - - | - - - — хазадж макфӯф махзӯф
- - - | - - - | - - - | - - - — хазадж макбӯз

¹⁷⁶ Схемы размеров приводим по: Залеман, Жуковский, 1901; Бертельс, 1926; Elwell-Sutton, 1976; Thackston, 1994. P. XX—XXIII; Mirsādighī, 1994. 34; Māhyar, 1999.

--|---|---|---|--- — хазадж аштар маҳзӯф
 --|---|---|---|--- — хазадж аштар салим
 --|---|---|---|--- — хазадж аҳраб макбуз салим азалл
 --|---|---|---|--- — хазадж аҳраб макбуз маҳзӯф
 --|---|---|---|--- — хазадж аҳраб макфӯф маҳзӯф
 --|---|---|---|--- — хазадж аҳраб салим

ترا من دوست می دارم ندانم چیست در مانم
 نه روی هجر می بینم نه راه وصل می دانم (انوری)

(بحر هزج مثنیٰ سالم موصوف)

Я люблю тебя и не знаю, что с этим поделаться:

Не могу различиться с тобой, но и как соединиться — не знаю.

Анварӣ

مجتث муджтас (основной вид стопы mafā'īlun |---|)

---|---|---|---|--- — муджтас салим
 ---|---|---|---|--- — муджтас салим маҳбӯн маҳбӯн максӯр
 ---|---|---|---|--- — муджтас маҳбӯн
 ---|---|---|---|--- — муджтас маҳбӯн маҳзӯф
 ---|---|---|---|--- — муджтас маҳбӯн аслам
 ---|---|---|---|--- — муджтас маҳбӯн маҳбӯн маҳзӯф
 ---|---|---|---|--- — муджтас матвӣ макфӯф маджхуф

گرم قبول کنی بنده کمین تو گردم

ورم به تیرزنی ناظرکمان تو باشم (خواجو کرمانی)

(مجتث مثنیٰ مخبون موصوف)

Ах, если б ты согласилась сделать меня своим жалким рабом!

Но если ты решишь расстрелять меня, я буду направлять твой лук.

Ҳаджӯ Кирманӣ

خفيف ҳафйф (основной вид строки fā'ilātun-mustaf'ilun- fā'ilātun

فاعلاتن مستفعلن فاعلاتن |---|---|---|---|)

---|---|---|---|--- — ҳафйф салим
 ---|---|---|---|--- — ҳафйф маҳбӯн
 ---|---|---|---|--- — ҳафйф маҳбӯн максӯр

مست گشتم ز لطف دشنامش یا رب آن می به است یا جانش (سنایی)

(بحر خفيف مسدس مخبون اصلم)

Я пьян прелестью его сквернословья!

Боже, что лучше — это вино или сама душа его?

Санай

رجز **раджаз** (основной вид стопы mustaf'ilun مستفعلن | - - - | -)

---|---|---|--- — раджаз сәлим

---|---|---|--- — раджаз мағвй

---|---|---|--- — раджаз мағвй мағбўн

ای عاشقان ای عاشقان پیمانہ را گم کرده ام

زان می که در پیمانہ ہا اندر نگنجد خورده ام (مولوی)

(хазадж мусамман сәлим بحر رجز مثنى سالم)

О влюбленные, влюбленные! Я чашу свою потерял!

Выпив того вина, которое ни в одну чашу не войдет.

Рўмй

سرّيع **сарй'** (основной вид стопы mustaf'ilun-mustaf'ilun-maf'ulātu

مفعولات مستفعلن مستفعلن | - - - || - - - | - - - |)

---|---|---|--- — сарй' сәлим

---|---|---|--- — сарй' сәлим

هاتفی از گوشه میخانه دوش گفت بیخشد گنه می نوش (حافظ)

(بحر سریع مسدس مطوی موقوف مؤکّف مثنى مصاددس ماثوى ساری')

Совесть моя сегодня ночью в кабаке

Сказала: да простят тебе грех — выпей вина!

Ҳафиз

منسرح **мунсарих** (основной вид стопы mustaf'ilun-maf'ulātu

مفعولات مستفعلن | - - - | - - - |)

---|---|---|--- — мунсарих сәлим

---|---|---|--- — мунсарих мағвй макшүф

گفتمش آن آتش است؟ گفت که نی روست روست

گفتمش آن دود چیست؟ گفت که موست موست (واعظ قزوینی)

(بحرمنسرح مثنى مطوی موقوف مؤکّف مثنى مصاددس ماثوى منسرح)

Я спросил ее: Это пламя? Она ответила: Нет же — лицо!

Я спросил ее: Что же за дым? Она ответила: Волосы мои!

Ва'из Қазвинй

مقتضب **муқтазиб** (основной вид стопы maf'ulātu-mustaf'ilun

مفعولات مستفعلن | - - - | - - - |)

---|---|---|--- — муқтазиб мағвй

بس که شام صبح شود بس که صبح شام شود
 رفته رفته چون نگری عمر ما تمام شود (وقار شیرازی)
 (بحر مقتضب مثنی مطوی)
 Хватит этих ночей, что становятся утрами, хватит этих утр,
 что превращаются в ночи!
 Прошла, посмотри! Кончается жизнь моя.

Вақар Шйрэй

مضارع музъари' (основной вид стопыفاعلاتن mafā'īlun-fā'īlātun

---|---|---

---|---|---|---|--- — музъари' салим

---|---|---|---|--- — музъари' макфўф максўр

دیدار یار غایب دانی چه ذوق دارد
 ابری که در بیابان بر تشنه ای بیارد (سعدی)
 (музъари' мусамман аҳраб)
 Ты знаешь, каково на вкус свидание с возлюбленным,
 с которым разлучили?
 Оно как облако, проливающее дождь на жаждущего в пустыне.

Са'дй

متدارك мутадъарик (основной вид стопы fa'īlun | --- | -)

|---|---|---|---|--- — мутадъарик салим

تویکی قصه ای آری آری قصه عاشق بی قراری (نیما یوشج)
 (مударک مثنی احذ)

Ты — какая-то сказка, да-да!

Сказка о влюбленном скитальце...

Нима Йушидж

متقارب мутақъариб (основной вид стопы fa'ūlun | --- | -)

---|---|---|---|--- — мутақъариб салим

---|---|---|---|--- — мутақъариб маҳзўф

---|---|---|---|--- — мутақъариб аслам салим

کرانی ندارد بیابان ما قراری ندارد دل وجان ما (مولوی)
 (مутақъарیب мусамман маҳзўф محذوف)

Края нет у степи моей,

Места нет у сердца и души моей

Рўмй

وافر вәфир (основной вид стопы mufā 'īlatun | - - - - | -)

-----|-----|----- — вәфир мусаддас салим

اگر ملك ارسلان ملك جهان نشدى

زمانه پير گشته ز سر جوان نشدى (عثمان مختارى)

(вафир мусаддас салим салям мусдас سالم)

Если бы царь Арслан не был бы повелителем мира,

Старые времена бы не обновились.

'Усман Мухтаря

كامل кāмил (основной вид стопы mufa'īlun | - - - - |

| - - - - | - - - - | - - - - | - - - - — kāmил мусамман салим

چه شود به چهره زرد من نظرى براى خدا كنى

چه اگر كنى همه درد من به يكى نظاره دوا كنى (هاتف اصفهانى)

Что случится, если, ради Бога, ты бросишь хоть взгляд

на бледное лицо мое!

Ведь если ты взглянешь — излечишь все страдания мои

одним лишь взглядом своим!

Хатиф Исфahanя

Среди менее употребительных стихотворных размеров назовем следующие:

قريب кариб (основной вид строки mufa'īlu-mufa'īlu-fā'ilān)

--- | --- | --- — қариб макфўф максўр

--- | --- | --- — қариб аҳраб макфўф

مشاكل мушāкил (основной вид строки fā'ilātu-mufa'īlu-mufa'īl)

--- | --- | --- — мушāкил макфўф максўр

غريب/جديد гарйб/джадйд (основной вид строки fā'ilātun-fā'ilātun

mufa'īlun)

--- | --- | --- — ғарйб маҳбўн

طويل та'вйл (основной вид строки fā'ulun-mufa'īlun-fā'ulun-mufa'īlun)

--- | --- | --- — та'вйл салим

مدید мадйд (основной вид строки fā'ilātun-fā'ilun-fā'ilātun-fā'ilun

فاعلاتن فاعلن)

--- | --- | --- | --- — мадйд салим

بسيط басйт (основной вид стопы mustaf'ilun-fā'ilun-mustaf'ilun-fā'ilun

فاعلاتن فاعلن)

--- | --- | --- | --- — басйт салим

عمیق 'амйк (основной вид стопы fā'ilun-fā'ilātun-fā'ilun-fā'ilātun)

| - - | - - - | - - - - — 'амйк салим

عريض 'арйз (основной вид стопы mufa'ilun-fā'ulun-mufa'ilun-fā'ulun)

| - - - | - - - | - - - - — 'арйз макбўз

Основные особенности персидского 'арӯза

В заключение перечислим основные отличия арабской классической *арузной* схемы от персидской:

1. В первую очередь это появление в персидской 'арузной схеме понятия *сверхдлинного* слога.

2. Немаловажным отличием стало преимущественное употребление и развитие тех размеров, которые были малоупотребительны в арабской поэзии (*мутақъриб*, *хазадж*), и почти полное забвение излюбленных метров, разработанных в арабской классической поэзии (*мушәкил*, *басит*, *мадид*, *ариз*, *амик*, *ғариб*). При этом в персидских произведениях, написанных эпическим *мутақърибом* или *хазаджем*, сохраняется строго константное число слогов (обычно одиннадцать).

3. Учение о рифме ('*илм ал-кафийа*), зафиксированное в многочисленных средневековых поэтиках¹⁷⁷, где основной частью является «первая одинаковая согласная после разных», также претерпело изменения на иранской почве, выразившиеся в стремлении к максимально точной и глубокой рифме.

Основные жанры персидской классической поэзии

Основные жанры, основанные на двучленной структуре поэтической строки (*бейте*), выделяемой метрически, графически и интонационно¹⁷⁸, были заимствованы из арабской классической поэзии. Среди них такие:

1. *Касыда* قصيده — ода, преимущественно хвалебная, светского или богословского содержания, с ее антитезой — хаджвом *حجر* (*хиджа* *حجا*), хулительной эпиграммой (инвективой). Разновидностей *касыды* великое множество — от элегии до самовосхваления. Представляет собой стихотворение от 10 до 100 и более *бейтов*. Это произведение с побейтной рифмовкой:

а – а, b – а, с – а...

2. *Газель* *غزل*: вопрос о заимствовании этого лирического жанра до сих пор определенно не решен. Общепринятым считалось происхождение *газе-*

¹⁷⁷ Поэтологические трактаты, полностью основанные на заимствованной арабской терминологии, писали многие средневековые ученые, так как поэзия входила в комплекс обязательных наук образованного человека со времен античности. Среди них ал-Фараби; Абу 'Али б. Сина, ал-Бйруни, аз-Замашарй и другие. Наиболее известными из сохранившихся являются сочинения о поэтических фигурах и украшениях ('илм ал-бади') Мухаммада Радуйани (XI—XII вв.) «Тарджуман ал-Балага» («Толкователь риторики») (см.: Raduyani, 1949), Рашид ад-Дйна Ватвәта (середина XII в.) «Хадә'ик ас-Сихр фй Дақә'ик аш-ши'р» («Сады волшебства в тонкостях поэзии») (см.: Рашид ад-Дйн Ватвәт, 1985), Наһра ал-Маргинанй (ум. 1055), «Махәсин ал-Қаләм» («Красоты речи») и Шамс ад-Дйна ар-Разй «Ал-му'джам фй ма'айир аш'ар ал-'аджам» («Свод правил персидской поэзии») (Шамс ад-Дйн ар-Разй, 1997).

¹⁷⁸ Полустишия, составляющие *бейт* в *касыде* и *газели*, — лишены рифмы.

ли как обретшего самостоятельность *насиба* (вступительной лирической части *касыды*, содержащей описания природы, личных переживаний автора). Возможно, арабская *газель*, особенно суфийского содержания, контаминировала с народными формами иранской доисламской песни любовного содержания и приобрела тот законченный и совершенный вид, какой имели произведения персидских авторов хорасанской и западно-иранской школ конца X—начала XI в.¹⁷⁹ Обычно это стихотворение от двух до пятнадцати *бейтов*. Для него также характерна побейтная рифмовка:

a - a, b - a, c - a...

3. Кит'а *قطعه* — монорифмическое стихотворение без первого парнорифмующегося двустишия, в основном философско-дидактического содержания, объемом от двух до двадцати-тридцати *бейтов*¹⁸⁰. Рифмовка:

b - a, c - a...

4. Из арабской литературы была заимствована также такая форма, как рифмованная проза — *садж* 'سجع'.

Вместе с тем, в условиях персоязычной поэзии уже на самом раннем этапе ее развития появились самостоятельные формы, восходящие, очевидно, к среднеиранскому состоянию. Это:

1) *маснави* *مشنوی* (поэма) — форма эпических повествовательных и дидактических произведений, где рифмуют полустистишия *бейта*, а сами *бейты* не имеют сквозной рифмы. Рифмовка:

a - a, b - b, c - c...

2) *руба'и* *رباعی* или его вариант дубейти *دوبیتی* (четверостишие) — малая лирическая форма, использующая особый вид квантитативной метрики и совершенно неизвестная арабской поэзии. Рифмовка:

a - a, b - a, возможен вариант a - a, a - a¹⁸¹;

3) некоторые виды строфической поэзии *мусаммат* *مسمت* (мусаммат), из которых одни весьма древнего, другие довольно позднего (XIV в.), но также исключительно самостоятельного происхождения¹⁸².

Рифмовка таркиббанда *ترکیب بند*:

a - a, x - a, n - a, b - b, c - c, x - c, n - c, d - d...

Рифмовка тарджи'банда *ترجیع بند*:

a - a, x - a, n - a, b - b, c - c, x - c, n - c, b - b...

¹⁷⁹ Газельный жанр, ставший необычайно популярным в придворной поэзии и в фольклоре, отразил в наибольшей степени тенденцию развития персидской литературы в двух направлениях — к техническому усложнению по форме (в светской поэзии при дворе) и к максимальному насыщению мистическим смыслом простых по лексике и фигурам суфийских стихов (см.: Lazard, 1978. P. 59—71; Пригарина, 1999. С. 99—101).

¹⁸⁰ См.: Ворожейкина, 1999. С. 36—59.

¹⁸¹ См.: Козмоян, 1981. С. 11.

¹⁸² Краткая история литератур... С. 19—20.

2. Тексты

رودکی

چهارمقاله در باره رودکی

چنین آورده‌اند^۱ که نصرین احمد که واسطه عقد^۲ آل سامان بود، و اوج دولت آن خاندان ایام مُلک او بود، و اسباب تمتع^۳ و علل تزئین در غایت ساختگی^۴ بود، خزائن آراسته، و لشکر جرّار^۵، و بندگان فرمانبردار^۶، زمستان بدار الملک بخارا مقام کردی و تابستان بسمرقند رفتی یا بشهری از شهرهای خراسان. مگر^۸ یک سال نوبت هری^۷ بود. بفضیل بهار ببادغیس بود، که بادغیس خرم‌ترین چراخوارهای خراسان و عراق است. قریب هزار نار^۹ هست پر آب و علف، که هر یکی لشکری را تمام باشد. چون ستوران بهار نیکو بخوردند و بتن و توش^{۱۰} خویش باز رسیدند و شایسته میدان و حرب^{۱۱} شدند، نصرین احمد روی بهری نهاد و بدر شهر بمرغ^{۱۲} سید^{۱۳} فرود آمد و لشکرگاه بزد، و بهارگاه^{۱۴} بود^{۱۵}، شمال^{۱۶} روان شد، و میوه‌های مالن^{۱۷} و کروخ در رسید که امثال آن در بسیار جایها بدست نشود، و اگر شود بدان ارزانی نباشد. آنجا لشکر برآسود، و هوا خوش بود و باد سرد، و نان^{۱۸} قراخ، و میوه‌ها بسیار، و مشمومات فراوان؛ و لشکری^{۱۹} از بهار و تابستان برخورداری

- (۱) ا، ب، ط: تمتع. (۲) ا، ب، ط: + داشت. (۳) ا، ب، ط: هرات. (۴) ب، ط: میدان حرب (۵) ا، ب، ط: بمرغزار. (۶) جمیع نسخ غیر ازق: - و بهارگاه بود. (۷) ب، ق، ط: ماکن (در همه مواضع درین حکایت). (چق) رک: ص ۵۱ س ۴ (م.م) (۸) ق: باران؛ ط: زمان. (۹) ط: لشکریان، بمناسبت فعل «بافتند». (م.م)

- ۱- رک: ص ۲۷ ح ۶. ۲- عقد، بکسر اول، گردن‌بند. - واسطه‌العقد، گورمر کلان و بیش بها که در میان حنفی همه گورهای گل‌بند باشد (غیاث). ۳- (مص) استوار و قوی شدن. ۴- آسادی، مهیا بودن. ۵- تکرار فعل. ۶- لشکرگران رو بجهت کثرت. (منتهی‌الارب). ۷- سجع. ۸- رک: ص ۳۰ ح ۳. ۹- ناو، جوی آب، کشتی، چوب کازاک که در بعض مواضع آب از آن بتنوره آسیا رود، ممر آب که از سفال سازند و بیکدیگر وصل کنند و آب در آن جاری شود، ناودان (انجمن آرا). ناو بمعنی وادی عربی یعنی دره‌هایی که آب از میان آنها بگذرد و در طرف آبادان و معمور باشند. بازودخانه‌ای که از میان دشت با دو کوه بگذرد. (سبک‌شناسی ج ۲ ص ۳۰۲). معنی وادی در ص ۴۶ ح ۲ آمده. ۱۰- در اصل براو مجهول: فوت، توانایی، جسم و بدن. ۱۱- Margh-i-Sapld (ترجمه انگلیسی). ۱۲- فصل بهار، نس: پاییزگاه (رشیدالدین). تاریخ غازانی ص ۱۰. ۱۳- پننج و کسر او. بادی که از طرف قطب و بنات‌الشمس وزد (غیاث).

تمام یافتند از عمر خویش؛ و چون مهرگان در آمد و عصیر^۱ در رسید و شاه سفرم^۲ و حماحم^۳ و آقحوان^۴ در دم شده، انصاف از نعیم^۵ جوانی بستند و داد از عنفوان شباب^۶ بدادند^۷. مهرگان دیر در کشید و سرما قوت نکرد^۸، و انگور در غایت شیرینی رسید، و در سواد^۹ هری صد و بیست لون انگور یافته شود هر یک از دیگری لطیف تر و لذیذتر، و از آن دو نوع است که در هیچ ناحیت رُبع مسکون یافته نشود: یکی پرنیان^{۱۰} و دوام کلنجری^{۱۱}، تُنک^{۱۲} پوست خُردتکس^{۱۳}، بسیار آب^{۱۴}، گویی که در او^{۱۵} اجزاء ارضی نیست^{۱۶}، از کلنجری^{۱۷} خوشه‌ای پنج من و هر

(۱) : شاه سپرم؛ ب: ط: شاه اسپرم (۲) ا: ب: حمیم؛ ق: .. (۳) ا: ب: ط: زمان.

(۴) ا: ب: زمانه؛ ط: جوانی. (۵) ق: قوت گرفت. (۶) ا: ب: پرنیان؛ ط: ترنیا. براون در ترجمه انگلیسی (ص ۲۳ ح ۶) گوید: «در چاپ سنگی تهران Tarniya آمده که معنی متداول آن بنظر میرسد الک با سیدی است که از بید سازند. رک: لغت فرس اسدی چاپ هرن ص ۹۹؛ لغت شمس نخری چاپ Saleman ص ۹۶؛ ۱۲ ح ۱۳. حاشیه.» در لغت فرس مصحح آقای اقبال (ص ۲۵۷) «تریان» بدین معنی آمده و بیٹی از اسماعیل رشیدی شاهد آن آورده شده است (م.م). (۷) : کلجندی؛ ب: کلجندی؛ کلنجدی؛ ق: کل بحری، این کلمه از روی برهان قاطع تصحیح شد. (۸) ق: خوردتکش ط: خودشکن. (۹) فرهنگ نظام (فرشک): + خوردد دانه (خرد دانه) (م.م). (۱۰) ا: و البته گویی که درو لرضی نیستی؛ ب: و البته گویی که در دارصی مستی؛ ط: گویی که دران ارضی نیست؛ ق: کوهی که در اجزاء ارضی نیست. (۱۱) ا: کلجندی؛ ب: کلنجدی؛ ق: کل بحری؛ ط: ..

۱ - شیره، و مراد شراب است:

سال سیصد سرخ می خور، سال سیصد زرد می لعل می الفین شهر، و للعصیر الفی سنه

منوچهری دامغانی: دیوان ص ۷۷.

۲ - بکسر سین و فتح فا و را، ریحان، که آنرا نازبو گویند (غیات) = *Ocyurus basilicum* (ترجمه انگلیسی).

۳ - بفتح اول و کسر چهارم، پردبند بستانی که برگش بهن باشد و آنرا حین نیطی گویند. حماحمه، یکی (منتهی الارب)، بستان افروز (ترجمه انگلیسی). ۲ - بضم اول و سوم، بابونه (منتهی الارب) (غیات)،

شکوفه ریحان و بابونه (برهان قاطع)، بابونه گاو چشم = *Matricaria* یا *Pyrethrum* (ترجمه انگلیسی).

۵ - مرحوم بهار نوشته‌اند: در دم استعمال عجیبی است و میج جا در نظم و نثر ندیده‌ام و گمان حقیر این است که غلط باشد و اصل «دادم» باشد بضم دو نال مهمله یعنی بیایی و متوالی و پشت سر یکدیگر (سبک شناسی ج ۲ ص ۳۰۵). ۶ - مترادف (سبک شناسی ج ۲ ص ۳۱۴). ۷ - سواد (بفتح

اول) شهر، دبه‌های شهر (منتهی الارب)، فربه‌ها و اراضی اطراف آن. ۸ - بفتح اول و چهارم و کسر دوم و پنجم. این کلمه بشکل *Kalanjar* در برهان قاطع آمده و تصور می‌رود که شرح آن مبتنی بر همین عبارت (کتاب حاضر) است (ترجمه انگلیسی). رک: برهان قاطع مصحح نگارنده (م.م). ۹ - بضم اول و

دوم، باریک، رفیق، اندک، نازک، لطیف. رک: برهان قاطع مصحح نگارنده ص ۵۱۹ ح ۱۰. هسنه انگور، و تکز نیز دیده شده است؛ بهرامی گوید:

دانه‌ای پنج در مسنگ^(۱) بیاید، سیاه چون قیر و شیرین چون شکر، و از ش^(۲) بیار
 بتوان^(۳) خورد بسبب مائیتی^(۴) که در اوست، و انواع میوه‌های دیگر همه خیار^(۵).
 چون امیر نصر بن احمد مهرگان و ثمرات او بدید، عظیمش خوش آمد. نرگس رسیدن
 گرفت. کشمش بیفکنند در مالن^(۶) و مُتقی برگرفتند^(۷)، و آونگ^(۸) بیستند، و گنجینه‌ها
 پُر کردند. امیر با آن لشکر بدان دیواره دیده درآمد که اورا غوره و دروازه خوانند. سراهایی
 دیدند هر یکی چون بهشت اعلی، و هر یکی را باغی و بستانی در پیش بر مهپ^(۹)
 شمال نهاده. زمستان آنجا مُقام کردند و از جانب سجستان^(۱۰) نارنج آوردن گرفتند، و از
 جانب مازندران ترنج رسیدن گرفت. زمستانی گذاشتند^(۱۱) در غایت خوشی. چون بهار
 درآمد اسبان بیادغیس فرستادند، و لشکرگاه بمالن^(۱۲) بمیان دو جوی^(۱۳) بردند؛ و چون
 تابستان در آمد میوه‌ها در رسید، امیر نصر بن احمد گفت: «تابستان کجا رویم؟ که
 ۱۰ ازین خوشتر مقامگاه نباشد، مهرگان برویم^(۱۴)». و چون مهرگان درآمد، گفت: مهرگان هری

(۱) فرهنگ نظام (فرشک): پنج من و هر فروشکی پنج درم سنگ. رک: تعلیقات (م.م.) (۲) ط:
 از آن؛ ق: .. (۳) ا، ط: نتوان؛ ب: نوان. (۴) ا، ب: حلاوت؛ ط: حلاوتی. (۵) ا، ب،
 ط: دلکش. (۶) رجوع بحاشیه (۷) ص ۴۹ شود. (۷) ا: و متقا برگرفته؛ ب: مقابیر گرفتند؛
 ق: ط: مقار برگرفتند. (۸) ا، ب، ط: مهپ. (۹) ا، ب، ط: سیستان.
 (۱۰) ق: بدو جوی. (۱۱) جمع نسخ غیر از ق: - امیر نصر بن احمد گفت... مهرگان برویم.

۱ - ترکیبی است که «اره قید اضافی با شین ضمیر غایب جمع شده است. (سبک‌شناسی ج ۲ ص ۳۰۶).
 ۲ - مصدر جملی از ماء (آب)، آبکی بودن. ۳ - گزین و برگزیده (منتهی‌الآب)، نسخه و ممتاز، و
 بیهفی «خیاره» آورده است (سبک‌شناسی ج ۲ ص ۳۰۶). ۴ - بصیغه اسم مفعول، کنشی است که
 دانه‌های آنرا بیرون آورده باشند (تحفة المؤمنین لمحمد مؤس‌الحسینی طبع طهران در نعت «زبیب».)
 (حق). برای منفی بمعنی موز پاک کرده، وجوع شود به اسرار التوحید چاپ زوکوفسکی ص ۸۴ تا ۹۱
 (مینوی). ۵ - ریسمانی که خوشه‌های انگور از آن آویزند (برهان قاطع). ۶ - بفتح اول و دوم
 مشدد، جای ورزش باد. ۷ - گذاشتن، متعدی گذاشتن بمعنی گذاراندن، و لاین نوع تعدیه در نثر قدیم
 مکرر دیده میشود مانند نشاستن از نشستن و برگاشتن از برگشتن و شکافتن از شکفتن و (گذاردن و) گذاشتن
 از گذاردن و گذاشتن و کافتن از کافتن و غیره (سبک‌شناسی ج ۲ ص ۳۰۶).

آن خوشه بین چنانکه یکی خیک بر نیید
 سر بسته و نبرده بدو دست هیچکس
 هم بر مثال مردمک چشم از اونکس.
 (سبک‌شناسی ج ۲ ص ۳۰۵ - ۳۰۶).
 غُزم صره انگور برد که شیره و نکس در وی باشد. ۱۱ - استعمال ضمیر «او» برای غیر ذی روح. رک.
 حکایت ۴ از همین مقالات «الحق... و درو وصف شعر کرده.»

- بخوریم و برویم.» و همچنین فصلی بفصل همی انداخت تا چهار سال برین برآمد؛ زیرا که صمیم^۱ دولت سامانیان بود و جهان آباد، و ملک بی خصم، و لشکر فرمانبردار، و روزگار مساعد، و بخت موافق. با این همه ملول گشتند، و آرزوی خانمان برخاست. پادشاه را ساکن دیدند، هوای هری در سر او و عشق هری در دل او. در اثناء سخن هری را ببهشت عدن^۲ مانند کردی، بلکه^(۱) بر بهشت ترجیح نهادی، و از بهار چین^(۲) زیادت آوردی. دانستند که سر آن دارد که این تابستان نیز آنجا باشد. پس سران لشکر و مهتران مُلک بنزدیک استاد ابو عبدالله الرّودکی رفتند. و از ندما پادشاه هیچکس محتشم تر^۳ و مقبول القول تر از او نبود. گفتند: «پنجهزار دینار ترا خدمت کنیم، اگر صنعتی بکنی که پادشاه ازین خاک^(۳) حرکت کند، که دلهای ما آرزوی فرزند همی برد، و جان ما از اشتیاق بخارا همی برآید» رودکی قبول کرد که نبض امیر بگرفته بود و مزاج او بشناخته. دانست که بنثر با او در نگیرد، روی بنظم آورد، و قصیده‌ای بگفت، و بوقتی که امیر صبح کرده بود در آمد و بجای خویش بنشست، و چون مطربان فرو داشتند^۴، او چنگ برگرفت و در پرده عشا^۵ این قصیده آغاز کرد:
- ۱۰ بوی جوی مولیان آید همی^۵ بوی^(۶) یار مهربان آید همی.
پس فروتر شود و گوید^(۵):

(۱) جمیع نسخ غیر از ق: - بهشت... بلکه. (۲) ب: بهار حسن. (۳) ا، ط: از اینجا؛ ب: از آنجا. (۴) دیوان رودکی. چاپ نفیسی ص ۱۰۲۹: یاد. (م.م.) (۵) جمیع نسخ غیر از ا: - پس فروتر شود و گوید.

- ۱ - بفتح اول، اصل چیزی و خالص و خلاصه آن (منتهی الارب). میان هر چیز (غیثات) ۲ - بفتح اول، (منص) اقامت کردن و همیشه بودن بجایی، و منه: جنات عدن (منتهی الارب). عدن مأخوذ از عبری است بمعنی لذت و حظ. در قرآن سوره ۲۶ آیه ۸۵ «جنة النعیم» بمعنی جنات عدن آمده. در زبانهای اروپایی Eden (بهشت زمینی، بهنشی که خدا آدم و حوا را با آنجا حای داد) (آرتور جفری. لغات دخیله در قرآن. بازوده ۱۹۳۸ ص ۲۱۲ - ۲۱۳). در قرآن (از جمله سوره ۹ «التوبة» آیه ۷۳ «جنات عدن» به بهشت مرعود اطلاق شده و آنرا «بستانهای یا اقامت» ترجمه کرده‌اند. ۳ - رحل محتشم (بفتح شین)، سرد با حشمت (منتهی الارب) و با شوکت و دبده. در غیثات: لغات: (بکسر شین) بمعنی محتشم ذو احتشام است. ۴ - دست نگاهداشتند. (سبک شناسی، ج ۲، ص ۳۰۳) یا آخر رسانیدند و ختم کردند (خوانندگی را). رک: برهان قاطع: فرو داشت. ۵ - حافظ ابن مصرع را تضمین کرده است: خیز نا خاطر بدان ترک سمرقندی دهیم کز نسیمش بوی جوی مونیان آید همی. (دیوان حافظ ص ۳۶۸) (چفدا) ۶ - پایین تر (سبک شناسی ج ۲ ص ۳۰۳).

زیر پایم پرنیان ^(۱) آید همی.	زیگ ^۱ آموی* و درشتی راه او ^(۱)
خنک ^۲ ما را تا میان آید همی.	آب چیحون از نشاطروی دوست
میر زی تو ^(۲) شادمان آید همی.	ای بخارا! شادباش و دیرزی ^(۳)
ماه سوی آسمان آید همی.	میر ما هست و بخارا آسمان
سرو سوی بوستان آید همی. ۵	میر سرو است و بخارا بوستان

چون رودکی بدین بیت رسید، امیر چنان منفعل گشت که از تخت فرود آمد، و پی موزه پای در رکاب خنگِ نوبتی^۴ آورد، و روی ببخارا نهاد، چنانکه رانین^۵ و موزه تا دو فرسنگ در پی امیر بردند به برونه^(۶)، و آنجا در پای کرد، و عنان تا بخارا هیچ باز نگرفت^۷، و رودکی آن پنج هزار دینار مضاعف از لشکر بستد. و شنیدم بسمرقند بسنه^۸ اربع و خمسمائه از دهقان ابو رجا احمد بن عبدالصمد العابدی که ۱۰ گفت: «جد^۹ من^(۷) ابو رجا حکایت کرد که چون درین نوبت رودکی بسمرقند

(۱) ب، ط: درشتیهای او.

(۲) ق: زعفران، نیز در اصل: زعفران، ولی بعد آنرا «پرنیان» تصحیح کرده‌اند.

(۳) ب: شاد زی. (۴) ق: پشت.

(۵) ا: رعنین؛ ب. نعنین؛ ط: -.

(۶) چن: به برونه، ا: به برونه؛ ط: با برونه؛ ب: - . مرحوم قزوینی در حاشیه^{۱۰} چقدر «برونه» نوشته‌اند و ظاهراً این صورت را صحیح دانسته‌اند.

(۷) ب، ط: - دهقان ابو رجا... جد من.

۱- ریگستان، ربگزار، رمل. ۲- بکسر اول، اسب سپید. ۳- اسب جنیبت و اسب کوتل (برهان قاطع)، اسبی که زین کرده آماده سواری داشتند. ۴- در برهان قاطع آمده: بانون بنحسانی رسیده و بانون دیگر زده، بمعنی شلوار باشد و بعریب رانان گویند، و زرهی را نیز گفته‌اند که در روز جنگ رانها را بپوشاند. برخی این کلمه را بکسر نون خوانند مرکب از: ران + ین (نسبت)، ولی چون در تازی «رانان» و «رانین» بصیغه^{۱۱} تشبیه آمده اصح آنست که بفتح نون خوانده شود، و قول انوری ابیوردی نیز مزید این تلفظ است:

حسام دولت و دین، ای خدای داده تُرا

اگر جو ببط و همایم کند کرامت تو

(دیوان انوری جاب تبریز ص ۲۵۵ با مقابله با نسخه خطی متعلق بکتابخانه علامه دهخدا) «ران» معرب

است بمعنی پاهوشی از پارچه که اندرون آنرا از پنبه بیاکنند و برای حفظ پا از سرما، آنرا در کف کفش نهند.

رک: تاج العروس، و ظاهراً در اینجا مراد شلوازی (یا دو قطعه) چرمین (یا پارچه آکنده به پنبه) است که بهنگام

سواری می‌پوشیده‌اند تا رانها از تماس بزین اسب آسیب نیبند، و امروزه نیز در نظام، سواران بهمین منظور

شلوار سواری خود، دو قطعه چرمین وصل کنند. ۵- وقوع این داستان در هرات مورد تردید است.

رک: تملیقات

رسید، چهار صد شتر زیر بنه او بود. و الحق آن بزرگ بدین تجمل ارزانی بود، که هنوز این قصیده را کسی جواب نگفته است، که مجال آن ندیده‌اند که ازین مضایق آزاد توانند بیرون آمد، و از عذب گویان و لطیف طبعان عجم یکی امیرالشعراء معزی بود که شعر او در طلاوت^۱ و طراوت بغایت است و در روانی و عذوبت^۲ بنهایت^۳،

۵ زین‌الملک ابوسعید^(۱) هندو بن محمد بن هندو الاصفهانی از وی درخواست کرد که «آن قصیده را جواب گوی!» گفت: «توانم.» الحاح کرد. چند بیت بگفت که یک بیت از آن بیتها این است^(۲):

رستم از مازندران آید همی زین ملک از اصفهان آید همی.

همه خردمندان دانند که میان این سخن و آن سخن چه تفاوت است!؟ و که تواند گفتن بدین عذبی که او در مدح همی گوید درین قصیده:

۱۰ آفرین و مدح سود آید همی^(۱) گر بگنج اندر زبان آید همی.

و اندرین بیت از محاسن^۲ هفت صنعت است: اول مطابق^۳، دوم متضاد^۴، سوم مُردّف^۵، چهارم بیان مساوات^۶، پنجم عذوبت، ششم فصاحت^۷، هفتم جزالت^۸، و هر استادی که او را در علم شعر تبخّری است چون اندکی تفکّر کند، داند که من درین

۱۵ مُصمیم^۹، والسّلام.

(۱) ف: ابوسعید. (۲) بعد از «جواب گوی»: نتوانست گفت که نتوانم گفت، معزی گوید؛ ب: نتوان گفت که نتوانم گفت، معزی گوید؛ ط: نتوانست گفت، معزی گوید.
(۳) چنین است در نسخ، و ط: ز آفرین... یا: آفرین... سود آرد همی ولی از ذکر «مردف» در متن پیداست که مؤلف «آید همی» خوانده بوده است. (م.م.)

- ۱ - طلاوت منته، خوبی، شادمانی، پذیرایی دل (منتهی الارب). حسن، بهجت.
- ۲ - بضم اول و دوم (مص)، پاکیزه گردیدن (منتهی الارب)، خوشمزگی (غیاث).
- ۳ - سجع.
- ۴ - ج حسن. (برخلاف بیاس)، نیکویی، جمال (اقرب الموارد)، و مراد صنایع بدیعی است.
- ۵ - (امف) از تردیف، دارای ردیف، بمناسبت ذکر «آید همی» در هر دو مصراع.
- ۶ - مساوات آن بود که لفظ و معنی برابر باشد «المعجم شمس قیس. مصحح قزوینی و مدرس. تهران ۱۳۱۴ص ۲۷۹).
- ۷ - بفتح اول و دوم و چهارم، خالی بودن کلام از الفاظ مبتذل و ثقیل و مهجور و استعمال ترکیبهای نامأنوس و مخالف دستور زبان و معانی پیچیده و مکلف. (ارجع بهنجار گفتار ص ۴ بیعد و دیگر کتب مربوط بعلم معانی شود).
- ۸ - بفتح اول و دوم و چهارم، استواری کار (منتهی الارب) حویلی، بزرگی، تمام شدن (غیاث).
- ۹ - مصبب (افا) از اصابت، نیک رسنده بحقیقت امری، صواب یابنده.

بوی جوی مولیان

- ۱۳ باد جویِ مولیان آید همی
 بوی یارِ مهربان آید همی
 ۱۴ ریگی آموی و درشتی راهِ او
 زیرِ پایم برنیاں آید همی
 ۱۵ آبِ جیحون از نشاطِ رویِ دوست
 خنگی ما را تا میان آید همی
 ۱۶ ای بخارا، شاد باش و دیرزی
 میرزی تو شادمان آید همی
 ۱۷ میر ماه است و، بخارا آسمان
 ماه سویی آسمان آید همی
 ۱۸ میر سرو است و، بخارا بوستان
 سرو سویی بوستان آید همی
 ۱۹ آفرین و مدح سود آید همی
 گر به گنج اندر زیان آید همی

شکایت از پیری

- ۶۷ مرا بسود و فرو ریخت هر چه دندان بود
 نبود دندان، لابل چراغِ تابان بود
 ۶۸ سپید سیم زده بود و، درّ و مرجان بود
 ستارهٔ سحری بود و، قطره باران بود
 ۶۹ یکی نماند کنون زان همه، بسود و بریخت
 چه نحس بود! همانا که نحس کیوان بود
 ۷۰ نه نحس کیوان بود و، نه روزگارِ دراز
 چه بود؟ مُنت بگویم: قضایِ یزدان بود
 ۷۱ جهان همیشه چنین است، گیرد گردان است

- همیشه تا بود آیین، گردگردان بود
- ۷۲ همان که درمان باشد به جای درد شود
و باز درد همان کز نخست درمان بود
- ۷۳ کهن کند به زمانی همان کجا نو بود
و نو کند به زمانی همان که خُلقان بود
- ۷۴ بسا شکسته بیابان که باغ خرّم بود
و باغ خرّم گشت آن کجا بیابان بود
- ۷۵ همی چه دانی - ای ماهرویِ مشکین موی -
که حالِ بنده ازین پیش بر چه سامان بود؟!
- ۷۶ به زلفِ چوگان، نازش همی کنی تو بدو
ندیدی آنگه او را که زلفِ چوگان بود
- ۷۷ شد آن زمانه که رویش به سانِ دیبا بود
شد آن زمانه که مویش به سانِ قطران بود
- ۷۸ چنان که، خوبی، مهمان و دوست بود عزیز
بشد که باز نیامد عزیزِ مهمان بود
- ۷۹ بسا نگار که حیران بُدی بدو در چشم
به روی او در، چشمم همیشه حیران بود
- ۸۰ شد آن زمانه که او شاد بود و خرّم بود
نشاط او بفزون بود و غم بنقصان بود
- ۸۱ همی خرید و همی سخت بی شمار درم
به شهر هر چه یکی ترکِ نار پستان بود
- ۸۲ بسا کنیزکِ نیکو که میل داشت بدو
به شب زیارتِ او پیش او به پنهان بود
- ۸۳ به روز چون که نیارست شد به دیدنِ او
نهیبِ خواجه او بود و، بیم زندان بود

- ۸۴ نیبِ روشن و دیدارِ خوب و رویِ لطیف
اگر گران بُد، زی من همیشه ارزان بود
- ۸۵ دلم خزانهُ پرگنج بود و گنجِ سخن
نشانِ نامهُ ما مِهر و، شعرِ عنوان بود
- ۸۶ همیشه شاد و، ندانستمی که غم چه بود!
دلم نشاط و طرب را فراخ میدان بود
- ۸۷ بسا دلا که به ساینِ حریر کرده به شعر
از آن سپس که به کردارِ سنگ و سندان بود
- ۸۸ همیشه چشمم زی زلفکانِ چابک بود
همیشه گوشم زی مردمِ سخندان بود
- ۸۹ عیال نه، زن و فرزند نه، مؤونت نه
ازین همه تنم آسوده بود و آسان بود
- ۹۰ تو رودکی را، ای ماهر و، کنون بینی
بدان زمانه ندیدی که این چنینان بود
- ۹۱ بدان زمانه ندیدی که در جهان رفتی
سرود گویان، گویی هزارستان بود
- ۹۲ شد آن زمانه که او انیس رادمردان بود
شد آن زمانه که او پیشکارِ میران بود
- ۹۳ همیشه شعرِ ورا زی ملوک دیوان است
همیشه شعرِ ورا زی ملوک دیوان بود
- ۹۴ شد آن زمانه که شعرش همه جهان بتوشت
شد آن زمانه که او شاعرِ خراسان بود
- ۹۵ کجا به گیتی بوده ست نامورُ دهقان،
مرا به خانهُ او سیم بود و، حُملان بود
- ۹۶ که را بزرگی و نعمت ز این و آن بودی
مرا بزرگی و نعمت ز آلِ سامان بود

- ۹۷ بداد میرِ خراسانش چل هزار درم
وزو فزونی یک پنج میرِ ماکان بود
- ۹۸ ز اولیاش پراکنده نیز هشت هزار
به من رسید، بدان وقت حالِ خوب آن بود
- ۹۹ چو میر دید سخن، داد دادِ مردی خویش
ز اولیاش چنان کز امیر فرمان بود
- ۱۰۰ کنون زمانه دگر گشت و، من دگر گشتم
عصا بیار، که وقتِ عصا و انبان بود

مادر می

- ۱ مادر می را بکرد باید قربان
بچه او را گرفت و کرد به زندان
- ۲ بچه او را ازو گرفت ندانی
تاش نکویی نخست و، زو نکشی جان
- ۳ جز که نباشد حلال دور بکردن
بچه کوچک ز شیرِ مادر و پستان
- ۴ تا نخورد شیر هفت مه به تمامی
از سرِ اردبیهشت تا بنِ آبان
- ۵ آنگه شاید ز رویِ دین و ره داد
بچه به زندانِ تنگ و مادرِ قربان
- ۶ چون بسپاری به حبس بچه او را
هفت شباروز خیره مانند و حیران
- ۷ باز چو آید به هوش و حال ببیند
جوش برآرد، بنالد از دلِ سوزان
- ۸ گاه زیر زیر گردد از غم و، گه باز
زیر زیر، همچنان زانده جوشان
- ۹ زر بر آتش کجا بخواهی پالود

- جوشد، لیکن ز غم نجوشد چندان
 ۱۰ باز به کردارِ اُشتری که بُود مست
 کُفک برآرد ز خشم و، راند سلطان
 ۱۱ مردِ حَرَس کُفک هاش پاک بگیرد
 تا بشود تیرگیش و، گردد رخشان
 ۱۲ آخر کارام گیرد و، نچَخذ تیز
 دَرَش کند استوار مردِ نگهبان
 ۱۳ چون بنشیند تمام و، صافی گردد
 گونه یاقوتِ سرخ گیرد و مرجان
 ۱۴ چند ازو سرخ چون عقیقِ یمانی
 چند ازو لعل چون نگینِ بدخشان
 ۱۵ وَرَش بیوی، گمان بری که گلِ سرخ
 بوی بدو داد و، مشک و عنبر با بان
 ۱۶ هم به حُم اندر همی گدازد چونین
 تا به گِه نوبهار و نیمه نیشان
 ۱۷ آنکه اگر نیم شب درش بگشایی
 چشمه خورشید را بینی تابان
 ۱۸ ور به بلور اندرون بینی، گویی:
 گوهرِ سرخ است به کَفِ موسیِ عمران!
 ۱۹ زُفت شود رادمرد و، سست دلاور
 گر بچشد زوی و، روی زرد گلستان
 ۲۰ وانگُ به شادی یکی قدح بخورد زوی
 رنج نبیند از آن فراز و نه آحزان
- در ذکر وفات امیر اسمعیل**
- ۱ ای آن که غمگنی و سزاواری
 و ندرِ نمان سرشک همی باری

- ۲ از بهر آن کجا بیرم نامش،
ترسم ز بخت آنده و دشواری
- ۳ رفت آن که رفت و، آمد آنک آمد
بود آنچه بود، خیره چه غم داری؟!
- ۴ هموار کرد خواهی گیتی را؟
گیتی است، کی پذیرد همواری؟
- ۵ مُستی مکن که نشنود او مُستی
زاری مکن که نشنود او زاری
- ۶ شو تا قیامت آید زاری کن
کی رفته را به زاری باز آری؟
- ۷ آزار بیش بینی زین گردون
گر تو به هر بهانه بیازاری
- ۸ گویی گماشته ست بلایی او
بر هر که تو دل بر او بگماری
- ۹ ابری پدید نی و، کسوفی نی
بگرفت ماه و، گشت جهان تاری
- ۱۰ فرمان کنی و یا نکنی، ترسم
آن به که می بیاری و بگساری
- ۱۱ تا بشکنی سپاهِ عثمان بر دل
برخویشتن ظفر ندهی باری!
- ۱۲ اندر بلایِ سخت پدید آید
فضل و بزرگ مردی و سالاری

بهار

- ۱ آمد بهارِ خرم با رنگ و بوی طیب
با صد هزار نزهت و آرایش عجیب
- ۲ شاید که مردِ پیر بدین گه شود جوان

- گیتی بدیل یافت شباب از پیِ مَشیب
 ۳ چرخ بزرگوار یکی لشکری بکرد
 لشکرش ابرِ تیره و، بادِ صبا نقیب
 ۴ نَفَاطُ بَرَقِ روشن و، تُنَدَرَش طبل زن
 دیدم هزار خیل و، ندیدم چنین مَهیب
 ۵ آن ابر بین که گرید چون مردِ سوکوار
 وان رعد بین که نالد چون عاشقِ کثیب
 ۶ خورشید را ز ابر دمد رویِ گاه گاه
 چونان حصاری که گذر دارد از رقیب
 ۷ یک چند روزگار جهان دردمند بود
 به شد که یافت بویِ سمن را، دوا طیب
 ۸ بارانِ مشکبوی بیارید نوبه نو
 در بَرَش برکشید یکی حَلَّةَ قَشیب
 ۹ کنجی که برف پیش همی داشت گُل گرفت
 هر جوئیکی که خشک همی بود شد رَطیب
 ۱۰ تندر میانِ دشت همی باد بردمد
 برق از میانِ ابر همی برکشد قضیب
 ۱۱ لاله میانِ کشت بخندد همی ز دور
 چون پنجه عروس به حنّا شده خضیب
 ۱۲ بلبل همی بخواند در شاخسارِ بید
 سار از درختِ سرو مرو را شده مُجیب
 ۱۳ مُصَلِّصُ به سروئین بر، با نغمه کهن
 بلبل به شاخ گل بر، با لَحَنَکِ غریب
 ۱۴ اکنون خورید باده و، اکنون زید شاد
 کاکنون برد نصیب حیب از بر حیب
 ۱۵ ساقی گزین و باده و می خور به بانگِ زیر

- ۱۵ ساقی گزین و باده و می خور به بانگی زیر
کز کشت سار نالد و، از باغ عندلیب
- ۱۶ هر چند نوبهار جهان است به چشم خوب
دیدارِ خواجه خوب تر، آن مهترِ حسیب
- ۱۷ شیبِ تو با فراز و، فرازِ تو با نشیب
فرزندِ آدمی به تو اندر به شیب و تیب
- ۱۸ دیدی تو ریژ و کام بدو اندرون بسی
با ریدکان مطرب بودی به فرّ و زیب

پیراهنهای یوسف

- ۹۲ نگارینا، شنیدستم که گاهِ محنت و راحت
سه پیراهن سَلَب بوده ست یوسف را به عمر اندر
- ۹۳ یکی از کید شد پُر خون، دوم شد پاک از تهمت
سوم یعقوب را از بوش روشن گشت چشم تر
- ۹۴ رُخَم مانند بدان اوّل، دلم مانند بدان ثانی
نصیبِ من شود در وصلِ آن پیراهنِ دیگر

تو

- ۱۹ گلِ صد برگ و مشک و عنبر و سیب
یا سَمینِ سپید و موزِدِ بزب
- ۲۰ این همه یکسره تمام شده ست
زِدِ تو ای بَتِ ملوکِ فریب
- ۲۱ شبِ عاشقَت لیلَةُ القَدَر است
چون تو بیرون کنی رخ از چلیب
- ۲۲ به حجاب اندرون شود خورشید
گر تو برداری از دو لاله جیب
- ۲۳ وان زَنخدان به سیب مانند راست
اگر از مشکِ خال دارد سیب.

سوگوارى

من مویِ خویش را نه از آن می‌کنم سیاه
تا باز نوجوان شوم و نوکنم گناه
چون جامه‌ها به وقتِ مصیبت سیه کنند
من موی از مصیبتِ پیری کنم سیاه

پیری

سپید برف برآمد به کوهسار سیاه
و چون درون شد آن سرو بوستان آرای
و آن کجا بگوارید ناگوار شد دست
و آن کجا نگزایست گشت زود گزای

چون کشته بینی ام

چون کشته بینی ام دو لب گشته فراز
از جان تهی این قالب فرسوده به آز
بر بالینم نشین و می گوی به ناز
کای من تو بکشته و پشیمان شده باز

شهید بلخی

عالم

اگر غم را چو آتش درد بودی
جهان ناریک بودی جاودانه
درین گیتی سراسر کربگردی
خردهندی نیایی شادمانه

دانش و خواسته است ترکس و کل
هر کرا دانش است خواسته نیست
که بیکجای نشکفند بهم
و آنکه را خواسته است دانش کم

کسائی

عمر رفت

بسیصد و چهل و یک رسید او بت سال
بیامدم بجهان تا چه گویم و چه کنم
ستور وار بدین سان گذاشتم همه عمر
که برده گشته فرزندم و اسیر عیال
بکف چه دارم ازین پنجه شمرده تمام
من این شمار با آخر چکونه فصل کنم
درم خریدۀ آرم ستم رسیده حرم
دریغ فر جوانی دریغ عمر لطیف
که جاشد آن همه خوبی که جاشد آن همه عنق
سرم بگونه شیرست و دل بگونه قیر
که جاشد آن همه خوب که جاشد آن همه عین
هیب مرگ بلرز اندم همی شب و روز
سرم بگونه شیرست و دل بگونه قیر
گذاشتیم و گذشتیم و بودی همه بود
ایا کسائی پنجاه بر تو پنجه گذارد
تو کربمال وامل بیش ازین نداری میل

چهار شنبه و سه روز باقی از سؤال
سرود گویم و شادی کنم بنعمت و مال
که برده گشته فرزندم و اسیر عیال
شمارنامه با صد هزار کوبه و بال
که ابتداش دروغست و انتهای خجال
نشانه حدتاتم شکل ذل سؤال
دریغ صورت بیکو دریغ حسن و جمال
که جاشد آن همه نیر که جاشد آن همه حال
رخم بگونه نیلست و تن بگونه نال
چو کودکان بدآموز را هیب دوال
شدیم و شد سخن ما فسانه اطفال
بکنند بال ترا زخم پنجه و چنگال
جداشو ازامل و گوش وقت خویش بمال

گلها

کدام کریم تر شود اندر نعیم گل
کدام نعمتیبست هدیه فرستاده از بهشت
وز گل عزیزتر چه سئانی بسیم گل؟
ای گل فروش! گل چه فروشی بجای سیم

عنصری

در مدح امیر نصر بن ناصر الدین سبکتگین

هر سؤالی کز آن لب سیراب
 گفته‌ش جز شبت نشاید دید
 گفتم از تو که برده دارد مهر
 گفتم از شب خضاب روز مکن
 گفتم از تاب زلف تو تا بم
 گفتم آن لاله در خضاب شب است
 گفتم آن زلف سخت خوشبویست
 گفتم آتش بر آن رخت که فروخت
 گفتم از حاجت بتابم روی
 گفتم اندر عذاب عشق توام
 گفتم از چیست روی راحت من
 گفتم از خدمتش مرا خیرست
 گفتم آن میر نصر ناصر دین
 گفتم او را کفایت و ادبست
 گفتم او را بفضل نسبت هست
 گفتم ارزاق را کفش سبب است
 گفتم آثار او چه کرد به آز
 گفتم آگاهی از فضایل او
 گفتم از وی بحرب، کیست رسول
 گفتم او را زمانه بایسته است
 گفتم او را درست که شناسد
 گفتم اندر جهان چنو دیدی
 گفتم اندر کفش چه گوئی تو
 دوش کردم همه بداد جواب
 گفت پیدا بشب بود مهتاب
 گفت از نو که برده دارد خواب
 گفت برزرز خون مکن تو خضاب
 گفت ار او تافته شود تو متاب
 گفت در عشق او شوی تو مصاب
 گفت ز آنرو که هست عنبر ناب
 گفت آن کو دل تو کرد کباب
 گفت کس روی تابد از حجاب
 گفت عاشق بلی بود بعذاب
 گفت در خدمت امیر شتاب
 گفت ازو جز بخیر نیست متاب
 گفت آن مالک ملوک رقاب
 گفت کافی بدو شده آداب
 گفت فاضل ازو شدت انساب
 گفت واقف شدت بر اسباب
 گفت بر کند آز را انیاب
 گفت بیرون شد از حدوز حساب
 گفت نزدیک تیغ و دور نشاب
 گفت بایسته تر ز عمر شباب
 گفت شناسدش طعان و ضراب
 گفت نی هم نخوانده‌ام بکناب
 گفت دریا بجای او چو سراب

گفتم ار لفظ سائلان شود
 گفتم از خدمتش جزا چه برم
 گفتم آزاده را بنزدش چیست
 گفتم او را سحاب شاید خواند
 گفتم از تیر او چه دانی گفت
 گفتم آتش رسد به بیت او
 گفتم آنرا که بد کند چه کند
 گفتم آن تیغ چیست، دشمن چه
 گفتم از حکم او برون جایست
 گفتم اعدای او دروغ زنند
 گفتم اعجاب دین و ملک بکمی است
 گفتم از جود او عنا بر کیست
 گفتم آنچ از همه شریفترست
 گفتم از آفرینش بنویسند
 گفتم آزاده گوهری وقف است
 گفتم این اورمزد خرد دادست
 گفتم او ملک را کجا دارد
 گفتم او همچو باد میگردد
 گفتم آفاق را بدو ندمم
 گفتم از مدح او نیاسایم

گفت پاسخ دهد بزر و ثباب
 گفت ازوزر و از خدای ثواب
 گفت جاه و جلال و ایجاب
 گفت شاگرد کف اوست سحاب
 گفت همتای صاعقه است و شهاب
 گفت گنجشک چون رسد بعباب
 گفت شمشیر او بس است عذاب
 گفت آن آتش است و این سیماب
 گفت اگر هست ضایع است و خراب
 گفت همچون مسیلمه کذاب
 گفت هر دو بدو کنند اعجاب
 گفت بر جامه باف و برضاب
 گفت دادشش ایزد و وهاب
 گفت مشکین شوند خط و کتاب
 گفت آری ز نسل و از ارباب
 گفت وقت نشاط با اصحاب
 گفت زیر نگین و زیر رکاب
 گفت در مدح زودش اندد یاب
 گفت خود کس خطا دهد بصواب
 گفت چونین کنند اولو الالباب

گفتم او را چه خواهم از ایزد

گفت عمر دراز و دولت شاب

فرخی

چهارمقاله در باره فرخی

فرخی از سیستان بود پسر جولوغ^(۱)، غلام امیر خلف بانو، طبعی بغایت نیکو داشت و شعر خوش گفتی، و چنگ تر زدی، و خدمت دهقانی کردی از دهاقین سیستان، و این دهقان او را هر سال دوست کیل پنج منی غله دادی و صد درم سیم نوحی، او را تمام بودی، اما زنی خواست هم از موالی^۱ خلف، و خرجش بیشتر افتاد و دبه^۲ و زنبیل در افزود. فرخی بی برگ ماند، و در سیستان کسی دیگر نبود مگر امراء ایشان. فرخی قصه دهقان برداشت^۳ که «مرا خرج بیشتر شده است، چه شود که دهقان از آنجا که کرم اوست غله من سیصد کیل کند و سیم صد و پنجاه درم، تا مگر با خرج من برابر شود؟» دهقان بر پشت قصه تویع^۴ کرد که «این قدر از تو دریغ نیست و افزون ازین را روی نیست.» فرخی چون بشنید مایوس گشت، و از صادر و وارده استخبار میکرد که در اطراف و اکناف عالم نشان ممدوحی شوند تا روی بدو آرد، باشد که اصابتی^۵ یابد، تا خبر کردند او را از امیر ابوالمظفر چغانی بچغانیان، که این نوع را تربیت میکنند، و این جماعت را صله و جایزه فاخر همی دهد، و امروز از ملوک عصر و امراء وقت درین باب او را یار نیست^(۶) قصیده‌ای بگفت و عزیمت آن جانب کرد:

۱۵ با کاروان حله برقمم ز سیستان با حله تنیده ز دل، بافته ز جان...^۷

(۱) ب، ط، ق: جولوغ (با عین مهمله). (۲) ا، ب، ط: + و در این کوی اختیار.

۱- ج. مولی، باران و خداوندان (غیاث) و بندگان (از اصداد است). ۲- (عر) پنج اول و دوم متدد، ظرفی از چرم خام که اکثر در آن روغن ریزند (غیاث). ۳- رک: ص ۳۰ ح ۱. ۴- (مص) نشان کردن امیران و بزرگان نامه را، دستخط. ۵- رونده و آینده. ۶- (مص) یافتن و رسیدن چیزی را، آهنگ کردن، برآمدن، راست آوردن (منتهی الارب). ۷- برای آشکار شدن معنی حله (استعاره برای شعر) سه بیت دیگر ازین قصیده را نقل میکنم:

با حله‌ی نگارگر نفس او زیان
هر تار او برینم ترکیب او سخن
هر تار او برینم بر آورده از ضمیر
این حله نیست بافته از جنس حله‌ها
رک: دیوان فرخی چاپ عبدالرسولی (ص ۳۴۱)

الحق نیکو قصیده‌ایست و درو^۱ وصف شعر^(۱) کرده است در غایت نیکویی و مدح خود بی نظیر است^۲. پس برگی بساخت و روی بچغانیان نهاد، و چون بحضرت چغانیان رسید بهارگاه بود و امیر بداغگاه^(۱)، و شنیدم که هجده هزار مادیان زهی^(۳)، داشت، هر یکی را کزّه‌ای در دنبال، و هر سال برفتی و کزگان داغ فرمودی^(۴)، و عمید اسعد که کدخدای امیر بود بحضرت بود و تزلّی^(۵) راست میکرد تا در پی امیر برد. ۵ فرّخی بنزدیک او رفت و او را قصیده‌ای خواند، و شعر امیر برو عرضه کرد. خواجه عمید اسعد مردی فاضل بود و شاعر دوست^(۶)، شعر فرّخی را شعری دید تر و عذب، خوش و استادانه، فرّخی را سگزی^(۷) دید بی اندام^(۸)، جبه‌ای پیش و پس چاک پوشیده، دستاری بزرگ سگزی وار در سر، و پای و کفش^(۹) بس ناخوش، و شعری در آسمان هفتم^{۱۰} هیچ باور نکرد که این شعر آن سگزی را شاید بود. بر سیبیل امتحان گفت: «امیر بداغگاه است و من میروم پیش او، و ترا با خود ببرم بداغگاه^{۱۱}، که داغگاه عظیم خوش جایی است، جهانی در جهانی سبزه بینی، پر خیمه و چراغ چون ستاره^(۹)، از هر یکی آواز رود می آید، و حریفان در هم نشسته و شراب همی نوشند^(۱۰) و عشرت همی کنند^(۱۱)، و بدرگاه امیر آتشی افروخته چند^۸ کوهی،

(۱) ق: سفر. (۲) جمیع نسخ غیر از ق: - و چون بحضرت... بداغگاه.

(۳) ط: رمی. (۴) ق: - و هر سال... فرمودی؛ ط: + و در آنوقت امیر بداغگاه بود (و این تکرار

جمله^{۱۰} و چون بحضرت چغانیان رسید بهارگاه بود و امیر بداغگاه است). (چقد).

(۵) ا، ب، ط: برگی.

(۶) ا، ب، ط: دوست.

(۷) ا، ب، ط: شکلی؛ در متن طبع قزوینی: سگزی. (م.م.)

(۸) ا، ب، ط: و کفش.

(۹) ق: و شراب و سبزه.

(۱۰) ق: همی خورند.

(۱۱) ط: - و حریفان... همی کنند.

۱ - استعمال ضمیر «او» برای غیر ذی روح. رک: ص ۵۰ س ۷. ۲ - حذف فعل بقرینه سجع.

۳ - منسوب به زه (بکسر زاء) زایش، وضع حمل، نطفه، فرزند (ناظم الاطباء). ۴ - نزل، بضم اول (عر)

آنچه پیش مهمان فرود آورده نهند از طعام و جز آن، و فزونی و برکت و خوبی و پاکیزگی (منتهی الارب) و

رک: تاریخ بیهقی مصحح دکتر فیاض ص ۲۵. ۵ - ناباب، شوریده و بشویده، و این لغت در اصل بمعنی

«بیقاعد» و «نامناسب» است و «باندام» ضد آنست، و مجازاً بمعانی فوق آمده و نظامی بمعنی نخستین و

دومین آورده. (سبک شناسی، ج ۲ ص ۳۰۱). ۶ - حذف فعل بدون قرینه لفظی در مقام حال.

(سبک شناسی ابضاً). ۷ - تقدم فعل بر مفعول بواسطه. ۸ - رک: ص ۳۵ س ۱۰.

و کَرگان را داغ همی کنند، و پادشاه شراب در دست و کمند در دست دیگر شراب
میخورد و اسب می‌بخشد. قصیده‌ای گوی لایق وقت^(۱)، وصف داغگاه کن، تا ترا پیش
امیر برم. فرخی آن شب برفت و قصیده‌ای پرداخت سخت نیکو، و بامداد در پیش
خواجه عمید اسعد آورد، و آن قصیده این است^(۲):

۵ چون^(۳) پرنذ نیلگون^(۴) بر روی پوشد^(۵) مرغزار

پرنیان هفت رنگ اندر سر آرد کوهسار.

خاک را چون ناف آهو، مشک زاید بی قیاس

بید را چون پَر طوطی، برگ روید بیشمار.

دوش وقت صبحدم^(۶) بوی بهار آورد باد

۱۰ حَبْذًا^(۷) باد شمال و خرمًا بوی بهار.

باد گویی مشکِ سوده دارد اندر آستین

باغ گویی لعبتانِ جلوه^(۸) دارد بر کنار.

نسترن لؤلؤی بیضا^(۹) دارد اندر مُرسله^(۱۰)

ارغوان لعل بدخشی^(۱۱) دارد اندر گوشوار^(۱۲)

۱۵ تا برآمد^(۱۳) جامهای سرخ مُل' بر^(۱۴) شاخ گل

پنجه‌های^(۱۵) دست مردم^(۱۶) سر فرو کرده^(۱۷) از چنار

(۱) جمیع نسخ غیر از ق: - لایق وقت. (۲) ق: + فرخی سجزی گوید. (۳) - (مجموعه خطی

شامل دیوان فرخی متعلق باستان فروزانفر که ما به خ. ف. تعبیر می‌کنیم): تا (م.م.)

(۴) (دیوان فرخی مصحح عبدالرسولی که ما به د.ع. تعبیر می‌کنیم ص ۱۷۷ ح): بیدگون (م.م.)

(۵) د.ع. (ح): بدد. (م.م.) (۶) ا. ب. ط: نیم شب. (۷) د.ع: ساده؛ د.ع. (ح): تازه (م.م.)

(۸) ق: مکتون (فروینی): د.ع. (ح): لالا (م.م.) (۹) خ. ف: بدخشان (م.م.)

(۱۰) د.ع.: ارغوان لعل بدخشی دارد اندر مرسله - نسترن نولوی مکتون دارد اندر گوشوار. (م.م.)

(۱۱) د.ع.: تا ریابد (م.م.) (۱۲) د.ع.: سرخ رنگ از (م.م.) (۱۳) د.ع.: پنجه‌ها چون (م.م.)

(۱۴) د.ع. (ح): پنجه‌های سبز هر دم (م.م.): ط: پنجه‌های دست مردم، و هوالاظهر (چقدا). (۱۵) ب:

سر برآورد. (فروینی): د.ع.: سر برآورد (م.م.).

۱. کلمه مرکب از «حب» فعل و «ذاه» اسم اشاره، خوشا، نیکا، و در مورد استحسان و مدح استعمال شده است.

۲. نسرین، و آن گلی است سفید رنگ و خوشبوی (برهان - غیث)

۳. بصبغة اسم مفعول مؤنث از باب افعال بمعنی گلویند است بمعنی زیبوری که زنان از گلو آویزند (غیث اللغات) (چق).

۴. شراب انگوری (برهان)

باغ بوقلمون لباس و شاخ بوقلمون نمای
آب مروارید گون و ابر مروارید بار.

راست پنداری که خلعتهای رنگین یافتند
باغهای پر نگار از داغگاه شهریار.

- ۵ داغگاه شهریار اکنون چنان خرم بود^(۱)
کاندرو از خرمی خیره^(۲) بماند روزگار.

سبزه اندر سبزه بینی چون سپهر اندر سپهر
خیمه اندر خیمه چون سیمین حصار اندر حصار^(۳).

- ۱۰ هر کجا خیمه است خفته عاشقی بادوست^(۴) است
هر کجا سبزه است شادان یاری از دیدار یار.
سبزه‌ها با بانگ جنگ^(۵) مطربان چرب دست
خیمه‌ها با بانگ نوش ساقیان می گسار^(۶).

عاشقان بوس و کنار و نیکوان ناز و عتاب
مطربان رود و سرود و خفتگان^(۷) خواب و خماری.

- ۱۵ بر در پرده سرای خسرو^(۸) پیروز بخت
از پی داغ آتشی افروخته خورشیدوار.
برکشیده آتشی چون مطرد^(۹) دیبای زرد
گرم چون طبع جوان و زرد چون زر عیار^(۱۰)

(۱) در جمیع نسخ «شوده» بجای «بوده» و صواب این اخیر است مطابقاً لدیوان الفرخی. (چقن).
(۲) د.ع.: حیران (م.م.) (۳) کذا فی ق؛ ط: خیمه اندر خیمه بینی چون حصار اندر حصار (چقدا) و چنین است (د.ع.) (م.م.) (۴) در (د.ع.): این بیت پس از بیت بعد آمده. (م.م.)
(۵) خ.ف.: بار. (م.م.) (۶) د.ع.: رود (م.م.) (۷) د.ع.: (ح): نوش خوار (م.م.)
(۸) د.ع.: می‌کشان؛ د.ع.: (ح): خواجگان (م.م.) (۹) - در جمیع نسخ دیوان فرخی و تذکره
تقی‌الدین کاشانی همه همین قسم است. مجمع‌الفصحی عمداً کلمه خسرو را بدل به «طاهره» کرده و
قصیده را در مدح ابوالمظفر طاهرین الفضل چغانی (عدد ۶ از آل محتاج) [در تعلیقات کتاب حاضر ص
۱۸۶ شماره ۹] دانسته و آن سهر است. (۱۰) خ.ف.: + از (م.م.)

۱. مطرد بر وزن منبر، بمعنی علم و رایب و درفش (ذیل فوامیس عرب از دزی) (چقن).
۲. عیار بکسر عین، جانشنی زر و سیم (غیاب)، زر عیار، زرخاص، زر ده دمی.

داغها چون شاخهای بُسَد^۱ یا قوت رنگ
 هر یکی چون نار دانه گشته اندر زیر نار.
 ریدگان^{۱۱} خواب نادیده مصاف اندر مصاف
 مرکبان داغ ناکرده قطار اندر قطار.
 خسرو فرخ سیر^۲ بر بازه دریا گذر^{۱۱}
 با کمند اندر میان دشت^{۱۲} چون اسفندیار
 همچو زلف نیکوان مورد گیسو^{۱۳} تاب خورد
 همچو عهدِ دوستانِ سال خورده استوار.
 میر عادل^{۱۴} بوالمظفر شاه با پیوستگان
 شادمان و شاد خوار و کامران و کامکار^{۱۵}؟

(۱) ا، ب: کرگان؛ ط: دبدگان؛ ترجمه انگلیسی: بردگان (م.م.)

(۲) ب: گردون سیر. (۳) د.ع. (ح): با کمند شصت خم در دشت (م.م.)

(۴) چن: مرو گیسو، نسخ در اینجا مضطرب است. ا: دهر گیسو؛ ب: شهر گیسو؛ ف: مور و گیسو؛ دیوان خطی فرخی نسخه لندن: مرو گیسو (که متن از روی آن تصحیح شد)، تذکره تقی الدین کاشانی نسخه لندن (Or. 3506): موی گیسو؛ ط: بکلی تغییر داده و «خورد ساله» نوشته، و مرو گیاهی است خوشبوی و محتمل است که موی را بدان تشبیه کرده‌اند چون بنفشه و سنبل (تزوینی)؛ د.ع.: نیکوان خردساله (که با «سالخورده» مصراع بعد تضاد دارد)؛ ترجمه انگلیسی: دلبران خردساله؛ خ. ف.: نیکوان موی گیسو. در ترجمان البلاغه رادویانی (ص ۲۵۳ ب عکس = ص ۴۸ چاپ سری) آمده: هم‌چو زلف نیکوان مورد گیسو... و بعضی معاصران نیز «مورد گیسو» یا «مخفف آن» «مرد گیسو» خوانده‌اند بنا بر تشبیه موی به مورد:

چون مورد سبز بود کهن موی من همه دردا که بر نشست بر آن موی سبز، بشم (فرالاری).

(۵) دیوان فرخی (لندن): فخر دولت (چقدا) و نیز در (د.ع.) فخر دولت (م.م.) (۶) متن مطابق فی و نسخ دیوان فرخی است. ا، ب، ط: بجای این مصراع دارد: شهریار شهرگیر و پادشاه شهردار (چن)؛ ح. ف.: شهریار شهرگیر و پادشاه شهریار؛ ترجمه انگلیسی: شهریار شیرگیر و پادشاه شهردار (م.م.) (۷) در هامش متن مطبوع طهران افزوده:

ازدها کردای پیمان سرفک رادش کمند چون عصای موسوی در دست موسی گشته مار (چقدا)؛ در ترجمه انگلیسی نیز این بیت افزوده شده (م.م.)

۱- بسذ (معرّب)، مرجان.

۲- ج. ریدک، بهنری etak غلامان جوان. نجیب‌زادگان جوان که خدمت شاهان میکردند. رک: برهان فاطم مصحح نگارنده. ریدک.

۳- ج. سیرت، روش و سنت، طریقه و مذهب. (منتهی الارب) (اقرب الموارد)

«هر کرا اندر کمند شست»^(۱) بازی^(۲) در فکند^(۳)
گشت نامش^(۴) بر سرین و شانه و رویش نگار.

هر چه زین سوداغ کرد از سوی^(۵) دیگر هدیه داد^(۶)
شاعران را با لگام و زائران را با فسار.

- چون خواجه عمید اسعد این قصیده بشنید حیران فرو ماند، که هرگز مثل آن بگوش او فرو نشده بود، جمله کارها فرو گذاشت و فرّخی را بر نشاندا^(۷)، و روی بامیر نهاد، و آفتاب زرد^(۸) پیش امیر آمد و گفت: «ای خداوندا! ترا شاعری آورده‌ام که تا دیقی روی در نقاب خاک کشیده است^(۹)، کس مثل او ندیده است.» و حکایت کرد آنچه رفته بود. پس امیر فرّخی را بار داد. چون درآمد خدمت کرد^(۱۰)، امیر دست داد^(۱۱) و جای نیکو نامزد کرد، و بپرسید^(۱۲) و بناوختش، و بماطفت خویش امیدوارش گردانید، و چون شراب^(۱۳) دوری^(۱۴) چند در گذشت، فرّخی برخاست و با آواز حزین و خوش این قصیده بخواند که:

با کاروان حله برفتم ز سیستان...

- چون تمام برخواند، امیر شعر شناس بود و نیز شعر گفتی^(۱۵)، ازین قصیده بسیار شگفتیها نمود. عمید اسعد گفت: «ای خداوندا! باش تا بهتر^(۱۶) بینی.» پس فرّخی^(۱۷)

(۱) این بیت و بیت بعد، در (د.ع.) پس از بیت قبل آمده (م.م.) (۲) د.ع.: شست. (م.م.)

(۳) ط... بازی، و باز بمعنی وجب است که بعربی شیر گویند و شست املائی قدیم «شست» است یعنی عدد ستین (فرویش)، خ. ف.: تازی (م.م.) و هم مرحوم فرویزی در (چقم) «بازی؟» نوشته‌اند. براون نیز در ترجمه انگلیسی: شست بازی؛ د.ع. (ح): اندر کمند تا بخورده (م.م.) (۴) ا: هر کره کاندر کمند شست بازو در فکند؛ ب همینطور است بدون واو بعد از «شست». (۵) د.ع.: داغش.

(م.م.) (۶) خ. ف.: دست. (م.م.) (۷) ا، ب، ط: میدهد. (۸) ق: آفتاب زردی

(۹) ا، ب، ط: شراب. (۱۰) در متن چفدا: در وی؛ و در حق تصحیح کرده‌اند: دوری.

(۱۱) ا، ب، ط: برخواند امیر شاعر بود. (۱۲) ا، ب، ط: بهتر.

۱ - «باز، گشادگی میان هر دو دست را گویند چون آن را بکشایند و آنرا نیز بتزکی فلاح خوانند و بعربی ماع گویند و باین معنی با زای فارسی هم آمده است. و شیر و وجب را نیز گفته‌اند، و آن مفداوری باشد از دست مابین سرانگشت کوچک و انگشت شست و دوش و بازو - و یک بند انگشت را نیز گویند.» (برهان قاطع).
رک: نعلیفات. ۲ - برنشانند متعدی برنشن، سوار کردن. ۳ - غروب آفتاب (هنوز در خراسان بهمین معنی مستعمل است). ۴ - گنایه از مردن. دیقی نیز مداح خاندان جمعیان بوده.
۵ - رک: ص ۵۵ پ ۱۲ وح ۶ ۶ - دست دادن، دست کشیدن، با دست اشاره کردن (از افادات علامه دهخدا): فدا لامیر بده (ترجمه عربی چهار مقاله). ۷ - پرسیدن، حال، احوال بررسی کردن.

او^(۱) بیدار شود مرا بیدار کنید. مثال^(۲) پادشاه را امتثال کردند. دیگر روز بطلوع^(۳) آفتاب فرّخی برخاست، و امیر خود برخاسته بود و نماز کرده، بار داد، و فرّخی را بناخت و آن کُزگان را بکسان او سپردند، و^(۴) فرّخی را اسب با ساخت^(۵) خاصّه فرمود و دو^(۶) خیمه و سه استر^(۷) و پنج سر برده^(۸) و جامه پوشیدنی و گستردنی و کار فرّخی در خدمت او عالی شد، و تجملی تمام ساخت. پس بخدمت سلطان یمین الدوله محمود زفت، و چون سلطان محمود او را متجمل دید بهمان چشم در او نگریست، و کارش بدانجا رسید که^(۹) تا بیست^(۱۰) غلام سیمین کمر از پس او برنشستندی، والسلام.

ایر

برآمد پیلگون ابری زروی نیلگون دریا	چورای عاشقان گردان، چوطبع پیدلان شیدا
چو گردان گشته سیلابی میان آب آسوده	چو گردان گردها و تند گردی تیره اندر او
بیاریدوزهم بگست و گردان گشت برگردون	چو پیلان سراکنده میان آبگون صحرا
تو گفتی گرد زنگار است بر آینه چینی	تو گفتی موی سنجاب است بر پیروزه گون دیا
بسان سرغزار سبزرنگ اندر شده گردش	به یک ساعت ملون کرده روی گنبد خضرا
تو گفتی آسمان دریاست از سبزی و بر رویش	به پرواز اندر آورده است ناگه بجگان غنقا
همی رفت از برگردون، گهی تاری، گهی روشن	وزاگره آسمان پیدا و گه خورشید ناپیدا
بسان چندان سوهان زده بر لوح پیروزه	به کردهار عبیر بیخته بر صفحه مینا

(۱) ق: ملک الشعراء. (۲) ق: + بندگی حضرت. (۳) ا، ب، ط: طلوع. (۴) ق: + آن روز
 (۵) ا، ب، ط: دو. (۶) ا، ب، ط: اشتر. (۷) ب: پنج سرا برده. (۸) ا، ب، ط: و کسار او
 برسد آنجا که برسد. (۹) ق: دو بیست.
 هرات.

منوچهری

لغز

ای نهاده بر میان فرق جان خویشتن
 جسم مازنده به جان و جان توزنده به تن
 هر زمان روح تو لختی از بدن کمتر کند
 گویی اندر روح تو مضمهر همیگردد بدن
 گرنیی کوکب، چرا پیدا نگردی جز به شب
 ورنیی عاشق، چرا گری همی بر خویشتن
 کوکی آری ولیکن آسمان تست موم
 عاشفی آری، ولیکن هست معشوق لگن
 پبرهن در زیر نسن پوشی و پوشد هرکی
 پبرهن برتن، تو نسن پوشی همی بر پبرهن
 چون بمیری آتش اندر تو رسد زنده شوی
 چون شوی بیمار، بهتر گردی از گردن زدن
 نا همی خندی، همی گریی و این بس نادر است
 هم تو معشوقی و عاشق، هم بتی و هم شمن
 بشکفی بی نوبهار و پژمری بی مهرگان
 بگریی بی دیدگان و باز خندی بی دهن
 تو مرامانی و منم مرتزمانم همی
 دشمن خویشم هر دو، دوستدارانجم
 خویشتن سوزیم هر دو، بر مراد دوستان
 دوستان در راحتند از ما و ما اندر حزن
 هر دو گریانیم و هر دو زرد و هر دو در گداز
 هر دو سوزانیم و هر دو فرد و هر دو ممتحن
 آنچه من در دل نهادم، بر سرت بینم همی
 و آنچه تو بر سر نهادی در دم دارد وطن
 اشک تو چون درکه بگدازی و بر ریزی به زر
 اشک من چون ریخته بر زخمی برگ سمن
 رازدار من تویی، همواره یار من تویی
 غمگار من تویی، من زان تو، توزان من

روی تو چون شنبلیله نوشکفته بامداد
 وان من چون شنبلیله پژمریده در چمن
 رسم ناخفتن به روزست و من از بهر ترا
 بی وسن باشم همه شب، روز باشم با وسن
 از فراق روی تو گشتم، عدوی آفتاب
 رز وصال بر شب تازی شد سنم مفتتن
 من دگر باران خود را آزمودم خاص و عام
 نی یکیشان رازدار و نی وفا اندر دو تن
 استادان و استادان زمانه عنصری
 عنصرش بی عیب و دل و بیغش و دینش بی فتن
 شعر او چون طبع او: هم بی تکلف هم بدیع
 طبع او چون شعرا: هم با ملاحظت هم حسن
 نعمت فردوس یک لفظ متینش را نمر
 گنج باد آورد ، یک بیت مدیحش را نمن
 تا همی خوانی تو اشعارش، همی خایى شکر
 نا همی گویی تو ابیاتش، همی بسوی سمن
 حلم او چون کوه و اندر کوه او کوه امان
 طبع او چون بحر و اندر بحر او در فطن
 کوجریب و کوفرزذق، کوزمیر و کولبید
 رؤیة عجاج و دیک الجن و سبف دویزن
 کو حطیبه، کوامیبه، کو نصیب و کو کمیت
 اخطل و یثار برد، آن شاعر اهل یمن
 در خراسان: بوشعیب و بوذر آن ترک کشی
 وان صبور پارسى، وان رودگى چنگزن
 گوفر از آبنده، و شعر او ستادم بشنوند
 تا غریزی روضه ببندد و طبیعی نسترن
 تا بر آن آثار شعر خویشتن گیرند باز
 نی بر آثار و دیار و رسم و اطلال و دمن
 شعر او فردوس را ماند، که اندر شعر اوست
 هر چه در فردوس ما را وعده داده ذوالمنن

قصیده عربی

الا یا خیمگی ، خیمه فرو مل
 که پیشاهنگ بیرون شد زمنزول
 تسیره زن بزد طبل نخستین
 شریکانان همی بندند محمل
 نماز شام نزدیکت وامشب
 مه و خورشید را بینم مقابل
 ولیکن ماه دارد قصد بالا
 فرو شد آفتاب از کوه بابل
 چنان دو کفنه سیمین نرازو
 که این کفه شود زان کفه مایل
 ندانستم من ای سبمین صنوبر
 که گردد روز چونین زود زابل
 من و تو غافلیم و ماه و خورشید
 بر این گردون گردان نسبت غافل
 نگارین منا برگرد و مگری
 که کار عاشقان را نیست حاصل
 زمانه حامل هجرست و لایب
 نهد بکروز بار خویش حامل
 نگار من، چو حال من چنین دید
 بیارید از مژه بازاران و ابل
 تو گویی پلبل سوده به کف داشت
 پراکند از کف اندر دیده پلبل
 بیامد اوفتان خیزان برمن
 چنان مرغی که باشد نیم بسمل
 دو ساعد را حمایل کرد برمن
 فرو آویخت از من چون حمایل
 مرا گفتم ای ستمکاره به جانم
 به کام حاسدم کردی و عاذل
 چه دانم من که باز آیی نو یانه

بدانگامی که بازآید فوافل؟
 تراکامل همی دیدم به هرکار
 ولیکن نیستی در عشق کامل
 حکیمان زمانه راست گفتند
 که جاهل گردد اندر عشق، عاقل
 نگار خویش را گفتم: نگارا
 نیم من در فنون عشق جاهل
 ولیکن اوستادان مجرب
 چنین گفتند در کتب اوایل
 که عاشق قدر وصل آنگاه داند
 که عاجز گردد از هجران عاجل
 بدین زودی ندانستم که ما را
 سفر باشد به عاجل یا به آجل
 ولیکن اتفاق آسمانی
 کنند تدبیرهای مرد باطل
 غریب از ماه والانس نباشد
 که روز و شب همی برد منازل
 چو برگشت از من آن معشوق معشوق
 نهادم صابری را سنگ بر دل
 نگه کردم به گرد کاروانگاه
 بجای خیمه و جای رواحل
 نه وحشی دیدم آنجا و نه انسی
 نه راکب دیدم آنجا و نه راجل
 نجیب خویش را دیدم بیکسو
 چو دیوی دست و پا اندر سلاسل
 گشادم هر دو زانو بندش از دست
 چو مرغی کس گشایند از حبابل
 برآوردم زمامش تا بناگوش
 فرو هشتم هوبدش تا به کاهل
 نشستم از برش چون عرش بلفیس
 بجست او چون یکی عنفیت هابل

همی راندم نجیب خویش چون باد
 همی گفتم که اللهم سهل
 چو ماحی که پیماید زمین را
 بپیومدم به پای او مراحل
 همی رفتم شنابان در بیابان
 همی کردم به یک منزل دو منزل
 بیابانی چنان سخت و چنان سرد
 کز او خارج نباشد هیچ داخل
 زسادهش خون همی بفسرد در تن
 که بادش داشت طبع زهر قاتل
 زیخ گشته شمرها همچو سبمین
 طبقها، بر سر سنگین مراحل
 سواد شب بوقت صبح بر من
 همی گشت از بیاض برف مشکل
 همی بگداخت برف اندر بیابان
 نوگفتی باشدش بیماری سل
 بکردار سریشمهای ماهی
 همی برخاست از شخارها گل
 چو پاسی از شب دپرنده بگذشت
 برآمد شعربان از کوه موصل
 بنات النعمش کرد آهنگ بالا
 بکردار کمر شمیر هرقل
 رسیدم من فراز کاروان ننگ
 چو کشتی کو رسد نزدیک ساحل
 به گوش من رسید آواز خلخال
 چو آواز جلاجل از جلاجل
 جرس دستان گوناگون همی زد
 بدان عندلیبی از عنادل
 عماری از برترکی نوگفتی
 که طاووسیت بر پشت حواصل

جرس ماننده دو نرک زریں
 معلق هر دو نا زانوی بازل
 زنوک نیزه های نیزه داران
 شده وادی چون اطراف سنابل
 چو دیدم رفتن آن بیسراکان
 بدان کئی روان زیر محامل
 نجیب خویشرا گفتم سبکتر
 الا یا دستگیر مرد فاضل
 بچرا، کت عنبرین بادا چراگاه
 بچم ، کت آهنین بادا مفاصل
 بیابان در نورد و کوه بگذار
 منازلها بکوب و راه بگسل
 فرود آور به درگاه و زیرم
 فرود آوردن اعشی به باهل
 به عالی درگه دستور ، کوراست
 معالی از اعالی وز اسافل
 وزیری چون یکی والا فرشته
 چه در دیوان، چه در صد ر محافل
 وزیران دگر بودند زمین پیش
 همه دیوان به دیوان رسایل
 حدیث او معانی در معانی
 رسوم او فضایل در فضایل
 درآید پیش او بدره چو نارون
 درآید پیش او سائل چو عایل
 شود از پیش او سائل چو بدره
 رود از پیش او بدره چو سائل
 بلرزند از نهیب او نهنگان
 بلرزد کوه سنگین از زلازل

فردوسی

چهارمقاله در باره فردوسی

استاد ابرالقاسم فردوسی از دهاقین^۱ طوس بود، از دیهی که آن دیه را باز خوانند و از ناحیت طبران^(۱) است، بزرگ دیهی^۲ است، و از وی هزار مرد بیرون آید. فردوسی در آن دیه^(۳) شوکتی تمام داشت چنانکه بدخل آن ضیاع^۴ از امثال خود بی نیاز بود، و از عقب^۵ یک دختر بیش نداشت، و شاهنامه بنظم همی کرد، و همه امید^(۶) او آن بود که از صلوة آن کتاب جهاز آن دختر بسازد. بیست و پنجسال^۷ در آن کتاب مشغول شد که^(۸) آن کتاب تمام کرد، و الحق هیچ باقی نگذاشت، و سخن را بآسمان^(۹) علیین برد، و در عذوبت بماء معین^{۱۰} رسانید، و کندام طبع را قدرت آن باشد

- (۱) ا. ب. ط: طبرستان، و آن خطای فاحش است، و متن از روی تاریخ طبرستان لمحمد بن الحسن بن اسفندیار نسخه موزه بریطانیه (Add. 6733, ff. 185b-188a) که عین این فصل متعلق بفردوسی را از این کتاب نقل کرده است تصحیح شد؛ و نیز از آخر همین حکایت که در همه نسخ کلمه «طبران» مکرر ذکر شده است واضح میشود که صواب در اینجا «طبران» است نه «طبرستان» (چق). رک: تاریخ طبرستان مصحح آقای عباس اقبال ج ۲ ص ۲۱ - ۲۵ و رک: تعلیقات کتاب حاضر. (م.م).
 (۲) ا. ط: دیه. (۳) تاریخ ابن اسفندیار: مراد. (۴) ب: و؛ ابن اسفندیار: تا.
 (۵) ابن اسفندیار: باوج.

۱. ج. دهقان. مرعب دهگان. مانک ده. ۲. تقدیم صفت بر موصوف جهت اهمیت صفت (سیکشناسی ج ۲ ص ۳۱۱) ۳. (بکسر اول) ج ضیمه (بفتح اول و سوم) آب و زمین و مانند آن (منتهی الارب)، زمین مرروع. ۴. (بفتح اول و کسر دوم) فرزند، نسل. ۵. رک: تعلیقات. ۶. (بفتح اول) جاری و روان (غبات).

که سخن را بدین درجه رساند که او رسانیده است، در نامه‌ای که زال همی نویسد
بسام نریمان بمازندران، در آن حال که با ارودابه دختر شاه کابل پیوستگی خواست
کرد؟:

یکی نامه فرمود نزدیک سام
نخست از جهان آفرین یاد کرد
و زو باد بر سام نیرم^۲ درود
چمانده^۳ چرمه^۴ هنگام گرد،
فزاینده^۵ باد^۶ آوردگاه^۷،
بمردی هنر در هنر ساخته.
سراسر درود و نرید^۱ و خرام^۸
که هم داد فرمود و هم داد کرد^۹.
خداوند شمشیر و کویال^۲ و خود،
چراننده^۳ کرکس اندر نبرد^۴،
فشانده^۵ خون ز ابر سیاه^۶،
سرش^۷ از هنر گردن افراخته^۸.

۱۰ من در عجم سخنی بدین فصاحت نمی بینم و در بسیاری از سخن عرب هم^۱ چون

(۱) ط، ترجمه انگلیسی (م.م.): سلام؛ ابن اسفندیار: پیام؛ شاهنامه بخ ج ۱ ص ۱۷۰: سراسر نرید و
درود و پیام؛ در نسخه بدل همین کتاب «خرام» بجای پیام. (م.م.) (۲) ابن اسفندیار: + (دوبیت
ذیل):

خداوند هست و خداوند نیست
ازویست شادی و زویست زور
همه بندگانیم و ایزد یکی است
خداوند ناهید و کیوان و هور.
(۳) ابن اسفندیار: جهاننده. (۴) ب: - این بیت. (۵) نسخه‌های تاریخ طبرستان: فشاننده
نیغ کین بر سپاه (تاریخ طبرستان، مصحح اقبال ج ۲ ص ۲۲) (م.م.) (۶) ا، ب، ط: هنرش؛ متن
مطابق تاریخ ابن اسفندیار است. (۷) شاهنامه بخ ج ۱ ص ۱۷۰، شاهنامه خاور ج ۱ ص ۱۳۷:
سرش از هنرها برافراخته. (م.م.)

۱- مزده، مزدگانی، حیر خوش، هر چیز که سبب خوشحالی شود، بشارت دادن بضيافت و مهمانی (برهان)
۲- رفتار بناز و سرکشی و زیبایی، خوشرو، نوید و مزدگانی، شادی، مهمانی و ضیافت و مزده میهمانی
(ناظم‌الاطباء).

۳- نریمان، در اوستا Nairi-mardw (بمعنی نرمش، مردسرشت، دلبر) رک: مزدبستا بقلم نگارنده ص ۴۱۸.

۴- عمود و گرز آهنین (برهان).

۵- چماندن، حرکت دادن بتکیر و سرکشی و ناز.

۶- مطلق اسب، اسب سپید خصوصاً (برهان).

۷- نخوت، غرور، خودبینی (برهان، ابهت، اهمیت).

۸- جنگ‌گاه (برهان)، میدان جنگ.

۹- جمله‌ای بقرینه حذف شده و بجای آن جمله لفظ «هم» نشانده، یعنی در بسیاری از سخن عرب هم
سخنی بدین فصاحت نمی بینم. (سیک‌شناسی ج ۲ ص ۳۱۲).

فردوسی شاهنامه تمام کرد، نساخ او علی دیلم بود، و راوی ' ابو ذلف' (۱)، ووشکرده ' حَبِی قُتِیبه' (۲) که عامل طوس بود و بجای ' فردوسی ایادی' داشت، نام این هر سه (۳) بگوید:

ازین نامه از نامداران شهر علی دیلم و بو دلف راست بهر.
نیامد جز احتششان^(۴) بهره‌ام، بگفت^(۵) اندر احتششان زهره‌ام. ه
حَبِی قُتِیبه^(۶) است از آزادگان که از من نخواهد سخن رایگان.

(۱) ا. ط: بودلف. (۲) در متن چاپ لیدن: ووشکر (؟) و در نسخه بدلها چنین آمده: ووشکر حبی قتیبه؛ تصحیح این سه کلمه کمابیشی میسر نشد و نسخ در اینجا مضطرب است بدین تفصیل: ا: ووشکر حبی قتیبه و محسوس است که حرفی را بین واو و شین تراشیده‌اند؛ ب: ووشکر چین حسین قتیبه؛ ط: ووشکر و حتی قتیبه؛ در نسخه ابن اسفندیار در موزه بریتانیه: (Add. 7633-Or.2778): «ودرسی: کر حسین قتیبه» (چق). و شکرده تصحیح مرحوم بهار است رک: ۲. (م.م.)
(۳) ا، ب، ط: هر دو؛ متن مطابق نسخ ابن اسفندیار است. (۴) دو نسخه ابن اسفندیار: بخشان(۱) (۵) دو نسخه ابن اسفندیار: احسانشان. (۶) حبی قتیبه؛ ب و شاهنامه طبع ترمزکان در کلکته: حسین قتیبه؛ ط: حتی قتیبه؛ دو نسخه ابن اسفندیار: حسین قتیبه.

۱- (افا) از روایت، خواننده و ناقل اشعار گویندگان. ۲- ووشکرده، بکسر واو و کاف و بضم و فتح اول هم ذکر کرده‌اند، ترکیبی است وصفی بمعنی کارپرداز و پیشکار چالاک و صاحب نجره و صاحب قوت، کذا (برهان جامع). آقای فروزینی (با ذکر نسخه بدلها) عقیده‌ای در باره این لغت اظهار نموده است ونی شبهه نیست که اصل ووشکرده است چه در قبال نساخ و راوی جز صفی که از حیث معنی شباهت یابند داشته باشد نتواند بود، و صفی که جز واعظم حروف وی «وشکره» که در همه نسخ ضبط است باشد جز «وشکرده» بمعنی (کار راه‌انداز قوی نمی‌تواند بود؛ و از خارج هم می‌دانیم که عامل طوس کار او را راه می‌بنداخته است، و خود فردوسی در این باره گوید:

حسین قتیبه (حبی قتیبه) است از آزادگان که از من نخواهد سخن رایگان...
و این لغت بعدها در جهانگشای جویینی بمعنی آمده و چالاک آمده است (سیک‌شناسی ج ۲ ص ۳۰۲). در برهان قاطع و سروری «وشکریدن» و «وشکرودیدن» بمعنی کاری را جست و چابک کردن و (زود) ساختن و جست و جو کردن آمده. وهم در سروری آمده: «وشکرده بفتح واو و سکون شین معجمه و فتح کاف و دال مهمله، آنکس را گویند که در کارها نیک تجربه کند و در عاقبت آن اندیشه کند. پس در آن کار شروع کند. و بعضی گفته‌اند که آنکس باشد که در کارها بجد (بجد، ن. ل.) و جست و چالاک باشد. و در ساسی بفتح واو و کسر کاف و فتح دال مهمله نیز بنظر رسیده و بعربی ووشکرده را «شیحان» گویند بفتح شین یا حاء مهمله بوزن ربیعان. و در اداة‌الفضلا بکسر واو باجد و نوش و توان باشد و بفتح واو جست و ساخته باشد و بسین مهمله نیز آمده، (م.م.). ۳- درباره، در حق (سیک‌شناسی ج ۲ ص ۳۰۳). و رک: برهان قاطع مصحح نگارنده بجای. ۴- ج. ابیدی، ج. بد. نممتها (فطرالمحیط)، نیکوبیها.
۵- کفش = کافتن = شکافتن، بار شدن و از هم باز کردن و ترکابیدن (برهان).

نیم از اصل و فرع خراج همی غلطم^(۱) اندر میان دواج!
 حیی قُتیه^(۲) عامل طوس بود و اینقدر او را واجب داشت و از خراج فرو نهاد،
 لاجرم نام او تا قیامت بماند، و پادشاهان همی خوانند. پس شاهنامه^۳ علی دپلم در
 هفت مُجلد نیست، و فردوسی بودلف را برگرفت، و روی بحضرت نهاد بغزنین^(۴)، و
 پیامردی^۵ خواجه بزرگ احمد حسن کاتب^(۶) عرضه کرد، و قبول افتاد. و سلطان
 محمود از خواجه متنها داشت. اما خواجه بزرگ مُنازعان داشت که پیوسته خاک
 تخیل^۲ در قلع جاه او همی انداختند، محمود با آن جماعت تدبیر^(۷) کرد که فردوسی
 را چه دهیم؟ گفتند: پنجاه هزار درم، و این خود بسیار باشد، که او مردی رافضی^۸
 است و معتزلی^۹ مذهب، و این بیت بر اعتزال او دلیل کند^(۱۰) که او گفت:
 به بینندگان آفریننده را نیننی مرنجان دو بیننده را؟
 و بر رفض او این بیتها دلیل است^(۱۱) که او گفت:

- (۱) ابن اسفندیار: غلطم. (۲) حیی قطیبه؛ ب: حسین قتیبه؛ ط: حتی قطیبه؛ دو نسخه ابن -
 اسفندیار: حسین قطیبه. (۳) ط و نسخ ابن اسفندیار: + را.
 (۴) ط و ابن اسفندیار: و روی بغزنین نهاد. (۵) نسخه‌های تاریخ طبرستان: کتاب (مصحح اقبال
 ج ۲ ص ۲۲ (م.م)). (۶) ب: نشویر.
 (۷) نسخ ابن اسفندیار: و این بیت را بر اعتزال او دلیل کردند.
 (۸) ا: دلیل او اند؛ ب: دلیل آینه؛ ابن اسفندیار: دلیل آورند.

- ۱- (بفتح اوز) لحداف (برهان). (۲) وساطت، میانجیگری (برهان مصحح نگارنده. ج).
 ۳- (مص) آمیختن و آمیزش کردن باطل در کلام (غیاث).
 ۴- برای فهم اشعار متن قطعه مزبور را از شاهنامه چاپ بروخیم ج ۱ ص ۷ نقل می‌کنیم:

بر انگیخته سوج ازو تند باد
 همه بادبانها بر افراخته
 بیاراسته همچو چشم عروس
 همان اهل بیت نبی و وصی
 کرانه نه پیدا و بن ناپدید
 کس از عرق بیرون نخواهد شد
 شوم غمرقه، دارم دو بار و نس
 خداوند نواج و لورا و سریر
 همان چشمه شیر و ماء معین
 بترد سی و وصی گیر جای
 چنین است آبین و راه منت
 چنان داد که خاک بی حیدرم

حکیم این جهان را چو دریا نهاد
 چو هفتاد گشتی سرو ساخته
 یکی پهن گشتی بان عروس
 محمد بدو اندرون با علی
 خردمند کس دور دریا ندید
 بدانست کس سوج خواهد زد
 بدل گفت اگر با نبی و وصی
 همانا که مانند سرا دستگیر
 خداوند جبری می و انگبین
 اگر چشم‌داری بدیگر سرای
 گرت رین بد آمد گناه منت
 برین زادم و هم برین بگذرم
 بیت اخیر در چاپ ماگان (کلکته) نیامده.

خردمند^(۱) گیتی چو دریا نهاد^(۲)
 چو هفتاد کشتی درو^(۳) ساخته
 میانه^(۴) یکی خوب کشتی^(۵) هروس^(۶)
 بپیمبر^(۷) بدو اندرون با علی
 اگر خُلد خواهی^(۸) بدیگر سرای
 گرت زین بد آید^(۹) گناه منست
 برین^(۱۰) زادم و هم برین بگذرم

و سلطان محمود مردی مُتعصب بود، درو این تخلیط بگرفت (و ا مسموع افتاد)^(۱۱)
 در جمله بیست هزار^(۱۲) درم بفردوسی رسید^(۱۳). بغایت رنجور شد، و بگرمابه رفت

(۱) ط: خداوند. (۲) شاهنامه طبع ترنر مکان در کلکته: حکیم این جهان را چو دریا نهاد.

(۳) شاهنامه طبع مکان: برو. (۴) ط: میان.

(۵) ابن اسفندیار: یکی خوب کشتی بسان هروس؛ شاهنامه طبع ترنر مکان: یکی بهن کشتی بسان
 عروس. (۶) ابن اسفندیار و شاهنامه طبع مکان: محمد.

(۷) ط و ابن اسفندیار: ولی (فروینی) ولی، صحیح است، کمافی: نسخه چاپ طهران و شاهنامه طبع
 ترنر مکان (سنوی).

(۸) ابن اسفندیار و شاهنامه طبع مکان: اگر چشم داری.

(۹) ابن اسفندیار: ولی. (۹) شاهنامه بیخ ج ۱ ص ۷: بد مد. (م.م.).

(۱۰) ب و ابن اسفندیار: چنین دان که این راه راه من است؛ شاهنامه طبع مکان: چنین است آیین و راه
 من است. (۱۱) ط و ابن اسفندیار: بدین.

(۱۲) ابن اسفندیار: چنان دان

(۱۳) ط: + که. (۱۴) ط: شصت هزار.

(۱۵) ابن اسفندیار: رسانید (تاریخ طبرستان مصحح اقبال ج ۲ ص ۲۳). (م.م.).

۱ - عدد کثیر، اشاره به هفتاد و دو یا هفتاد و سه فرقه مسلمانان: ستغرف امنی علی ثلثة و سبعین فرقة،
 التاجی منها واحد. (حدیث نبوی) مأمون گفت: «یفا میر علیه السلام گفته است که «ستغرف امنی اتسی و
 سبعین فرقة، التاجی منها واحد» یعنی امتان من بعد از من هفتاد و دو گروه شوند، و رستگار از ایشان یک
 گروه باشند. (عرفی. جوامع الحکایات. نسخه عکسی کتابخانه ملی تهران از روی نسخه خطی کتابخانه ملی
 پاریس بمره 40719.Sep. Persam 95 ص ۱۰ الف).

۲ - ط: اشاره بحدیث: مثل اهل بیته کمثل سفینه نوح... (از افادات استاد فروزانفر) رک: دبل (تعلیقات).

۳ - عروس مشه به هر چیز زیبا و آراسته است:

سپه دبد آراسته چسبون عروس

به پیلان جنگی و آوای کوس

«شاهنامه بیخ ج ۳ ص ۵۵۸»

و بر آمد، فُقَاعی^۱ بخورد و آن سیم میان حَمّامی و فُقَاعی قسم فرمود. سیاست محمود دانست، شب از غزنین برفت، و بهری بدکان اسمعیل و رَاق پدر ازرقی فرود آمد، و شش ماه در خانه او متواری^۲ بود، تا طالبان محمود بطوس رسیدند و بازگشتند، و چون فردوسی ایمن شد، از هری روی بطوس نهاد، و شاهنامه برگرفت و بطبرستان شد بنزدیک سپهبد شهریار^۳، که از آل باوند^۴ در طبرستان پادشاه او بود، و آن خاندانی است^۵ بزرگ، نسبت ایشان نیز دگر در شهریار پیوندد^۶. پس محمود را هجا کرد در دیباچه یستی صد، و بر شهریار^۷ خواند و گفت: «من این کتاب را از نام محمود بنام تو خواهم کردن، که این کتاب همه اخبار و آثار جَدّان^۸ تست.» شهریار او را بنواخت و نیکوییها فرمود و گفت: «یا استاد! محمود را بر آن داشتند، و کتاب ترا بشرطی^۹ عرضه نکردند، و ترا تخلیط کردند و دیگر تو مرد شیعی، و هرکه تولی بخاندان پیامبر کند او را دنیاوی بهیج کاری نرود، که ایشان را خود

۱) ا، ب: شهرزاد، ط: شیرزاد، و آن خطای فاحش است، همه نسخ تاریخ ابن اسفندیار: شهریار. و صواب همین است (چق). رجوع کنید بتاریخ طبرستان مصحح اقبال ج ۲ ص ۲۳ ح ۲. اسفندی شهریار بن شروین. (م.م).

۲) ا، ب: ناوند؛ ط: باوند.

۳) ب: خانه ایست.

۴) که از آل باوند... پیوندد: در نسخ تاریخ طبرستان بجای این جمله چنین آمده: «که ذکر ملکش و بزرگی او در کتاب یمنی عتبی نوشته است و خال شمس المعالی قابوس بود و ایشانرا با همدیگر مصافات و مکاتبات.» (تاریخ طبرستان مصحح اقبال ج ۲ ص ۲۳ ح ۳-۴. م.م).

۱. فُقَاع، شراب خام که از جو و مویز و جز آن سازند (منتهی الارب). رک:

Schlimmer, Terminologie pharmaceutique (Lith Tehrân, 1874), p.75.

و نیز رک: ترجمه آلمانی ادویه ابرنمصور موافق بن علی الهروی توسط عبدالخالق آخوندف، ص ۲۴۱ و ۳۸۸. ۳۸۹. (ترجمه انگلیسی ص ۶۵ ح ۲) استاد فروزانفر فُقَاع را در اینجا بمعنی شربت میوه دانست: «الفُقَاع شراب من الحبوب و الانمار و نحرها.» (محیط المحيط).

۲. بضم میم و فتح ناه فرغانی و کسر راه، مهمله، پوشیده شونده و پنهان شونده، و در نظم پارسی غالباً بسکون دوم آمده. رک: برهان مصحح نگارنده ج ۱ ص: نود و یک ح ۵

۳. جمع کلمه عربی بسیاق پارسی.

۴. شرط لازم، چنانکه باید.

نرفته است. محمود خداوندگار من است، تو شاهنامه بنام او رها کن، و هجو او بمن ده تا بشویم و ترا اندک چیزی بدهم. محمود خود ترا خواند و رضای تو طلبید، و رنج چنین کتاب ضایع نماند.» و دیگر روز صد هزار درم فرستاد و گفت: «هر بیتی بهزار درم خریدم، آن صد بیت بمن ده و با محمود دل خوش کن.» فردوسی آن بیتها فرستاد. بفرمود تا بشستند. فردوسی نیز سواد بشست، و آن هجو مندرس گشت و از آن جمله این شش^(۱) بیت بماند:

مرا غمز ^(۱) کردند کآن پر سخن ^(۱)	بمهر نبی و علی شد کهن.
اگر ^(۲) مهرشان من حکایت کنم	چو محمود را صد حمایت کنم.
پرستار زاده نیساید بکار	وگر چند باشد ^(۳) پدر شهریار.
ازین در سخن چند رانم همی؟	چو دریا کرانه ندانم همی.
بنیکی نبه شاه را دستگاه ^(۴)	وگر نه مرا بر نشاندی بگاه ^(۴)
چو اندر تبارش ^(۵) بزرگی نبود	ندانست ^(۶) نام بزرگان شنود.

الحق نیکو خدمتی کرد شهریار^(۱) مر محمود را، و محمود ازو منتها داشت.

در سنهٔ اربع عشره و خمسمائ^(۱۰) بنشاپور شنیدم از امیر مُعزّی که او گفت: «از

امیر عبدالرزاق شنیدم^(۱۱) بطوس، که او گفت: وقتی محمود بهندوستان بود، و از آنجا ۱۵

(۱) ط: چند. (چق): تاریخ طبرستان مصحح اقبال ج ۲ ص ۲۴ ج ۱: دو (م.م).

(۲) شاهنامه طبع ترنر مکان: بد سخن.

(۳) شاهنامه طبع مکان: گر از.

(۴) شاهنامه طبع مکان: اگر چند دارد.

(۵) جمیع نسخ غیر از ا: - این بیت، و وجود آن لازم است برای تکمیل عدد هشت. (چق) در تاریخ

طبرستان (مصحح اقبال ج ۲ ص ۲۴ ج ۲) این چهار بیت نیامده (م.م).

(۶) تاریخ طبرستان (مصحح اقبال ج ۲ ص ۲۴ ج ۳): مگر ننگ بد شاه را دستگاه. (م.م.)

(۷) شاهنامه طبع ترنر مکان بجای متن:

جهاندار اگر نبستی ننگدست
مرا بر سرگناه بودی نشست

(۸) ابن اسفندیار و شاهنامه طبع مکان: نیارست؛ ط: تانست.

(۹) رک: ح (۳) صفحهٔ قبل.

(۱۰) ا: خمسمائ.

(۱۱) این آخرین کلمهٔ جملهٔ ساقط از ف است و ابتدای آن از ص ۶۶ س ۴ میباشد.

۱- (بفتح اول، مض) نهمت کردن، سخن چینی (غیاب).

۲- تبار (بفتح او) دودمان، خویشاوندان، اصل و نژاد (برهان).

۳- دانستن بمعنی توانستن، یارستن.

بازگشته بود، و روی بغزین نهاد، مگر در راه او مُتَمَرَدی^۱ بود و حصارى استوار داشت، و دیگر روز محمود را منزل بر در حصار او بود. پیش او رسولی بفرستاد که فردا باید که پیش آبی و خدمتی^(۱) بیاری، و بارگاه ما را خدمت کنی، و تشریف بپوشی و باز گردی. دیگر روز محمود برنشست و خواجه بزرگ^۲ بر دست راست او همی راند، که فرستاده بازگشته بود، و پیش سلطان همی آمد. سلطان با خواجه گفت: «چه جواب داده باشد؟» خواجه این بیت فردوسی بخواند^(۳):

اگر جز بکام من آید جواب، من و گرز و میدان و^(۴) افراسیاب.

محمود گفت: «این بیت کراست که مردی ازو همی زاید^(۵)؟» گفت: «بیچاره ابوالقاسم فردوسی راست که بیست و پنج سال رنج برد و چنان کتابی تمام کرد و هیچ ثمره ندید.» محمود گفت: «سره کردی^(۶) که مرا از آن یاد آوردی^(۷)، که من از آن پشیمان شده‌ام. آن آزاد مرد از من محروم ماند، بغزین مرا یاد ده تا او را چیزی فرستم.» خواجه چون بغزین آمد بر محمود یاد کرد. سلطان گفت: «شصت هزار دینار ابوالقاسم^(۸) فردوسی را بفرمای تا به نیل^۵ دهند و با شتر سلطانی^(۹) بطوس برند و ازو عذر خواهند.» خواجه سالها بود تا درین بند^(۱۰) بود. آخر آن کار را

(۱) ق: خدمت. (۲) ا، ب، ط: خواجه گفت (بجای: خواجه این بیت فردوسی بخواند).

(۳) ب، ط، ق و یک نسخه ابن اسفندیار: - و. (۴) ق: بارد. (۵) ا، ب، ط: گفنی.

(۶) ا، ب، ط: - که مرا... آوردی. (۷) ا، ب، ط: - ابوالقاسم. (۸) بفرمای... سلطانی: با چند

شتران بریار (نسخ تاریخ طبرستان) (چق). رک: تاریخ طبرستان مصحح اقبال ج ۲ ص ۵۲ ح ۱. (م.م.)

(۹) ط: کار: ا، ب: -.

۱ - (۱) از نمره، سرکش و پیشی گیرنده (منتهی الارب). ۲ - خدمتی بر وزن عشرتی، بمعنی پیشکش

باشد (برهان). ۳ - خلعت که امرا و سلاطین بکسی دهند بزرگ گردانیدن او را (غیاث)

۴ - صدر اعظم، وزیر بزرگ، و در اینجا مراد احمد بن حسن میبندی است.

۵ - بنوع همین قول نظامی، صاحبان تذکره‌ها (از جمله دولتشاه سمرقندی) داستان مزبور را با آب و ناپ بیشتر نقل کرده و گفته‌اند چون نیل در طوس گران بود محمود بفرمود که با آن وجه نیل خردند و برای فردوسی فرستند. ولی بعضی معاصرین (از جمله استاد فروزانفر) کلمه را نیل (بفتح نون) خوانند بمعنی عطا و جایزه از سوی دیگر از قول ابوالفضل بیهقی برمباید که همه سال از دربار غزنین «نیل» (بکسر اول) محضرت خلافت فرستاده میشد. و معلوم میگردد که «نیل» تحفه‌ای گرانها بوده «امیر (مسعود) گفت خذیمه را چه باید فرستاد؟ احمد گفت: بیست هزار من نیل رفته است خاصه را و پنج هزار من حاشیت درگاه را.» (تاریخ بیهقی مصحح دکتر فیاض و دکتر غنی ص ۲۹۳) و از مراکز صدور «نیل» کالجبره هندوستان بود (برهان فاطم: کالجبر).

چون زر بساخت^(۱۱)، و اشتر گسیل^(۱۲) کرد، و آن نیل بسلامت بشهر طبران^(۱۳) رسید^(۱۴)، از دروازه رود بار اشتر در می شد و جنازه فردوسی بدروازه رزان^(۱۵) بیرون همی بردند. در آن حال مڈکری^۱ بود در طبران، تعصب کرد و گفت: «من رها نکنم تا جنازه او در گورستان مسلمانان برند، که او رافضی بود.» و هر چند مردمان بگفتند با آن دانشمند^۲ در نگرفت. درون^(۱۶) دروازه باغی بود ملک فردوسی، او را در آن باغ دفن کردند. امروز هم در آنجاست، و من در سته^۳ عشر و خمسمانه آن خاک را زیارت کردم. گویند از فردوسی دختری ماند سخت بزرگوار^(۱۷)، صلت سلطان خواستند که بدو سپارند^(۱۸)، قبول نکرد و گفت: «بدان محتاج نیستم.» صاحب برید^۴ بحضرت بنوشت، و بر سلطان عرضه کردند. مثال داد که آن دانشمند از طبران پرود^(۱۹) بدین فضولی که کرده است، و خانمان بگذارد^(۲۰)، و آن مال بخواجه ابوبکر اسحق^۵ کزّامی دهند تا رباط چاه^(۲۱) که بر سر راه نشابور و مرو است در حدّ طوس، عمارت کند. چون مثال بطوس^(۲۲) رسید، فرمان را امتثال نمودند، و عمارت رباط چاه^(۲۳) از آن مال است.

داستان سودبه و سیاوش

برآمد برین نیز يك روزگار چنان بد که سوداوه پرنیگار
 ز ناگاه روی سیاوش بدید پرنانیدشه گشت و دلش بردمید^{۱۳۰}
 چنان شد که گفتی طراز نخ است وگر پیش آتش نهاده بیخ است
 کسی را فرستاد نزدیک اوی که: پنهان سیاوش را این بگوی
 که «اندر شبستان شاه جهان نباشد شگفت از شوی ناگهان»^{۱۳۸}
 فرستاده رفت و بدادش پیام برآشفت زان کار او نیک نام
 بدو گفت «مرد شبستان نیم مجوم که با بند و دستان نیم»
 دگر روز شبگیر سوداوه رفت بر شاه ایران خرامید تفت^{۱۴۱}
 بدو گفت که «ای شهریار سپاه که چون توندیده ست خورشید و ماه
 نه اندر زمین کس چو فرزند تو جهان شاد بادا به پیوند تو
 فرستش به سوی شبستان خویش بر خواهران و فغانستان خویش^{۱۴۱}

همه روی پوشیدگان را ز مهر
 ۱۰۷ بدو گفت شاه « این سخن درخورست
 ۱۰۰ ترا پاک یزدان چنان آفرید
 بویژه که پیوسته خون بود
 ۱۰۲ پس پرده پوشیدگان را ببین
 ۱۰۹ سیاوش چو بشنید گفتار شاه
 ۱۰۹ سیاوش چنین داد پاسخ که « شاه

پراز خون دلست و پر از آب چهر
 درخت پریش بیار آورند
 برو بر ترا مهر صد مادرست
 که «خون دل مهر نتوان نهفت
 و سودابه چون مهربان مادرست
 که مهر آورد بر تو هرکات بدید
 چو از دور بیند ترا چون بود؟
 زمانی بمان تا کنند آفرین
 همی کرد خیره بدو در نگاه
 مرا داد فرمان تخت و کلاه

از آن جایگه کآفتاب بلند
 چو تو شاه نهاد بر سر کلاه
 مرا موبدان ساز با بخردان
 دگر نیزه و گرز و تیر و کمان
 دگر گاه شاهان و آئین بار
 چه آموزم اندر شبستان شاه؟
 گر ایدونکه فرمان شاه این بود
 ورا پیش من رفتن آئین بود

ب ۱۴۸ (دوم) در نسخه اساس همین طور است. در لحن، خون و رنگ و مهر، در قافیه خون و مهر و محتمل است یکی از این در صورت صواب باشد و بیت به این معنی باشد که «اصل و نژاد و خویشی و محبت و رحیم را نمی توان پنهان کرد».

ب ۱۶۰: در مصراع اول نسخه اساس و کز انجایگه آفتاب بلند، دارد و همه نسخ دیگر از انجایگه کافتاب بلند. به هر صورت که بخوانیم اشکالی در معنی و ارتباط ابیات باقی می ماند. از آن جایگه کافتاب بلند برآید، محتاج به انتهای هست. تا کجا؟ وانگهی ربط آن باب ۱۵۹ زیاد روشن نیست. ب ۱۶۶ (دوم): گویا مراد این بوده است که اگر فرمان شاه باشد من بناچار به شبستان خواهم رفت؛ اما این معنا از الفاظی که در متن آمده است بر نمی آید و تغییری که در سابر نسخه داده شده قابل اعتماد نیست.

- بدوگفت شاه * ای پسر ، شاد باش همیشه خرد را تو بنیاد باش
- سخن کم شنیدم بدین نیکوی فزاید همی مغز کاین بشنوی ۱۶۸
- مدار ایچ اندیشه بد بدل همه شادی آرای و غم برگسل
- بین پردگی کودکان را یکی مگر شادمانه شوند اندکی
- * پس پرده اندر ترا خواهرست پر از مهر و سوداوه چون مادرست * ۱۷۱
- سیاوش چنین گفت که * ز بامداد بیایم کنم هر چه او کرد یاد *
- شبستان همه پیش باز آمدند پر از شادی و بزم ساز آمدند
- ۱۸۰ همه جام بود از کران تا کران پر از مشک و دینار و پر زعفران
- درم زیر پایش همی ریختند عقیق و زبرجد برآمیختند
- زمین بود در زیر دیبای چین پر از در خوشاب روی زمین
- می و رود و آوای رامشگران همه بر سران افسر از گوهران ۱۸۱
- شبستان بهشتی شد آراسته پر از خوب رویان و پر خواسته
- سیاوش چو نزدیک ایوان رسید یکی تخت زرین درفشده دید
- برو بر ز پیروزه کرده نگار به دیبا بیاراسته شاهوار ۱۸۲
- بر آن تخت سوداوه ماه روی بدان بهشتی پر از رنگ و بوی
- نشسته چو تابان سهیل بمن سر جعد زلفش سراسر شکن
- یکی تاج بر سر نهاده بلند فرو هشته تا پای مشکین کمند ۱۸۰
- پرستار نعلین زرین به دست به پای ایستاده سرافگنده پست
- سیاوش چو از پیش پرده برفت فرود آمد از تخت سوداوه تفت
- بیامد خرامان و بردش نماز به بر درگرفتش زمانی دراز ۱۸۸

ب ۱۷۱ : تقریباً عین بقی است که به شماره ۱۴۹ ضبط شد . و آنجا متناسب تراست تا اینجا ، و چون آنجا آوردم در این حاضری و غیر لازم بنظر می رسد . در بنداری هم این مضمون در هردو موضع آمده است .

همی چشم و رویش ببوسید دیر نیامد ز دیدار آن شاه سیر
 همی گفت « صدره زیزدان سپاس نیایش کم روز و شب برسه پاس
 که کس را بسان تو فرزند نیست همان شاه را نیز پیوند نیست » ۲۰۱
 سیاوش بدانت کان بهر چیست چنان دوستی نزره ایزدیست
 بنزدیک خواهر خرامید زود که آن جایگه کار ناساز بود
 برو خواهران آفرین خواندند به کرسی زرینش بنشانند ۲۰۲
 بر خواهران بد زمانی دراز خرامان بیامد سوی تخت باز

شبستان همه شد پر از گفت و گوی که « اینت سرو تاج فرهنگ جوی
 ۲۰۳ تو گوئی به مردم نماند همی روانش خرد برفشاند همی
 سیاوش به پیش پدر شد بگفت که « دیدم به پرده سرای نهفت
 همه نیکوی در جهان بهر نمت زیزدان بهانه نیایدت جست
 ۲۱۰ ز جم و فریدون و هوشنگ شاه فزونی به گنج و به شمیر و گاه
 ز گفتار او شاد شد شهریار بیاراست ایوان چو خرم بهار
 می و بربط و نای بر ساختند دل از بودنیا سپرداختند
 ۲۱۲ چو شب گشت پیدا و شد روز تار شد اندر شبستان شه نامدار
 پژوهنده سوداوه را شاه گفت که « این رازت از من نباید نهفت
 ز فرهنگ و رای سیاوش بگوی ز بالا و دیدار و گفتار اوی
 ۲۱۳ پسند تو آمد ؟ خردمند هست ؟ از آواز به ، گر ز دیدن هست ؟
 بدو گفت سوداوه « همتای شاه ندیده ست برگاه خورشید و ماه
 چو فرزند تو کیست اندر جهان ؟ چرا گفت باید سخن در نهان ؟
 ۲۱۴ بدو گفت شاه « ار به مردی رسد نباید که بیند ورا چشم بد
 بدو گفت سوداوه « گر گفت من پذیرد شود رای را جفت من
 هم از تخم خویشش یکی زن دهم نه از نامداران برزن دهم

۲۲۰ که فرزند آرد ورا در جهان پدید آورد در میان مهان

مرا دخترانند مانند تو	ز تخم تو و پاك پیوند تو
گر از تخم کی آرش و کی پشین	بخواهد بشادی کنند آفرین *
بدوگفت * این خود به کام منست	بزرگی به فرجام نام منست * ۲۲۰
سیاوش بشبگیر شد نزد شاه	همی آفرین خواند برناج و گاه
پدر با پسر رازگفتن گرفت	ز بیگانه مردم نهفتن گرفت
همی گفت که ز کردگار جهان	یکی آرزو دارم اندر نهان * ۲۲۸
که ماند ز تو نام من یادگار	ز تخم تو آید یکی شهریار
چنان کز تو من گشته ام تازه روی	تو دل برگشانی به دیدار اوی
چنین یافتم اخترت را نشان	ز گفت ستاره شمر موبدان * ۲۳۱
که از پشت تو شهریاری بود	که اندر جهان یادگاری بود
کنون از بزرگان یکی برگزین	نگه کن پس پرده کی پشین
به خان کی آرش همان نیز هست	ز هرسو بیارای و بپساو دست * ۲۳۱
بدو گفت * من شاه را بنده ام	به فرمان و رایش سرافکنده ام
هر آن کس که او برگزیند رواست	جهاندار بر بندگان پادشاست

۲۱۱ بدین داستان نیز شب برگذشت	سپهر از برِ کوه تیره بگشت
نشست از بر تخت سوداوه شاد	زیاقوت و زر افسری بر نهاد
همه دختران را بر خویش خواند	بیاراست و بر تخت زرین نشاند

ب ۲۲۲، درج: . که فرزند دارد. آمده است. مطابق نسخ دیگر اصلاح شد. مصراع دوم هم در نسخه های دیگر به غیر این صورت است. مطلب بیت چندان روشن نیست، شاید بتوان چنین تأویل کرد که «آن زن از برای سیاوش فرزندی بیاورد، و آن فرزند باعث بقای نام او، با علم شدن او، در میان مردم بشود». اما مصراع دوم را این طور دارد: پدید آید اندر میان مهان.

- ۱۱۱ چنین گفت با هرزبد ماه روی که ز ایدر برو با سیاوش بگوی
که باید که رنجه کنی پایِ خویش نمائی مرا سرو بالای خویش
بشد هرزبد با سیاوش گفت برآورد پوشیده راز از نهفت
۲۰۱ خرامان بیامد سیاوش برش بدید آن نشست و سر و افرش
به پیشش بتان نوآئین بپای نوگفتی بهشتت کاخ و سرای
فرود آمد از تخت و شد پیش اوی به گوهر بیاراسته روی و موی
۲۰۰ سیاوش بر تخت زرین نشست ز پیشش به کش کرده سوداوه دست
بتان را به شاه نوآئین نمود که بودند چون گوهر ناپسود
- چو ایشان برفتند سوداوه گفت که «چندین چه داری سخن در نهفت؟» ۲۱۱
نگویی مرا تا مراد تو چیست؟ که بر چهر تو فرّ چهر پرست
هر آن کس که از دور بیند ترا شود پیش و برگزیند ترا
به پاسخ سیاوش چو نگشاد لب پری چهره برداشت از رخ قصب ۲۱۲
بدو گفت «خورشید با ماه نو گرایدونکه بینند برگاه نو
نباشد شگفت از شود ماه خوار تو خورشید داری خود اندر کنار
- ۲۱۶ کسی کو چو من دید برتخت عاج زیاقوت و پیروزه برسرش تاج
نباشد شگفت از به مه ننگرد کسی را بخوبی بکس نشمرد
اگر با من اکنون تو پیمان کنی نیبچی و اندیشه آسان کنی
۲۱۹ یکی دختری نارسیده بجای کنم چون پرستار پیشت بپای
به سوگند پیمان کن اکنون یکی ز گفتار من سر مپیچ اندکی
چو بیرون شود زین جهان شهریار تو خواهی بُدن زو مرا بادگار
۲۸۲ نمائی که آید به من برگزند بداری مرا همچو او ارجمند
من اینک به پیش تو استاده‌ام تن و جان شیرین ترا داده‌ام

۲۸۰ سرش تنگ بگرفت و يك پوسه جاك
 رُخان سیاوش چو گل شد ز شرم
 چنین گفت با دل که « از کار دیو
 ۲۸۸ نه من با پدر بیوفائی کنم
 و گر سرد گویم بدین شوخ چشم
 یکی جادوی سازد اندر نهران
 ۲۹۱ همان به که با او به آواز نرم
 سیاوش از آن پس به سوداوه گفت
 نمائی مگر نیمه ماه را
 ۲۹۴ کنون دخترت بس که باشد مرا

برین باش و با شاه ایران بگویی
 بخوام من او را و پیمان کنم
 که تا او نگردد ببالای من
 و دیگر که پرسیدی از چهر من
 مرا آفریننده از فرّ خویش
 تو این راز مگشای و با کس مگویی
 سر بانوائی و هم مهتری
 بگفت این و نغمگین برون شد بدر
 چو کاووس کی در شبستان رسید
 بر شاه شد زان سخن مژده داد
 که « آمد نکه کرد ایوان همه
 چنان بود ایوان ز بس خوب چهر

نکه کن که پاسخ چه یابی از وی
 زبان را بنزدت گروگان کنم
 ۲۹۷ نیاید به دیگر کسی رای من
 بیامیخت با جان تو مهر من
 چنان آفرید ای نگارین ز پیش
 ۳۰۰ مرا جز نهفتن همان نیست روی
 من ایدون گمانم که تو مادری
 ز گفتار او بود آسیمه سر
 ۳۰۲ نکه کرد سوداوه او را بدید
 ز کار سیاوش بسی کرد یاد
 بتان سیه چشم کردم رمه
 ۳۰۶ که گفتی همی بارد از ماه مهر

ابو علي بن سينا

چهارمقاله در باره ابو علي بن سينا

ابوالعباس مأمون خوارزمشاه وزیری داشت نام او ابوالحسین احمد بن مُحَمَّد السَّهلی^(۱)، مردی حکیم طبع و کریم نفس و فاضل، و خوارزمشاه همچنین حکیم طبع^(۲) و فاضل دوست بود، و بسبب ایشان چندین حکیم و فاضل بر آن درگاه جمع شده بودند چون ابوعلی سينا و ابوسهل مسیحی و ابوالخیر^(۳) خَمَّار و ابوریحان بیرونی و ابونصر عراق^(۴). اما ابونصر عراق برادرزادهٔ خوارزمشاه بود، و در علم ریاضی و انواع آن ثانی بطلمیوس بود، و ابوالخیر خَمَّار در طب ثالث بُقراط و جالینوس بود، و ابوریحان در نجوم بجای ابومعشر و احمد بن عبدالجلیل بود^(۵)، و ابوعلی سينا و ابوسهل مسیحی خلف ارسطاطالیس^(۶) بودند در علم حکمت که شامل است همه علوم را. این طایفه در آن خدمت دنیاوی بی‌نیازی داشتند و با یکدیگر انسی در محاورت^(۷) و عیسی در مکاتبت می‌کردند. روزگار^(۸) بر نپسندید و فلک روانداشت، آن عیش بر ایشان منقُص^(۹) شد و آن روزگار بر ایشان بزبان آمد^(۱۰). از نزدیکی سلطان یمین الدوله محمود معروفی رسید با نامه‌ای، مضمون نامه آنکه: شنیدم که در مجلس خوارزمشاه چند کس اند از اهل فضل که عديم التظیرند^(۱۱) چون فلان و فلان، باید که ایشان را بمجلس ما فرستی، تا ایشان شرف مجلس ما حاصل کنند، و ما بعلوم و کفایات ایشان مُستظهر شویم، و آن منت از خوارزمشاه داریم. و رسول وی خواجه

(۱) ا. ب. ط: -: چن (متن): السهلی (در غلظنامه اصلاح شده) رک: تعلیقات (م. م) (۲)

جمع نسخ غیر از ق: - طبع. (۳) ا. ب. ط: ابوالحسن. (۴) ق: عراقی. (در همهٔ مواضع این

حکایت). (۵) جمع نسخ غیر از ق: - ابوریحان... عبدالجلیل بود.

(۶) ا. ارسطاطالیس: ب. ط: ارسطو و ارسطاطالیس. (۷) ا. ق، ط: مجاورت. (۸) ا. ب: +

چنانکه عادت روزگار است: ط: چنانچه عادت اوست. (۹) ا. ب: منقُص گردانید... و بزبان

آورد.

۱ - تکرار فعل. ۲ - (امف) از تنغیص، تیره ساختن عیش بر کسی (ار منتهی الارب).

۳ - از جانب. ۴ - بی‌تظیر، بی‌مانند. ۵ - (انا) از استظهار، یاری خواننده.

حسین بن علی میکال^(۱) بود که یکی از افاضل و امثال^۲ عصر و اعجوبه‌ای^۳ بود از رجال زمانه، و کار محمود در اوج دولت، مُلک او رونقی داشت و دولت او عُلوی^(۴) و ملوک زمانه او را مراعات همی کردند و شب ازو باندیشه همی خفتند. خوارزمشاه خواجه حسین میکال را بجای نیک فرود آورد و علفه^(۵) شگرف^۶ فرمود، و پیش از آنکه او را بار داد حکما را بخواند، و این نامه بر ایشان عرضه کرده و گفت: «محمود قوی دست است و لشکر بسیار دارد، و خراسان و هندوستان ضبط کرده است، و طمع در عراق بسته، من نتوانم که مثال او را امتثال نمایم، و فرمان او را بتفاد^۷ نپیوندم، شما درین چه گوید؟» ابوعلی و ابوسهل گفتند: «ما نرویم^(۸) اما ابونصر و ابوالخیر^(۹) و ابوریحان رغبت نمودند که اخبار صلاّت و هبات^{۱۰} سلطان همی شنیدند. پس خوارزمشاه گفت: «شما دو تن را که رغبت نیست پیش از آنکه من این مرد را بار دهم^(۱۱)، شما سر خویش گیرید» پس خواجه اسباب ابوعلی و ابوسهل بساخت، و دلیلی همراه ایشان کرد، و از راه بیابان روی بگرگان نهادند^(۱۲). روز دیگر خوارزمشاه حسین علی میکال را بار داد و نیکوییها پیوست، و گفت: «نامه خواندم و بر مضمون نامه فرمان پادشاه و قوف افتاد، ابوعلی و ابوسهل برفته‌اند، لیکن ابونصر و ابوریحان و ابوالخیر بسیج میکنند^(۱۳) که پیش خدمت آیند.» و باندک روزگار برگ ایشان بساخت^{۱۵} و با خواجه حسین میکال فرستاد، و ببلخ بخدمت سلطان یمن الدوله محمود

(۱) (در اینجا): میکایل (و در بانی مواضع): میکائیل؛ ط: میکائیل. (۲) ا. ب: از علو.

(۳) ا. ب، ط: و اسباب افست. (۴) ا. ب، ط: ما خدمت ترا ترک نتوانیم گفت (ونی - ط) بهیچوجه

سوی او نرویم. (۵) ا. ب، ط: ابوالحسین. (۶) ا. ب: خوارزمشاه گفت شما دو ترک را پیش

خوانم. (۷) ا. ب، ط: و از راه بیابان روی بمانزندان نهادند. (چن)؛ متن چن: و از راه گرگان روی

بگرگان نهادند (م.م.) (۸) ا. ب، ط: میکم.

۱- ج. افضل، دانشمندتر. ۲- ج. امثل بمعنی افضل. امثال القوم، برگزیدگان قوم.

۳- (بضم اول و درم و فتح پنجم) کار شگفت، شگفت. (منتهی الارب)، آنچه شخص یا شیء که مردم را بنمیب اندازد. (غیاث). ۴- حذف فعل بفرینه. ۵- بفتح اول و دوم و سوم، آنچه پادشاهان برای پذیرانی سفرا و لوازم نگاهداشت ایشان و ملازمان و اتباع و دواب ایشان بحرف رساند (ذیل

قوامیس عرب از دزی). (چن). برای غیرسفرانیزآمده. فس: علوفها (تاریخ بیهقی مصحح دکتر قیاض ص ۳۶).

۶- (بکسر اول و فتح دوم)، نیکو و عجیب و بزرگ (غیاث). صفت شیء. رک: ص ۳۲ و ۳ و ح ۳. و فس:

ص ۷۳ و ۵. ۷- بفتح اول، روان شدن و جریان امر و قول

۸- ج. هبه (مص)، بخشش و شرعاً تملیک عین بلاعوض. و بسا چیز بحثینده را هبه گویند (اقرب المراد: و هب).

۹- بسیج کردن، آماده گردیدن خصوصاً آماده سفر شدن و کار سفر را ساختن. رک: برهان (سیح، بسبیدن).

آمدند و بحضرت او پیوستند، و سلطان را مقصود از ایشان ابوعلی بوده بود؛ و ابونصر عراق نقاش بود، بفرمود^(۱) تا صورت ابوعلی بر کاغذ نگاشت، و نقاشان را بخواند تا بر آن مثال چهل صورت نگاشتند. و با مناشیر^۱ باطراف فرستادند، و از اصحاب اطراف^۲ در خواست که^(۳) «مردی است بدین صورت و او را ابوعلی سینا گویند، طلب کنند و او را بمن فرستند!» اما چون ابوعلی و ابو سهل باکس^(۴) ابوالحسن السهلی^(۵) از [نزد] خوارزمشاه^(۶) برفتند، چنان کردند که بامداد را پانزده فرسنگ رفته بودند، بامداد بسر چاهساری^۲ فرود آمدند. پس ابوعلی تقویم برگرفت و بنگریست تا بچه طالع بیرون آمده است. چون بنگرید روی بابوسهل کرد و گفت: «بدین طالع که ما بیرون آمده ایم^(۷)، راه گم کنیم و شدت بسیار بینیم.» بوسهل گفت: «رَضِينَا بِقَضَاءِ اللَّهِ»، من خود همی دانم که ازین سفر جان نبرم که تسیره^۸ من درین دو روز بعیوق^۹ میرسد و او قاطع است، مرا امیدی نمانده است، و بعد ازین میان ما ملاقات نفوس خواهد بود^(۱۰). پس برانندند. ابوعلی حکایت کرد که روز چهارم بادی برخاست و گرد برانگیخت، و جهان تاریک شد، و ایشان راه گم کردند، و باد طریق را محو کرد، و چون باد بیارامید، دلیل از ایشان^(۸) گمراه تر شده بود، در آن گرمای

(۱) ا، ب، ط: - ابونصر نقاش را بفرمود.

(۲) ا، ب: نگاشتند و باطراف فرستاد و از اصحاب باطراف و ارباب مشاهیر درخواست که: ق: نگاشتند و باطراف فرستادند و از اصحاب اطراف و مناشیر درخواست که: ط: نگاشتند باطراف فرستاد و آنرا بازیاب مشاهیر حواله کرد. که. - متن تصحیح قیاسی است.

(۳) ا: - ابو سهل باکس.

(۴) ا، ب، ط: - باکس ابوالحسن السهلی: ق: ابوالحسن السهلی. (چن) و رک: ح (۱) ص ۱۱۸ (م.م).

(۵) ط: از خوارزم: ق: بگرگان.

(۶) ا، ب، ط (نقط): بچه طالع بیرون آمده است گفت. (۷) ا، ب: نمانده است.

(۸) ا: دلیل هزار بار ازین: ب: دلیل هزار بار از من: ط: -.

۱ - جمع منشور است و منشور عبارت است از احکام سلطانی که مختم نباشد (یعنی سرماز باشد). از نسر بمعنی باز کردن و گستردن) و آنرا اکنون فرمان گویند (تاج المروس) (چن).

۲ - صاحبان جواب. رؤسی نوحی.

۳ - از: چاه ۶ سار (۶ سر)، موضعی که در آن چاه است. کنار چاه، چاه، مخفف آن چاهسر. رک: فهرست شاهنامه و نف.

۴ - ما بحکم خدا خستودیم.

۵ - رک: ص ۸۸ ح ۷.

۶ - ستاره‌ای سرخ رنگ و روشن در کنار راست کهکشان، که پس نرمی برآید و پیش آن شود (غیاث).

بیابان خوارزم از بی‌آبی و تشنگی بوسهل مسیحی بعالم بقا انتقال کرد، و دلیل^(۱) و ابوعلی با هزار شدت بیارود^(۲) افتادند، دلیل بازگشت^(۳)، و ابوعلی بطوس رفت و بنشاپور رسید، خلقی را دید که ابوعلی را میطلبیدند، متفکر بگوشه‌ای فرود آمد، و روزی چند آنجا بود، و از آنجا روی بگرگان نهاد که قابوس پادشاه گرگان بود، و مردی بزرگ و فاضل دوست و حکیم طبع بود. ابوعلی دانست که او را آنجا آفتی نرسد، چون بگرگان رسید، بکاروانسرای^(۴) فرود آمد. مگر در همسایگی او یکی بیمار شد، معالجت کرد، به شد. بیماری دیگر را نیز معالجت کرد، به شد. بامداد قاروره^۱ آوردن گرفتند، و ابوعلی همی‌نگریست و دخلش پدید آمد، و روز بروز می‌افزود. روزگاری چنین میگذاشت. مگر یکی از اقرباء قابوس^(۵) و شمشگیر را که پادشاه گرگان بود^(۶) عارضه‌ای پدید آمد و اطباء بمعالجت او برخاستند و جهد کردند و ۱۰ جدی تمام نمودند، علت بشفا نیوست، و قابوس را عظیم در آن دلبستگی بود، تا یکی از خدم قابوس را گفت که در فلان تیم^۱ جوانی آمده است عظیم طیب و بغایت مبارک دست، و چند کس بر دست او شفا یافت. قابوس فرمود که «او را طلب کنید و بسر بیمار برید تا معالجت کند، که دست از دست مبارک‌تر بود^(۷)». پس ابوعلی را طلب کردند و بسر بیمار بردند. جوانی دید بغایت خوبری و متناسب اعضا، خط اثر کرده^(۸) و زار افتاده، پس بنشست و نبض او بگرفت و تفسره^۲ بخواست و بدید، پس گفت: «مرا مردی می‌باید که غرفات^(۹) و محلات^۵ گرگان را همه شناسد.»

(۱) ا. ب. + بازگشت؛ ط: - دلیل. (۲) ا. ب. ط: بایبورد.

(۳) جمیع نسخ غیر از ق: - دلیل بازگشت.

(۴) جن: بکاروانسرای (م.م.) (۵) ا. ب.: قابوس.

(۶) جمیع نسخ غیر از ق: - که پادشاه گرگان بود.

(۷) جمیع نسخ غیر از ق: - که دست ... مبارک‌تر بود.

(۸) ط: خط بر کرده (فروزانفر).

(۹) ط: طرفات (راهها) بدلیل س ۵ و ۶ صفحه بعد (فروزانفر).

۱- شیشه کوچکی مدور که بصورت مثانه سازند و در آن بول کنند و چون بول را نیز بدین نام خوانند، پس این مجازاً باشد تشبیه حان باسم محل (غیثات بتقل از بحر الجواهر و لطایف).

۲- کاروانسرا (نعت فرس ص ۴۳۲)، نیمچه، کاروانسرای کوچک (برهان)

۳- رک: ص ۱۰۷ س ۱ و ح ۲.

۴- بضم اول و دوم، نیز بضم اول و فتح دوم، نیز بضم اول و سکون دوم؛ ج. غرفه (بضم اول)، برواره (منتهی الارب)، بالاخانه، رک: اقرب الموائد. جای باش (منتهی الارب)

۵- ج. محله، جای فرود آمدن، از ص ۱۲۱ س ۳-۴ برمی‌آید که هر محله شامل چند کوی است.

بیاوردند و گفتند: «اینک!» ابوعلی دست بر نبض بیمار نهاد و گفت: «برگویی^(۱) و محلتهای گرگان را نام برده!» آن کس آغاز کرد و نام محلتهای گفتن گرفت تا رسید بمحلتی که نبض بیمار در آن حالت حرکتی غریب کرد. پس ابوعلی گفت: «ازین محلّت کویها برده!» آن کس بر داد^۱ تا رسید بنام کوی که آن حرکت غریب معاودت کرد^(۲). پس ابوعلی گفت: «کسی میباید درین کوی همه سرایها را بداند.» بیاوردند، و سرایها را بر دادن^۱ گرفت تا رسید بدان سرایی که این حرکت باز آمد. ابوعلی گفت: «اکنون کسی میباید که نامهای اهل سرای بتمام داند و بر دهد.» بیاوردند. بر دادن^۱ گرفت تا آمد بنامی که همان حرکت حادث شد. آنکه^(۳) ابوعلی گفت: «تمام شد.» پس روی بمعتمدان قابوس کرد و گفت: «این جوان در فلان محلّت و در فلان کوی و در فلان سرای بر دختری فلان و فلان نام عاشق است، و داروی او وصال^۲ آن دختر است و معالجت او دیدار او باشد.» پس بیمار گوش داشته بود و هر چه خواجه ابوعلی میگفت می شنید، از شرم سر در جامه خواب کشید. چون استطلاع^۳ کردند همچنان بود که خواجه ابوعلی گفته بود. پس این حال را پیش قابوس رفع کردند^۴. قابوس را عظیم آمد و گفت: او را بمن آرید! خواجه ابوعلی را پیش قابوس بردند و قابوس صورت ابوعلی داشت که سلطان یمین الدّوله فرستاده بود. چون پیش قابوس آمد، گفت: «انت ابوعلی^(۴)؟» گفت: «نعم یا ملک معظم!»^(۵) قابوس از تخت فرود آمد و چند گام ابوعلی را استقبال کرد، و در

(۱) ا، ب: گفت کویها؛ ط: گفت نام کویها.

(۲) جمیع نسخ غیر از ق: - پس ابوعلی... معاودت کرد.

(۳) ق: - ابوعلی گفت... حادث شد آنکه.

(۴) ق: انت خواجه ابوعلی.

(۵) در متن جز: نعم [یا ایها الملک] معظم و در چفدا بصورت متن نصیح شده و مرحوم فروینی نوشته اند: بطرز عبارات فارسی مؤلف این مطلب را ادا کرده است مثل «یا اجل افضل اکمل» در صفحه بعد (انتهی)؛ در روضة الانوار ص ۲۷۷: گفت. آری ای منک معظم (م.م.)

۱. بردادن، ذکر کردن، یاد کردن، رک: س ۶، همین صفحه و س ۵-۱۰ صفحه معد و توضیح بایان تعلیقات.

۲. یکسر اول: (مصن) دوستی بی آمیخ و بی غرض کردن (منتهی الارب)، پیوستن.

۳. (مصن) آنگامی جشن، اطلاع خواستن (عیان)، استخبار، بر رسیدن (لفت نامه دهخدا)

۴. رک: ص ۳۰ س ۱ و ح ۱.

۵. گفت تو ابوعلی هستی؟ گفت: آری ای پادشاه بزرگ!

کنارش گرفت، و با او بر یکی نهالی پیش تخت^(۱) بنشست، و بزرگیها پیوست^(۲)، و نیکو پرسید و گفت: «اجل افضل و فیلسوف اکمل کیفیت این معالجه البتّه باز گوید^(۳)». ابوعلی گفت: «چون نبض و تفسره^۱ دیدم مرا یقین گشت که علت عشق است و از کتمان^۲ سرّ حال بدینجا رسیده است، اگر از وی سؤال کنم راست نگوید، پس دست بر نبض او نهادم، نام محلات^۳ بگفتند، چون بمحلت معشوق رسید، عشق^(۴) او را بجنبانید، حرکت بدل شد، دانستم که در آن محلت است، بگفتم تا نام کویها بگفتند، چون نام کوی معشوق خویش شنید^(۵) همان معنی حادث شد، نام کوی نیز بدانستم. بفرمودم تا سراپها را نام بردند، چون بنام سرای معشوق رسید^(۶) همان حالت ظاهر شد، سرای نیز بدانستم. بگفتم تا نام همه اهل سرای بردند، چون نام معشوق خود بشنید بغایت متغیر شد، معشوق را نیز بدانستم. پس بدو گفتم و او متکرر توانست شدن، مقرر آمد. قابوس ازین معالجت شگفتی بسیار نمود و متعجب بماند، و الحق جای تعجب بود. پس گفت: «یا اجل افضل اکمل! عاشق و معشوق هر دو خواهرزادگان^۲ منند و خاله زادگان^۲ یکدیگر، اختیاری^۲ بکن تا عقد ایشان بکنیم.» پس خواجه ابوعلی اختیاری پسندیده بکرد^(۷) و آن عقد بکردند، و عاشق و معشوق را بهم پیوستند^(۸)، و آن جوان پادشاه زاده خوب صورت^(۹) از چنان رنجی که بمرگ نزدیک بود برست. بعد از آن قابوس خواجه ابوعلی را هر چه نیکوتر بداشت، و از آنجا بری شد و بوزارت شهنشاه علاءالدوله افتاد، و آن خود معروف است اندر تاریخ^(۱۰) ایام خواجه ابوعلی سینا.

(۱) ا، ب، ط: در یکجا (بجای: بر یکی نهالی پیش تخت). (۲) جمع نسخ غیر از ق: - و بزرگیها پیوست. (۳) ا، ب، ط: بازگویی. (۴) ق: - هشق. (۵) ا، ب، ط: چون بدان کوچه رسیدم. (۶) ا، ب، ط: چون در کوچه از نام کویها (سراپها - ب، ط) پرسیدم. (۷) جمع نسخ غیر از ق: - پس خواجه ابوعلی پسندیده بکرد: ط: پس ساعتی خوب. (۸) جمع نسخ غیر از ق: - و عاشق... پیوستند. (۹) جمع نسخ غیر از ق: - خوب صورت. (۱۰) ا: در کتاب تواریخ: ب در کتب تواریخ: ط: در تواریخ: ق: اندر کتاب تاریخ متن تصحیح فیاسی است.

۱- رک. ص ۱۰۷ س ۱ و ح ۲. ۲- (بکر اول، مص) پنهان داشتن (منتهی الارب).
 ۳- مسند جمع بحای مفرد. ۴- رک. ص ۸۸ س ۱۰ ح ۸

قصیده می

غذای روح بود باده رحیق الحرق	که رنگ و بوش کند رنگ و بوی گل را دقت
برنگ زنگ زدايد ز جان انده کین	همای گردد اگر جرعه می بنوشد بق
بطعم تلخ چو پند پدر وایک مفید	بیش مبطل باطل بنزد دانا حق
می از جهالت جهال شد بشرع حرام	چومه که از سبب منکران دین شد شوق
حلال گشته بفتوای عقل بر دانا	حرام گشته باحکام شرع بر احمق
شراب را چه گنه ز آنکه ابلهی نوشد	زبان بهره گشاید دهد زدست ورق
حلال بر عقلا و حرام بر جهال	که می محک بود و خیر و شر از مثنوق
غلام آن می صافم کز و رخ خوبان	بیک دو جرعه بر آرد هزار گونه عرق
چو بوعلی می تاب از خوری حکیمانه	بحق حق که وجودت شود بحق ملحق

رباعی

دل گر چه درین باده بسیار شافت	یک موی نداست ولی موی شکفت
اندر دل من هزار خورشید بتافت	و آخر بکمال فده بی راه نیافت

تا باده عشق در قدح ریخته اند	و در بی عشق عاشق انگبخته اند
با جان و روان بوعلی مهر علی	چون شیر و شکر بهم بر آمیخته اند

کفر چو منی گزاف و آسان نبود	محکم تر از ایمان من ایمان نبود
در دهر چو من یکی و او هم کافر	پس در همه دهر یک مسلمان نبود

ایکانش بدانمی که من کبشمی	سر گشته بهالم از بی چبشمی
گر مقبلم آسوده و خوش زیبشمی	ور نه بهزار دیده بگریبشمی

رفت آن گهری که بود پیرایه عمر	و آورد زمانه طاق سرمایه عمر
از موی سپیدم سرستان امید	بنگر که سیاه میکنند دابه عمر

می دشمن مست و دوست خوشیارست
 اندك تریاك و بیش زهر مار
 در بسیارش مضرت اندك نیست
 در اندك او منفعت بسیارست

با دشمن من چودوست بسیار نشست
 با دوست نبایدم دیگر بار نشست
 پرهیز از آن شکر که با زهر آمیخت
 بگریز از آن مگس که با مار نشست

با این دو سه نادان که چونین می دانند
 از جهل که دانای جهان آنان اند
 خر باش که این جماعه از فرط خری
 هر کو نه خر است کافرش می خوانند

عمر خیام

چهارمقاله در باره عمر خیام

۵ در سنه ست و خمسمایه بشهر بلخ در کوی برده‌فروشان در سرای امیر ابو سعد جره^(۳) خواجه امام عمر خیامی^(۴) و خواجه امام مظفر اسفزاری^(۵) نزول کرده بودند، و من بدان خدمت پیوسته بودم. در میان مجلس عشرت از حجة‌الحق^(۶) عمر شنیدم که او گفت: «گور من در موضعی باشد که هر بهاری شمال بر من گل افشان میکند»^(۷). مرا این سخن^(۸) مستحیل^(۹) نمود^(۱۰) و دانستم که چنوبی^(۱۱) گزاف^(۱۲) نگوید. چون در سنه ثلاثین بنشاور رسیدم، چهار (چند - ن) سال^(۱۳) بود تا آن بزرگ روی در نقاب خاک کشیده بود، و عالم سفلی از او یتیم مانده، و او را بر من حق استادی بود. آدینه‌ای بزیارت او رفتم و یکی را با خود ببردم که خاک او بمن نماید. مرا بگورستان حیره^(۱۴) بیرون آورد، و بر دست چپ^(۱۵) گشتم^(۱۶)، در پایین دیوار باغی خاک او دیدم نهاده، و درختان امرود و زردآلو سر از آن باغ بیرون کرده، و چندان برگ شکوفه بر خاک او ریخته بود که خاک او در زیر گل پنهان شده بود، و مرا یاد آمد آن حکایت که بشهر بلخ از او شنیده بودم. گریه بر من افتاد که در بیسط علم و اقطار ربع مسکون او راهیج جای نظیری نمیدیدم. ایزد تبارک و تعالی جای او در جنان آکناد پیمیه و کزویه.

(۱) ط: اما. (۲) ط: ورسد؛ ق: ورسدی. (۳) ا: کیخدا؛ ب، ط: کدخدا. (۴) ب: در دست بود. (۵) ا، ب، ط: این حکم. (۶) ا، ب: درست آید؛ ط: درست آمد. (۷) ا: بوسعد جره؛ بوسعد جره؛ ط: بوسعد. (۸) ط: خیام. (۹) ق: اسفراش؛ ط: اسفرازی (۱۰) ط: حجة‌الخلق. (۱۱) ا، ب، ط: موضعی باشد که هر سال دو بار بر من درختان گل افشان کنند. (۱۲) ق: + سخت. (۱۳) این جمله با مفاد جمله بعد که میگوید: «و دانستم که چنوبی گزاف نمیگوید» درست سازش ندارد و بعید نیست که در اصل «مرا مستحیل نمینمود (ط: نمود. م.م) بوده (فروان. پنما: ۵: ۵۰۴ - ۲۰۵). (۱۴) ا: چنوبی؛ ط: چواونسی. (۱۵) ق: گزافی. (۱۶) ا، ب، ط: و چند سال، این اختلاف نسخه بسیار مهمی است، رجوع کنید بتعلیقات. (۱۷) ق: جره. (۱۸) ق: جبا. (۱۹) ا، ب، ط: گشتم.

۱ - رک: ص ۳۷ س ۱۴ و ح ۸. ۲ - واو (خدای) دانانرست. (۳) (افا) از استعجاله، محال شمرودن و شدن (منتهی الارب).

رباعي

اسرار ازل را نه تو دانی و نه من
وین حرف معما نه تو خوانی و نه من
هست از پس پرده گفتگوی من و تو
چون پرده برافتد نه تو مانی و نه من

يك قطره آب بود و با دریا شد
آمد شدن تو اندرین عالم چیست
يك نره خاك و با زمین یکتا شد
آمد مگسی و ناپیدا شد

گر بر فلکم دست بودی چون یزدان
از نو فلکی دگر چنان ساختمی
بر داشتیمی من این فلك را ز میان
کاز اده به کام دل رسیدی آسمان

مقصود ز جمله آفرینش ماییم
این دایره جهان چوانگشتریست
در چشم خرد جوهر بینش ماییم
بی هیچ شکی نقش نگینش ماییم

ما لعبتک انیم و فلك لعبتبا
بازچه همی کنیم بر نعت وجود
از روی حقیقت نه که از روی مجاز
افتیم به صندوق عدم يك باز

ما خرقة زهد بر سر خم کردیم
باشد که ز خاك میکده دریابیم
وز خاك خرابات تیمم کردیم
آن عمر که در مدرسه ها گم کردیم

بر چهره گل نسیم نوروز خوش است
در صحن چمن روی للفروز خوش است
از دی که گذشت هر چه گویی خوش نیست
خوش باش و ز دی مگو که امروز خوش است

یاران چو به اتفاق میعاد کنید
ساقی چو می معانه بر کف گیرد
خود را به جمال یکنگر شاد کنید
ره مرا هم به دعا یاد کنید

هرگز دل من ز علم نشد
هفتاد و دو سال فکر کردم شب و روز
کم مانند ز اسرار که معلوم نشد
معلوم شد که هیچ معلوم نشد

اسدی طوسی

دو پرده درین گنبد لازورد^۱ بیند همی که سیه کاه زرد^۱
 بیازی همی زین دو پرده درون خیال آرد از جانور گونه کون
 در گونه همی دم^۲ زند سال زماه یکی دم سپید و یکی دم سیاه
 بدین هر دو دم کو بر آرد همی^۳ شمار^۴ دم ما سر آرد همی
 چو دریاست این گنبد نیلگون جهان چون جزیره میانش درون
 شب و روز دروی چو دو موج بار یکی موج از زرد و دیگری زقار^۵
 چو بر روی میدان پیروزه رنگ دو جنگی سوار این زروم آن زرنک
 یکی از بر خنک^۶ زرین چتاغ^۷ یکی بر نوندی^۸ سیه تر ز زاغ
 یکی آخته^۹ نیغ زرین زبر یکی بر سر آورده سیمین سپر

-
- ۱ - لازورد: لاجورد، سنگی کیود که از آن نگین انگشتری سازند و ساییده آنرا در نقاشی و تذهیب بکار میبردند. گنبد لاجورد: آسمان.
 - ۲ - از شب و روز پرده می تعبیر شده است که لعبت بازان می بینند تا لعینان را هنگام نمایش از آنها بیرون آرند.
 - ۳ - دم^۱ نفس، هوایی که از ریه برآورد.
 - ۴ - دم^۲ بر آوردن، نفس زدن.
 - ۵ - شمار: حساب، شماره.
 - ۶ - قار: فیر.
 - ۷ - خنک، اسب سپید، مطلق اسب.
 - ۸ - چتاغ: دست زین.
 - ۹ - نوند: اسب تیزرو، مطلق اسب.
 - ۱۰ - آختن: بر کشیدن نیغ و امثال آن.

دقیقی

برخیزو برافروز، هلا، قبله زردشت^۱
 بنشین و برافکن شکم قائم^۲ برپشت
 بس کس که ز زردشت بگردیده^۳، دگر بار
 ناچار کند روی سوی قبله زردشت
 من سرد نیابم^۴، که مرا ز آتش هجران
 آتشکده گشته ست دل و، دیده چو چرخشت
 گر دست به دل برنهم، از سوختن دل
 انگشت شود بی شک در دست من انگشت
 ای روی تو چون باغ^۵ و همه باغ بنفشه
 خواهم که بنفشه چنم^۶ از زلف تو یک مشت
 آن کس که مرا کشت، مرا کشت و ترا زاد
 و آن کس که ترا زاد، ترا زاد و مرا کشت^۷

(۱) قبله زردشت، آتش.

(۲) شکم قائم، پوست پرموی قائم که از آن پوششی گرم و نرم سازند.

(۳) بگردیده، روی گردانده

(۴) سرد نیابم، احساس سرما نمی‌کنم.

(۵) چون باغ، به رنگه و نگار چون باغ.

(۶) چنم، چنم.

• این شعر را به نام عسجدی شاعر نیز آورده‌اند.

گرگانی

یکی دختر که چون آمد ز مادر
 که و به را سخنها بود یکسان
 همه در روی او خیره بماندند
 چو قامت بر کشید آن سرو آزاد
 خرد در روی او خیره بماندی
 گهی گفتی که این باغ بهارست
 بنفشه زلف و نرگس چشمکانت
 گهی گفتی که این باغ خزانست
 سیه زلفینش انگورِ بیارست^۱
 گهی گفتی که این کنج شهانست
 رخس دیبا و اندامش حریرست
 تنش سیمت و آب باقوت نابت^۲
 گهی گفتی که این باغ بهشتست
 تنش آبست و شیر و می رخانش
 روا بود آر خرد زو خیره کشتی
 دو رخسارش بهار دلبری بود
 بچهره آفتاب نیکوان بود
 شب تاریک را یزدود چون خور
 که بارب صورتی باشد بدین سان؟!
 بنام او را خجسته و بس خواندند
 که بودش تن زسیم و دل زیولاد،
 ندانستی که آن بت را چه خواندی
 که در دی لاله‌های آبدارست
 چو نسرین عارض^۱ لاله رخانست
 که دروی میوه‌های مهرگانست^۲
 زَنخ^۱ سیب و دروستانش دونا رست
 که دروی آرزوهای جهانست
 دو زلفش غالیه، کیسو تعبیر^۱ ست
 همان دندان او دُر خوشابست^۲
 که یزدانش ز نور خود سرشتست
 همیدون^۴ انگبینست آن لبانش
 کجا چشم فلک زو تیره کشتی
 دو دیدارش هلاک صابری بود
 بغمزه استاد جادوان بود

3. Переводы текстов

Рӯдакӣ

Фрагмент из «Четырех Бесед» Низāми 'Арӯзи Самарқандӣ о Рӯдакӣ

Бухарская касыда

*Плещет, блещет Мулиен, меня зовет,
Та, в которую влюблен, меня зовет,
Под ногами, словно шелк, пески Аму,
Трудный брод, зеленый склон меня зовет.
Там, где пена по колена скакунам,
Там Джейхуна слышен стон: меня зовет.
В город счастья, в Бухару, лети, эмир,
Шлет она тебе поклон, меня зовет.
Ты — Луна, а Бухара — небесный свод,
Что, Луною озарен, меня зовет.
Ты платан, а Бухара — цветущий сад,
Листьев шум, пернатых звон меня зовет*¹⁸³.

*Ветер, вей от Мульяна, к нам доходит.
Чары яр моей желанной к нам доходят.
Что нам брод Аму шершавый? Нам такой,
Как дорожка златотканая, подходит.
Смело в воду! Белоснежным скакунам
По колена пена пьяная доходит.
Радуйся и возликуй, о Бухара:
Шах к тебе, венчанная, приходит.
Он — как тополь! Ты — как яблоневый сад!
Тополь в сад благоухания приходит.
Он — как месяц! Ты — как синий небосвод!
Ясный месяц в небо раннее восходит*¹⁸⁴.

Жалоба на старость

*Все зубы выпали мои, и понял я впервые,
Что были прежде у меня светильники живые.
То были слитки серебра, и перлы, и кораллы,
То были звезды на заре и капли дождевые.
Все зубы выпали мои. Откуда же злосчастье?
Быть может, мне нанес Сатурн удары роковые?
О нет, не виноват Сатурн. А кто? Тебе отвечу:*

¹⁸³ Перевод С. Липкина. См.: Антология... С. 37.

¹⁸⁴ Перевод И. Сельвинского. Рудаки. Стихи. С. 109.

*То сделал Бог, и таковы законы вековые.
Так мир устроен, чей удел — вращенье и круженье,
Подвижно время, как родник, как струи водяные.
Что ныне снадобьем слывет, то завтра станет ядом,
И что же? Лекарством этот яд опять сочтут больные.
Ты видишь: время старит все, что нам казалось новым,
Но время также молодит деяния былые.
Да, превратились цветники в безлюдные пустыни,
Но и пустыни расцвели, как цветники густые.
Ты знаешь ли, моя любовь, чьи кудри словно мускус,
О том, каким твой пленник был во времена иные?
Теперь чаруешь ты его прелестными кудрями, —
Ты кудри видела его в те годы молодые?
Прошли те дни, когда как шелк, упруги были щеки,
Прошли, исчезли эти дни и кудри смоляные.
Прошли те дни, когда он был желанным, милым гостем,
Он, видно, слишком дорог был, взамен пришли другие.
Толпа красавиц на него смотрела с изумленьем,
И самого его влекли их чары колдовские.
Прошли те дни, когда он был беспечен, весел, счастлив,
Он радости большие знал, печали — небольшие.
Деньгами всюду он сорил, турчанке с нежной грудью
Он в этом городе дарил дирхемы золотые.
Желали насладиться с ним прекрасные рабыни,
Спешили, крадучись, к нему, тайком, в часы ночные,
Затем, что опасались днем являться на свиданье, —
Хозяева страшили их, темницы городские!
Что было трудным для других, легко мне доставалось, —
Прелестный лик, и стройный стан, и вина дорогие.
Я сердце превратил свое в сокровищницу песен,
Моя печать, мое тавро — мои стихи простые.
Я сердце превратил свое в ристалище веселья,
Не знал я, что такое грусть, томления пустые.
Я в мягкий шелк преображал горячими стихами
Окаменевшие сердца, холодные и злые.
Мой слух всегда был обращен к великим словотворцам,
Мой взор красавицы влекли, шалуньи озорные.
Забот не знал я о жене, о детях, о семействе,
Я вольно жил, я не слышал про тяготы такие.
О если б, милая, меня ты видела в те годы,
А не теперь, когда я стар и дни пришли плохие.
Тогда звенел я соловьем, слагая песнопенья,
Тогда я гордо обходил пути, края земные.*

Тогда я был слугой царям и многим — близким другом,
 Теперь стихи мои живут во всех чертогах царских, —
 В моих стихах живут цари, дела их боевые.
 Засушился Хорасан твореньями поэта,
 Их переписывал весь мир, чужие и родные.
 Куда бы я ни приходил в жилища благородных,
 Я всюду яства находил и кошелю тугие.
 И тем и этим я владел в блестящий век Саманов,
 От них — величье и добро и радости мирские.
 Мне сорок тысяч подарил властитель Хорасана,
 Пять тысяч дал эмир Макан — даренья недурные.
 У слуг царя, по мелочам, набрал я восемь тысяч,
 Счастливей, песни я слагал правдивые, прямые.
 Лишь должное воздал эмир мне щедростью подобной,
 А слуги, следуя царю, раскрыли кладовые.
 Но изменились времена, и сам я изменился,
 Дай посох: с посохом, с сумой должны брести седые ¹⁸⁵.

Во рту — ни единого зуба. Давно искрошились они.
 Не зубы — то светочи были в мои золотые дни.
 Как серебро, как жемчуг они сверкали тогда,
 Как перлы дождя, как светлая утренняя звезда...
 Но годы весны сменились годами суровой зимы.
 Дай посох! Настало время для посоха и сумы ¹⁸⁶.

Мать вина

Нам надо мать вина сперва предать мученью.
 Затем само дитя подвергнуть заключенью.
 Отнять нельзя дитя, покуда мать жива, —
 Так раздави ее и растопчи сперва!
 Ребенка малого не позволяют люди
 До времени отнять от материнской груди:
 С весны до осени он должен целиком
 Семь полных месяцев кормиться молоком.
 Затем, кто чтит закон, Творцу хвалы возносит, —
 Мать в жертву принесет, в тюрьму ребенка бросит.
 Дитя, в тюрьму попав, тоскуя от невзгод,
 Семь дней в беспамятстве, в смятенье проведет.
 Затем оно придет в сознание постепенно,
 Забродит, забурлит, — и заиграет пена.

¹⁸⁵ Перевод С. Липкина. См.: Рудаки. Стихи. С. 26—36.

¹⁸⁶ Перевод В. Левика. См.: Лирика... С. 3.

То бурно прянет вверх, рассудку вопреки,
 То буйно прыгнет вниз, исполнено тоски.
 Я знаю, золото на пламени ты плавяшь,
 Но плакать, как вино, его ты не заставишь.
 С верблюдом бешеным сравню дитя вина,
 Из пены вздыбленной родится Сатана!
 Все дочиста собрать не должен страж лениться:
 Сверканием вина озарена темница.
 Вот успокоилось, как укрощенный зверь.
 Приходит страж вина и запирает дверь.
 Очистилось вино и сразу засверкало
 Багрянцем яхонта и пурпуром коралла.
 Йеменской яшмы в нем блистает красота,
 В нем бадахшанского рубина краснота!
 Понюхаешь вино — почувешь, как влюбленный,
 И амбру с розами и мускус благовонный.
 Теперь закрой сосуд, не трогай ты вина,
 Покуда не придет созревшая весна.
 Тогда откупоришь кувшин ты в час полночный,
 И пред тобой родник блеснет зарей восточной.
 Воскликнешь: Это лал, ярка его краса,
 Его в своей руке держал пророк Муса!
 Его отведав, трус в себе найдет отвагу,
 И в щедрого оно преображает скрягу...
 Выдерживай вино! Пускай промчатся годы,
 И позабудутся тревоги и невзгоды.
 Тогда среди ярких роз и лилий, поутру,
 Ты собери гостей на царственном пиру.
 Ты сделай свой приют блаженным садом рая,
 Блестящей роскошью соседей поражая.
 Ты свой приют укрась изделием мастеров,
 И золотом одежд, и яркостью ковров
 Искусных пригласи певцов со всей округи,
 Пусть флейта зазвонит возлюбленной подруги.
 В ряду вельмож вазир воссядет — Балами,
 А там — дехкан Салих с почтенными людьми.
 На троне впереди, блистая несказанно,
 Воссядет царь царей, властитель Хорасана...¹⁸⁷

¹⁸⁷ Перевод С. Липкина. См.: Рудаки. Стихи. С. 75—79.

На смерть эмира Исмаила¹⁸⁸

Печальный друг, достойный уваженья,
 Ты, втайне льющий слезы униженья!
 Умершего не назову я имя:
 Боюсь, опять познаешь ты мученья.
 Ушел ушедший, и пришел пришедший,
 Кто был, тот был — к чему же огорченья?
 Ты хочешь сделать этот мир спокойным,
 А мир желает лишь круговращенья.
 Не злись: ведь мир твоей не внемлет злости.
 Не плачь: к слезам он полон отвращенья.
 Рыдай, пока не грянет суд вселенский,
 Но прошлому не будет возвращенья.
 Не мучайся по поводу любому —
 Ты худшие узнаешь злоключенья.
 К кому бы ты ни привязался сердцем,
 Умрут, наверно, все без исключения.
 Нет облаков и нет затменья в мире,
 И не настал конец его свеченья.
 Мне подчинишься иль не подчинишься, —
 Боюсь, мои отвергнешь возраженья.
 Не победил ты в сердце рать страданий?
 Так пей вино: нет лучшего леченья!
 Кто благороден, тот найдет и в горе
 Источник стойкости и возвышенья¹⁸⁹.

Весна

В благоухании, в цветах пришла желанная весна,
 Сто тысяч радостей живых вселенной принесла она.
 В такое время старику нетрудно юношею стать,
 И снова молод старый мир, — куда девалась седина!
 Построил войско небосвод, где вождь весенний ветерок,
 Где тучи всадникам равны, и мнится, началась война.
 Вот молний греческий огонь, вот воин-барабанщик — гром,
 Скажи, какая рать была, как это полчище, сильна?
 Взгляни, как туча слезы льет, — так плачет в горе человек.
 Гром на влюбленного похож, чья скорбная душа больна.
 Порою солнце из-за туч покажет нам свое лицо —
 Иль то над крепостной стеной нам голова бойца видна?

¹⁸⁸ Имеется в виду саманидский эмир Исма'ил б. Ахмад (892—907). Есть также версия, что эта элегия была посвящена эмиру Ахмаду б. Исма'илу (907—914).

¹⁸⁹ Перевод С. Липкина. См.: Рудаки. Стихи. С. 108—111.

Земля на долгий, долгий срок была повергнута в печаль,
 Лекарство ей принес жасмин, она теперь исцелена.
 Все лился, лился дождь, как мускус, он благоухал,
 А по ночам на тростнике лежала снега пелена.
 Освобожденный от снегов, окрепший мир опять расцвел,
 Ручьи наполнила вода, всегда шумна, всегда вольна.
 Как ослепительный клинок, сверкнула молния меж туч,
 И прокатился первый гром, и громом степь потрясена.
 Тюльпаны весело цветут, смеются в травах луговых,
 Как новобрачная, они, чьи пальцы выкрасила хна.
 На ветке ивы соловей поет о счастье, о любви,
 Ему в ответ скворец от ранней зорьки до темна.
 Воркует голубь древний сказ о кипарисе молодом,
 О розе песня соловья так упоительно звучна.
 Живите весело теперь и пейте славное вино,
 Пришла любовников пора, им радость встречи суждена.
 В кустах шиповника, в саду, влюбленный стонет соловей,
 Успокоенье ты найдешь от звуков лютни и вина.
 Хоть хороша весна земли, отрадно на нее смотреть, —
 Смотреть отрадней на царя, чья благоденствует страна ¹⁹⁰.

Рубашки Йусуфа

О трех рубашках, красавица, читал я в притче седой.
 Все три носил Иосиф, прославленный красотой.
 Одну окровавила хитрость, обман разорвал другую.
 От благоуханья третьей прозрел Иаков слепой.
 Лицо мое первой подобно, подобно второй мое сердце,
 О если бы третью найти мне начертано было судьбой! ¹⁹¹

Ты

Столепестковые цветы, и мирт зеленый,
 И амбра, и жасмин, и стройных яблонь кроны
 При виде идола от зависти поблекли...
 Признали все цари, мой друг, твои законы!
 На землю сходит ночь, как Ночь определений ¹⁹²:
 Так смотрит на нее твой раб, в тебя влюбленный.
 Лишь сбросишь ты чадру — ночь откровенья Бога
 Увидит в эту ночь твой раб, в тебя влюбленный... ¹⁹³

¹⁹⁰ Перевод С. Липкина. См.: Рудаки. Стихи. С. 12—17.

¹⁹¹ Перевод В. Левика. См.: Рудаки. Стихи. С. 56—57.

¹⁹² Ночь с 26 на 27 рамазана. Ночь определения или Ночь предопределения, Ночь могущества (лайлат ал-кадр) — ночь, в которую Мухаммаду было передано через ангела Джабраила первое откровение Аллаха. Очевидно, это была 96-я сура Корана.

¹⁹³ Перевод С. Липкина. См.: Рудаки. Стихи. С. 18—19.

*Амбра, яблоко и розы — расцветающее диво,
Кипарис, жасмин и мускус, поклянусь, не столь красивы
Пред тобой, лукавый ангел, ты царей смутить сумела —
На тебя они взирают и покорно, и ревниво.
Час свидания с тобою — словно Ночь определений,
Если ты влюбленным явишь лик открытый, не гневливый.
Солнце скрыться поспешает за туманною завесой,
Видя щек твоих тюльпаны нежно-смуглого отлива.
Твой округлый подбородок мог бы с яблоком сравниться,
Если б яблоко гордилось мушкой, столь медоточивой*¹⁹⁴.

Траур

*Не для того свои седины я крашу в черный цвет,
Чтоб молодым считаться снова, грешить на склоне лет:
Кто скорбно плачет об умершем, тот в черное одет,
Скорбя о юности, седины я крашу в черный цвет*¹⁹⁵.

Старость

*Платан изогнулся, как лук хлопкочеса,
Снег на гору выпал, лежит на вершине.
Где было прелестно, теперь неприглядно,
Где было прекрасно, там мрачно отныне.*

Коварство

*Если рухну бездыханный, страсти бешенством убит,
И к тебе из губ раскрытых крик любви не излетит,
Дорогая, сядь на коврик и с улыбкою скажи:
«Как печально! Умер, бедный, не стерпев моих обид!»*¹⁹⁶

Шахид Балхи

Мир

*Когда бы дым валил от горя, как от костра лесного,
Лишился б мир, закрытый дымом, сияния дневного.
Скитаясь, этот мир прошел я от края и до края,
Но видеть мудреца счастливым, увя, мне было б ново*¹⁹⁷.

¹⁹⁴ Перевод Т. Стрешневой.

¹⁹⁵ Перевод С. Липкина.

¹⁹⁶ Перевод В. Левика.

¹⁹⁷ Перевод В. Левика.

Несовместимость

*Видно, знание и богатство — то же, что нарцисс и роза,
И одно с другим в соседстве никогда не расцветало.
Кто богатствами владеет, у того на грош познаний,
Кто познаниями владеет, у того богатства мало*¹⁹⁸.

Касāй

Итоги

*Трехсотсороковой к концу. Свершился дней круговорот.
Среда. Еще четыре дня, а там шавваль — и минул год.
Зачем пришел я в этот мир? Что совершить и что сказать?
Пришел я песнь любви пропеть, пришел изведать жизни мед.
А стал рабом своих детей и пленником своей семьи,
И жизнь я прожил, как верблюд, трудился, словно вьючный скот.
К чему? Мои богатства я по пальцам сосчитать могу,
А бедствия начну считать — до гроба не окончу счет.
Чем завершу я долгий путь? Его истоком ложь была, —
По суете он пролегал и в суете конец найдет.
За деньги жадность я купил, а жадность принесла мне зло,
Я — многих горестей мишень, мне только беды небо шлет.
О жаль мне юности моей и жаль прекрасного лица,
И жаль мне прежней красоты и прошлой жизни без забот.
Где безмятежность юных лет, отвага пламенной души?
Где упоение страстей, мечты безудержный полет?
Мой волос бел, как молоко, а сердце, как смола, черно.
В лице индиговая синь, и слабость мне колени гнет.
От страха смерти день и ночь дрожу, как пожелтевший лист,
Как нашаливший мальчуган, когда отцовской плетки ждет.
Мы проходили и прошли, и стали притчей для детей.
Забыты все, кто жил до нас, и нас забудут в свой черед.
О Кисаи! Твой полувек заносит лапу над тобой,
Как ястреб, он тебя когтит, твои крыла на клочья рвет.
И если от надежд ушел и разлюбил богатства ты,
Так время осуди свое и без надежд иди вперед*¹⁹⁹.

Розы

*Роза — дар прекрасный рая, людям посланный на благо.
Станет сердцем благородней тот, кто розу в дом принес.
Продавец, зачем на деньги обменять ты хочешь розы?
Что дороже розы купишь ты на выручку от роз?*²⁰⁰

¹⁹⁸ Перевод В. Левика.

¹⁹⁹ Перевод В. Левика.

‘Унсурӣ

Меч Махмуда

Водой в нем становится пламя, в нем шелк переходит в булат.
 Он строен, как юная дева, и чист, как невинности взгляд.
 Коснешься его — как вода он, метнешь его — это стрела,
 Согнешь — это лук, а взмахнешь им — так молнии в тучах блестят.
 Он разумом сам не владеет, но в мозг, словно разум, войдет,
 Чужда ему зависть, но в сердце войдет, словно зависти яд.
 Ты видел осколки алмаза, нашитые ровно на шелк?
 Ты видел на зеркале светлом жемчужин мерцающих ряд?
 И разум ответить не может — он сад или красный огонь,
 Затем, что в нем алое пламя, и в нем — расцветающий сад.
 Холодной водой орошенный, он зелен и тверд, как самшит.
 Красна им рожденная рана, как пламя иль алый гранат.
 По шелку его непрестанно струится блестящая ртуть,
 А в стали таится жемчужин бесценный и царственный клад.
 Кто видел, как льется по шелку сверкающей ртути ручей?
 Кто видел, как полосы стали жемчужины миру дарят?
 Он создан из темного праха, но в битве он — яркий цветок,
 Он полю сражения дарит цветущего сада наряд²⁰¹.

Фаррухӣ

Фрагмент из «Четырех бесед» Низāmӣ ‘Арӯзӣ о Фаррухӣ.

Ода о тавре

Когда в переливы атласа оденется луг молодой
 И пышно покроются горы сквозной самоцветной фатой, —
 Земля, словно царственный мускус, бесценный струит аромат,
 И пестрой семьей попугаев блестящие ивы стоят.
 Вчерашний предутренний воздух поведал о близкой весне.
 Хвала тебе, северный ветер, за радость, врученную мне!
 Развеянной мускусной пылью ты снова затеял играть,
 А сад — цветonosных красавиц повсюду расставил опять.
 Чубучника белые бусы вновь блещут из влажных долин,
 И вновь на иудином древе горит бадахшанский рубин.
 И розы, как рдяные чаши, приподняты в светлую рань,
 И тянет к земле сикомора свою пятипалую длань.
 На ветках стоцветные перстни, в стоцветных покровах сады,
 Жемчужины — в ливнях небесных, жемчужины — в струях воды.
 И нежными красками неба стоцветно пылающий мир

²⁰⁰ Перевод В. Левика.

²⁰¹ Перевод И. Гуровой

Подобен почетным одеждам, что дал нам великий эмир.
 И стан пробужденный эмира готов к выжиганью тавра.
 Любви, песнопений и хмеля настала благая пора.
 Как звезды средь чистого неба, сверкая в шелку луговом,
 Войска развернулись на воле и встали шатер за шатром.
 Ты скажешь: в любой из палаток влюбленная дремлет чета,
 И каждая в поле травинка любовной игрой занята.
 Звучат среди зелени струны, все поле напевов полно,
 И звонко сдвигаются чаши, и кравчие цедают вино.
 Смущенных красавиц упреки, объятия, любовные сны,
 Певцами разбуженный воздух несет дуновенье весны.
 Зеленая степь необъятна, как некий второй небосвод,
 Ее травяная равнина — пространство безбрежное вод.
 В том море виднеется судно, но дышит оно и бежит!
 А в небе звезда полыхает и по небу мчаться спешит.
 Гора ль повстречается, судно возносится на гору ту,
 А встретится солнце — набросит звезда свою тень на лету.
 Ужели не чудо природы, что солнце закрыто звездой?
 Ужели не чудо и судно, что степью плывет, как водой?
 Костры, словно желтые солнца, горят у широких ворот,
 Ведущих к шатру золотому, где шах многославный живет.
 Мирьядом светящихся копий щетинится пламя костров:
 Червоным текучим расплавом то пламя назвать я готов.
 Орудья тавра багрянеют, в огне раскалившись давно:
 Так в пламенно-зрелом гранате багряно пылает зерно.
 Вот — дикие кони степные: не мыслят они о тавре.
 Вот — юношей зорких отряды: дивлюсь их отважной игре.
 Но им ли соперничать с шахом? Хвалю его доблестный жар:
 Он скачет с петлей наготове, как юноша Исфандиар.
 Петля изгибается, вьется, подобно прекрасным кудрям.
 Но помни: крепка ль ее хватка, — ты скоро изведает сам.
 Всечасно иные изгибы в искусной петле узнаю:
 Как будто жезлом Моисея ее превратили в змею.
 Она, исхищенная, краше девических юных кудрей
 И крепче испытанной дружбы старинных и верных друзей.
 Коня за конем приводили, готовясь им выжечь тавро,
 И наземь валили ретивых, арканом опутав хитро.
 На каждом коне ожерелье, как горлицы дикой убор, —
 Аркан венценосца, который над миром державу простер.
 Кто б ни был веревкой охвачен, петлей перекручен в войне,
 Носить ему знак падишаха на лбу, на плече, на спине!²⁰²

²⁰² Перевод А. Кочеткова.

Облака

Встают облака голубые над синей равниной морской,
 Плавучие думы влюбленных, забывшие сон и покой.
 Ты скажешь: нежданные льдины помчались по тихой реке,
 Взрвели там черные вихри, там вздыбился смерч золотой.
 Дождем облака разразились, и в небе распалась их цепь.
 Смотри: не слоны ли пасутся в далекой степи голубой?
 Они — словно ржавые пятна на глади китайских зеркал
 Иль белчий мех на атласе, горящем живой бирюзой.
 Как будто цветные лужайки, как будто гряды островов
 Поплыли по влаге зыбучей, пленяясь беспечной игрой.
 Ты скажешь: здесь небо, как море, и в синем просторе его
 Симург обучает полету весь царственный выводок свой.
 Бредут по небесному своду то мрачно, то вдруг засветятся,
 То явят прозрачное небо, то солнце заслонят собой.
 Они — как узор из сандала поверх бирюзовой доски,
 Иль будто на гладь полировки лег амбры рассыпанной слой.
 Они — словно дым, восходящий, коль брызнуть водой на огонь,
 Иль словно влюбленного очи, узревшего лик дорогой.
 Как будто задернутый пылью, стал сумрачен воздух от них,
 Так жизнь угасает неверных, сраженных державной рукой²⁰³.

Манӯчихрӣ

Загадка

Твоя золотая душа дрожит над твоей головой,
 Душою питаем мы плоть, ты плоть поглощаешь душой,
 И с каждым мгновеньем на часть твоя уменьшается плоть,
 Как будто бы тело душа все время сливает с собой.
 Коль ты не звезда, то зачем лишь ночью являешься ты?
 А если не любишь, зачем роняешь слезу за слезой?
 Хоть ты — золотая звезда, из воска твои небеса,
 Хоть бьешься в тенетах любви, подсвечник — возлюбленный твой.
 Твое одеянье — в тебе, но всех одевает оно.
 Покровы скрывают тела, но ты остаешься нагой.
 Когда умираешь, скорбя, тебя оживляет огонь,
 И голову рубят тебе, чтоб ты не угасла больной.
 Ты — идол, ты — идола жрец, влюбленные — он и она.
 Смеешься и слезы ты льешь. О, в чем твоя тайна, открой!
 Безглазая, слезы ты льешь, смеешься, лишённая рта,
 Весной не всегда ты цветешь, и вянешь не только зимой.
 Со мною ты сходна во всем, во всем я подобен тебе.

²⁰³ Перевод А. Кочеткова.

Враги мы с тобою себе, веселье мы любим с тобой.
 Мы оба сжигаем себя, чтоб счастливы были друзья,
 Себе мы приносим печаль, а им мы приносим покой.
 Мы оба в слезах и желты, мы оба одни и горим,
 Мы оба сгораем дотла, измучены общей бедой.
 И скрытое в сердце моем блеснит на твоей голове,
 И блеск на твоей голове горит в моем сердце звездой.
 И слезы мои, как листва, что осенью сбросил жасмин,
 Как золото, слезы твои струятся на круг золотой.
 Ты знаешь все тайны мои, подруга бессонных ночей,
 И в горести, общей для нас, я — твой утешитель, ты — мой.
 Лицо твое — как шамбалид, расцветший на ранней заре,
 Лицо мое — как шамбалид, увядший вечерней порой.
 В обычае — спать по ночам. Но так я тебя люблю,
 Что ночь провожу я без сна и в сон погружаюсь с зарей.
 За то, что с тобой разлучен, на солнце я гневаюсь днем.
 Соблазнам сдаюсь по ночам, — ты этому также виной.
 Друзей я своих испытал, и знатных и самых простых.
 Не верен из них ни один и полон коварства любой.
 При свете дрожащем твоём тебе я читаю диван,
 С любовью читаю, пока рассвет не придет голубой.
 Его начертала рука затмившего всех Унсури,
 Чье сердце и вера тверды и славны своей чистотой.
 Стихи и природа его в своем совершенстве просты,
 Природа его и стихи приятной полны красотой.
 Слова, что роняет мудрец, нам райские блага дарят,
 И клад, что ветра принесли, за них был бы низкой ценой.
 Читаешь касыды его — и сладостью полнится рот,
 А бейты его — как жасмин, весенней одетый листвою²⁰⁴.

Подражание арабскому

Обитатель шатра, время вьючить шатер —
 Ведь глава каравана скатал свой ковер,
 Загремел барабан, и верблюды встают,
 И погонщики гасят ненужный костер.
 Близко время молитвы, и солнце с луной
 На одной высоте замечает мой взор.
 Но восходит луна, солнце клонится вниз,
 За грядой вавилонских скрывается гор.
 И расходятся чаши весов золотых,
 Разрешается света и сумрака спор.

²⁰⁴ Перевод И. Гуровой.

Я не знал, о моя серебристая ель,
 Что так скоро померкнет небесный простор.
 Солнце путь не прервет в голубой высоте,
 Но неожиданно прервать мы должны разговор.
 О красавица, движется время-хитрец,
 Всем влюбленным желаниям наперекор,
 И рожденная ныне разлуки тоска
 Зрела в чреве судьбы с незапамятных пор.
 Увидала любимая горе мое,
 И ресницы надели жемчужный убор,
 И ко мне подошла, припадая к земле, —
 Словно к раненой птице я руки простер,
 Обвились ее руки вокруг шеи моей,
 И со щек ее нежных я слезы отер.
 Мне сказала: «О злой угнетатель, клянусь,
 Ты, как недруг, в жестоких решениях скор!
 Верю я, что придут караваны назад,
 Но вернешься ли ты, сердце выкравший вор?
 Ты во всем заслужил от меня похвалу,
 Но в любви заслужил ты лишь горький укор!»²⁰⁵

Фирдоусӣ

Фрагмент из «Четырех бесед» Низāмӣ 'Арӯзӣ о Фирдоусӣ.

Сказание о Судабе и Сийавуше

[Судабе влюбляется в Сивавуша]
 Шло время, душой расцветал властелин;
 Его утешеньем был доблестный сын.
 Однажды сидел, с ним беседа, шах,
 Как вдруг Судабе показалась в дверях.
 Едва увидав Сивавуша, она
 Любовью внезапно была пронзена.
 Томилась и таяла, стала, как нить,
 Ты лед над огнем с нею мог бы сравнить.
 К царевичу вестника шлет: «От меня
 Спешి передать, осторожность храня:
 „В гарем заглянул бы к отцу своему,
 Никто удивляться не стал бы тому"».
 Слуге Сивавуш, возмущен и суров,
 Промолвил: «Царице ответ мой таков:
 В гарем повелителя я не ходок;

²⁰⁵ Перевод И. Гуровой.

Мне хитрость чужда, ненавистен порок».
Всю ночь пролежала царица без сна,
Наутро к царю поспешила она:
«Вождь рати! — ему говорит Судабе. —
Не видело солнце подобных тебе.
И юного мир прославляет царя:
Да здоровствует, радость народу даря!
Ему повели навестить поскорей
Супругу твою и твоих дочерей.
Пусть ходит свободно в гарем с этих пор,
Почаще пускай навещает сестер;
Так любят его и тоскуют по нем,
Что льют они слезы и ночью и днем.
Придет он — склонимся, почет воздадим,
Дарами и рвением ему угодим».
Кавус отвечает: «Нет речи мудрей.
К нему ты добрее чем сто матерей».
И сына призвав, говорит Кей-Кавус:
«От голоса крови, от родственных уз
Не скрыться. Любовь ты вселяешь в сердца,
Таким уж ты создан по воле творца.
С тобою ведь в близком родстве Судабе —
недаром душой потянулась к тебе.
В гареме ты сможешь сестер повидать,
В царице найдешь благосклонную мать.
Тебя облакают, почтят от души
Затворницы, их навестить поспеши».
Такие слова говорит властелин.
В тревоге, в смущении слушает сын.
«Властитель державы! — так вымолвил он. —
Не ты ль даровал мне и царство и трон?
Повсюду, где солнце с небесных высот
На землю лучи животворные льет,
Ты славишься, всех превзошел ты вождей
И мудростью, и добротою своей.
Ты путь укажи мне к мужам-мудрецам,
К прославленным, неустрашимым бойцам:
В науке у них изощрюсь боевой,
В стрельбе, во владении копьем, булавой,
В державных делах и в весельи ночном —
Под пение руда, за пенным вином.
А в женских покоях учиться чему?
У жен ли познаний набраться уму?

Но если решение царя таково —
Пойду я, покорный приказу его».
«О сын мой, будь счастлив! — царь молвит в ответ. —
Столл мудрости — так да зовет тебя свет!
Так пламенна речь твоя, так хороша,
Что разум расцвел, просветлела душа.
Тревожные помыслы прочь отгони,
Да будут светлы твои думы и дни!
Сестер дорогих навести поскорей,
Их братской любовью и лаской согрей».
И сын отвечает: «Готов я идти,
Чтоб царскую волю твою соблюсти»
[Сиавуш приходит к Судабе]
В гареме с почетом встречаются его,
В честь гостя великое там торжество.
Невиданным блеском чертог осиян,
С душистою амброю спорит шафран;
Нет счета пленяющим взор жемчугам;
Дирхемы царевичу сыплют к ногам.
Путь устлан китайской парчой золотой,
Алмазным сиянием сплошь залитой.
При говоре струн распевают певцы,
На юных красавицах блещут венцы.
Кружится пленительных дев хоровод,
Все к неге и райским уладам зовет.
В чертоге сверкающем том водружен
Высокий, из чистого золота трон.
Он дивно украшен слепящей глаза
Парчой, на которой цветет бирюза.
На троне, блистая красой неземной,
Сидит Судабе, ликом схожа с луной.
Светила Йемена затмила она!
Душистых кудрей смоляная волна
Струится, трепещет, спускаясь до пят;
Алмазы в венце драгоценном горят.
И держит рабыня, у трона склонясь,
Ее башмачки золотые. Лишь князь
К престолу направился — ликом светла,
Царица поспешно с престола сошла
И низкий отвесила гостю поклон,
И вот у прекрасной в объятиях он.
Целует она молодого вождя
И молвит, с прекрасного глаз не сводя:

«Заря ли на небе, ночная ли мгла,
Моя не смолкает Йездану хвала.
Еще у кого столь блистательный сын?
И в царском семействе такой — ты один».
Но чует смущенный царевич: грешны
Объяты горячие царской жены,
Здесь дело неладно. Тревогой томим,
Поспешно подходит он к сестрам своим.
Царевны навстречу с приветом идут,
Его к золотому престолу ведут.
Немалое с ними он время провел,
И после, тепло распростившись, ушел.
В чертоги отца, между тем, Сиавуш
Вступает и молвит: «О царственный муж!
Гарем посетил я: на жребий роптать
Тебе, о счастливейший царь, не под стать.
Хушенг и Джемшид с Феридуном, клянусь,
Тебя бы затмить не могли, Кей-Кавус».
Речь сына услышав, отец просиял,
Украсил чертоги, наполнил фиал.
Пируют и слушают лютню, в вине
Тоя помышленья о завтрашнем дне...
Как только стемнело, покинув престол,
В покои супруги властитель вошел
И молвит: «Скажи откровенно, жена,—
Ты правду скрывать от меня не должна:
Прекрасен ли юный мой сын? Какова
Осанка его и разумны ль слова?
Воистину ль мудростью он наделен,
И славы столь громкой достоин ли он?»
В ответ Судабе: «Не царил под луной
Подобный тебе повелитель иной.
И славному сыну нигде твоему
Нет равных, — замалчивать правду к чему?»
«Да станет он мужем! — царь молвил тогда. —
Его да минуют и сглаз и беда!»
Сказала она: «Коли будут царю
Угодны слова, что ему говорю, —
Царевичу дам я жену из своей
Семьи, не ища среди чуждых семей.
Царевичу сына подарит она,
В ком будет отцовская доблесть видна.
Средь юных царевен, что мной рождены,

Когда для себя не найдет он жены,
То пусть Кей-Ареша он дочь изберет
Иль дочь Кей-Пешина, чей царственен род».
Шах молвит на это: «Согласье даю,
Тем силу умножу и славу свою».
Наутро царевич явился к отцу,
Хвалу его трону воздал и венцу.
Других удалив, Кей-Кавус в тишине
Стал с сыном беседовать наедине.
Сказал венценосец: «Не раз я молил
Создателя мира, дарителя сил,
Чтоб славный твой род не угас, чтобы трон
Был царственным сыном твоим озарен;
И так же как стал ты отрадой моей,
Да станет он светом отцовских очей!
Жрецов о твоей вопрошал я судьбе;
Поведали мне мудрецы, что тебе
Такого наследника звезды сулят,
Чью память нетленной века сохраняют.
Супругу теперь для себя избери
Высокого рода, чьи предки — цари.
Ищи у Пешина, Ареша в дому.
Уж действовать время, готовься к тому».
И слышит сыновний ответ Кей-Кавус:
«Я воле державной твоей покорюсь.
Кого повелишь, назову я женой».
[Сиавуш во второй раз приходит в покои Судабе]
Вновь свод повернулся и ночь протекла,
И снова земля молода и светла.
Сияя, взошла Судабе на престол,
Венец золотой изумрудами цвел.
Явились царевны; слепя красотой,
Воссели они на престол золотой.
Рой юных красавиц порхает, гарем
Цветет и сияет, как будто Эдем.
И слышит Хирбед луноликой приказ:
«Ступай, передай Сиавушу тотчас:
О, статный как тополь, тебя лицезреть
Хочу — лицезрением сердце согреть».
Торопит царица посланца, и тот
Исполнить ее повеленье идет.
Известьем таким Сиавуш удручен,
В тревоге взывает к создателю он,

Смятеньем объятый, не видит пути,
Как злую беду от себя отвести,
К царице направил стопы, наконец.
Блится на ней драгоценный венец,
И ярче алмазов сиянье чела.
Вот к гостю, покинув престол, подошла,
Глубоким поклоном почтила его,
С собой на престол усадила его
И царских спешит показать дочерей:
Все блещут красою, достойны царей.
Невест отослав, говорит Судабе:
«Доколе скрывать свою волю тебе?
Какую из них изберешь? Говори.
Ты ликом прекрасным похож на пери.
Тебя лишь завидев, любая сама
Готова тебя полюбить без ума».
Молчанье хранят Сиавуша уста.
Тут с лика царицы упала фата,
Сказала красавица: «Рядом с луной
Лик солнца увидевший, житель земной
Не диво, коль бледной признает луну.
Взгляни, пред тобою как солнце сверкну?
Меня лицезрел ты в короне моей,
В лучах жемчугов и бесценных камней —
Кто мог бы теперь твое сердце привлечь?
Ты девами, вижу, готов пренебречь.
Решайся же в верности мне присягнуть,
Упорство оставь, опасенья забудь.
Рабою моя малолетняя дочь
Войдет в твой гарем. Опасения прочь!
Уста разомкни для обета любви,
Моей благосклонности счастье лови.
Умрет повелитель — ты в мире земном
Мне памятью милою будешь о нем.
Как душу свою, охраняя от бед,
Меня ты лелей до скончания лет.
Стою пред тобою, любви не тая,
Душою и телом отныне твоя.
Рабою к тебе я попала во власть —
Сама в твои сети желала попасть».
И шею царевича крепко обвив,
Целует его, о стыде позабыв.
Но стыд Сиавушу ланиты обжиг,

*Из глаз заструился горячий поток.
Он думает: «Сети раскинул мне бес.
Храни мою душу, владыка небес!
Могу ль вероломно отца обойти,
Предать его — с дьяволом дружбу свести!
Но если красавицу я оскорблю,
Холодным ответом в ней гнев расплю —
Прибегнет к коварству бесовских сетей,
Владыку опутает ложью своей.
Нет, лучше с ней ласково речь поведу,
Ее ублажив, отвращу я беду».*
В ответ Сивуш говорит Судаве:
«Нет в мире красавицы, равной тебе.
Тебя не затмит и сиянье луны;
Достоин лишь царь столь прекрасной жены.
В супруги я ту, что тобой рождена,
Возьму: не нужна мне иная жена.
Решенье должна ты царю передать
И царского соизволения ждать.
Тебе приношу я священный обет
Дождаться, пока моих нынешних лет
Достигнет невеста моя. До тех пор
Никто не пленит мое сердце и взор.
Не должно мне слушать о лике моем,
О том, что пылаешь любовным огнем,
Забудется это, минует как сон...
Что делать, уж так я творцом сотворен!
Сокрытой останется тайна твоя,
От мира хранить ее стану и я.
Тебя, как царицу цариц, почитать
Готов я, любить, словно милую мать».
Так молвил и вышел. Меж тем все сильней
Преступная страсть разгорается в ней.
Вот ночь наступила, в покои жены
Вошел Кей-Кавус, повелитель страны.
Увидев его, Судаве подошла,
О сыне властителя речь повела:
«Здесь был и гарем он осматривал весь,
Всех дев чернооких, собравшихся здесь, —
Столь дивных красавиц, что их бы сравнил
Ты с сонмом лучистых небесных светил.
Но он ни одной не пленился из них,
Дочь выбрал мою несравненный жених».

*От радости так засиял Кей-Кавус,
Как будто луна с ним вступила в союз.
Ларя за ларем отворял он засов;
Собрал он немало венцов, поясов,
Уборов, достойных обличья царей,
Престолов, достойных величья царей,
Доспехов и много сокровищ иных...
Земля, ты сказал бы, ломилась от них.
Царице велит он: «Богатства храни;
Назначены в дар Сиавушу они.
Вручая, ты скажешь: здесь мало даров,
Их счет я стократно умножить готов».
Дивится богатым дарам Судабе,
А в сердце твердит непрестанно себе:
«Когда не смогу я себе подчинить
Желанного — лучше на свете не жить!
Открыто и тайно я к средствам любим
Прибегну; красавца, что мною любим,
Коль силою чар не сумею привлечь —
Решусь на позор всенародно обречь».
[Сиавуш в третий раз приходит в покои Судабе]
На трон в светозарной короне своей
Воссела, алмазные серьги на ней;
Призвать повелев Сиавуша, опять
Речами его начала искушать.
Сказала: «Готовит владыка дары,
Каких не видали до этой поры.
Несчетные собраны блага земли —
Их двести слонов бы едва довезли.
И юную дочь я тебе отдаю.
На кудри взгляни, на корону мою;
Найдешь ли предлог, чтоб отвергнуть меня,
Со взором, блистающим ярче огня?
Тебя увидала и гибну с тех пор,
И стражду, и жажду, и сердце — костер.
Твой лик меня в муку такую поверг,
Что день пред моими очами померк.
Семь лет от любви изнывая, томясь,
Кровавые слезы точу я из глаз.
Ты радостью тайной мне жизнь озари,
Ты новую молодость мне подари!
Я больше, чем царь, драгоценных даров
Тебе поднесу — лишь откликнись на зов!*

*А если не хочешь покорность явить
И юной любовью меня оживить —
Тебе отомщу я: престола лишу,
Свет солнца и звезд для тебя погашу!»
В ответ ей царица: «Тому не бывать.
Мне ль, страсти покорствуя, честь забывать.
Отца обмануть, добродетель поправ,
Могу ли? Нет, чужд вероломству мой нрав!
О, солнце престола, владыки жена,
Подобным грехом ты гнушаться должна!»
Разгневан, хотел он вернуться к себе,
Но шепчет, вцепившись в него, Судабе:
«Тебе я отважилась душу излить,
А ты замыслишь мне злом отплатить!
Ты хочешь унижить, ослабить меня,
Всем честным порочной представить меня!»
[Судабе обманывает Кей-Кавуса]
Ланиты себе исцарапала вмиг
И разорвала одеяния; крик
Донесся из женских покоев дворца.
Смятением и страхом наполнив сердца.
И весь зашумел, всполошился дворец,
Сказал бы ты: свету приходит конец!
Лишь вопль до ушей властелина дошел,
Он тотчас покинул державный престол.
Охвачен тревогой, душою смущен,
В гарем торопливо направился он.
На лице царицы кровь видит супруг,
Шум, крики прислужниц, смятение, испуг...
Коварства жены Кей-Кавус не постиг.
Узнав о случившемся, вспыхнул он вмиг.
Рыдая, предстала пред ним Судабе,
Льет слезы и волосы рвет на себе,
Кричит: «Сын твой дерзостный миг улучил,
В объятия меня, как в тиски, заключил,
Шепча: — Я любовного полон огня.
Доколе тебе сторониться меня!
Душа моя рвется к одной лишь тебе,
Склонись же, прекрасная, к пылкой мольбе?
Сорвал мой венец, — правду как утаю! —
Взгляни, разорвал и одежду мою.*

Абӯ 'Алӣ б. Синā

Фрагмент из «Четырех бесед» Низāмй 'Арузй о Абӯ 'Алӣ б. Сине

О вине

Бальзам души, — прозрачное вино,
 Чья лаловость затмить смогла давно
 Багрянец роз, печали утоляет,
 И возродить глотку его дано
 Былую радость, словно птицу Феникс!
 Слегка кувшина приподнимем дно,
 Течет вино из глиняного горла.
 И пения Барбада слаще, но
 Как наставленье отчее пополдни
 Бывает горьким, что не мудрено.
 А равнодушным пить вино нет смысла,
 Но, кто умен, в нем истины зерно.
 Находит не с поникшей головою.
 По шариату пить запрещено
 Вино глупцу, но шариат не вправе
 Пить запрещать и умным заодно.
 Иль за невежд нам пребывать в ответе,
 Которые когда-то предавно
 Решили, будто по вине неверных
 Луна переломилась. И вино
 За пьяные поступки неповинно
 И отвечать за дурней не должно.
 И тот, чей пред вином незыблем разум,
 Пусть ведает, что выпить не грешно!
 Добро и зло таится в винных чашах,
 И у вина прозрачного вольно
 Мне в рабстве быть. И, как росую розы,
 Вновь лики женщин увлажнит оно.
 Тому, кто пьет, как Бу Али, ей-Богу,
 В суть Истины проникнуть суждено ²⁰⁶.

Руба'и ²⁰⁷

Хоть на тысячу частей расщепил я волосок,
 Но, как прежде, до сих пор я от истины далек.
 К совершенству путь искал, не дал Бог удачи мне,
 И в познанных я себя на раскаянье обрек ²⁰⁸.

²⁰⁶ Перевод Я. Козловского.²⁰⁷ Перевод всех руба'и Я. Козловского.

*Когда создан был влюбленный небесами в честь Земли
И хмельную чашу страсти ему выпить поднесли,
Словно мед смешав янтарный с молоком, о Бу Али,
Не твою ли душу с телом влили в этого Али?*

*Меня в безбожье обвинять — заведомый обман,
Нет веры крепче, чем моя, везде, где чтут Коран.
И если я гяур, тогда вы можете считать,
Что правоверных больше нет на свете мусульман.*

*Кто я такой? — сам вопрошал не раз,
Пришел сюда надолго или на час?
Обрел ли счастье и покой? Наверно,
Не то б заплакал тысячами глаз.*

*Отлетела моя юность — ненаглядная весна,
Стал похож я на вершину — это времени вина.
И меня, раз белоглав я, жизнь-кормилица по праву
Из сосков надежды черным молоком поить вольна.*

*Вино — твой друг, пока тверез, а если пьян — то враг,
Змеиный яд оно, когда напился, как дурак.
Немало может быть вреда во многом, дорогой,
А в малом прок великий есть, что знать обязан всяк.*

*Когда с моим врагом мой друг находит лад,
Такого друга я оставить буду рад.
Сидевшей на змее ты мухи стерегись
И меда сторонись, попал в который яд.*

*С двумя-тремя ослами близ мечети,
Что мнят себя премудрыми на свете,
Кажись ослом, чтобы тебя гяуром
Не объявили вдруг невежды эти²⁰⁹.*

²¹⁸ Ср. перевод Н. Стрижкова:
*Сердце жадно спешило пройти этот путь,
Все понять и в глубины вещей заглянуть.
Мудрость — тысяча солнц! — мне в дороге светила.
Сердцевины достиг, но не познана суть.*

²¹⁹ Ср. перевод Н. Стрижкова:
*Встретишь этих невежд двух-трех гордых ослов,
Притвориться ослом постарайся без слов,
Ибо каждого, кто не осел — эти дурни
Обвиняют тотчас же в подрыве основ.*

‘Умар Хаййām

Фрагмент из «Четырех бесед» Низāmй ‘Арузй об ‘Умаре Хаййāме.

*Загадок вечности не разумею — ни ты, ни я,
Понять письмен неясных не умеем — ни ты, ни я.
Мы спорим перед некою завесой. Но в час, когда
Падет завеса, то не уцелею — ни ты, ни я*²¹⁰.

*Капля воды — видишь? — с морем слилась,
Праха частица — с землею сплелась.
Что твой приход и уход в этом мире?! —
Муха влетела и — миг унеслась...*²¹¹

*Если б мне всемогущество было дано —
Я бы небо такое низринул давно
И воздвиг бы другое, разумное небо,
Чтобы только достойных любило оно!*²¹²

*Мы — цель и высшая вершина всей вселенной,
Мы — наилучшая краса юдоли брэнной.
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,
В нем, без сомненья, мы — камень драгоценный*²¹³.

*Мы послушные куклы в руках у Творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене Всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца*²¹⁴.

*Мы дервишеским рубищем жбан затыкали,
Омовенье землю трущоб совершали.
Может быть, и отыщем в пыли погребка
Жизнь, которую мы в погребках потеряли!*²¹⁵

*Для розы ветерка дыханье сладко,
Средь сада с милою свиданье сладко.
Будь радостен, вчерашний день забудь,
В день нынешний существованье сладко!*²¹⁶

²¹⁰ Перевод В. Державина.

²¹¹ Перевод С. Словенова.

²¹² Перевод Г. Плисецкого.

²¹³ Перевод О. Румера.

²¹⁴ Перевод Г. Плисецкого.

²¹⁵ Перевод В. Державина.

*Без меня собираясь в застолье хмельном,
Продолжайте блистать красотой и умом.
Когда чаши наполнит вином виночерпий —
Помяните ушедшего чистым вином!*²¹⁷

*Не была познания жажда чуждой сердцу моему,
Мало тайн осталось в мире, недоступных для него.
Семьдесят два долгих года размышлял я дни и ночи.
Лишь теперь уразумел я, что не знаю ничего*²¹⁸.

²¹⁶ Перевод Ц. Бану.

²¹⁷ Перевод Г. Плисецкого.

²¹⁸ Перевод В. Державина.

Библиография

- Абдуллаева Ф. И.* Жизнь поэта при дворе. СПб., 2000.
- Абу Али ибн Сино.* Канон врачебной науки: В 10 т. 3-е изд. Ташкент, 1996.
- Абуали ибни Сино.* Мачмуаи Шеърхо. Сталинобод, 1953.
- Абу Рейхан Бируни.* Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.
- Антология таджикской поэзии с древних времен до наших дней.* М., 1951.
- Антология таджикской поэзии.* М., 1957.
- Ардаширкова А. Н., Рейснер М. Л.* История литературы Ирана в послемонгольское время. М., 1996.
- Бартольд В. В.* К истории персидского эпоса // ЗВОРАО. 1915. Т. XXII, вып. III—IV.
- Бертельс А. Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX—XV вв.: (Слово, изображение). М., 1997.
- Бертельс Е. Э.* 1. Борьба придворных поэтов султана Махмуда против Фирдоуси // История литературы и культуры Ирана, М., 1988. С. 202—207.
- Бертельс Е. Э.* 2. Хаким Унсур из Балха // Там же. С. 8—202.
- Бертельс Е. Э.* 3. Праздник Джашн-и Садэ в персидско-таджикской поэзии // Там же. С. 302—314.
- Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы. Избранные труды. М., 1960.
- Босворт К. Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971.
- Брагинский И. С.* Абу Абдаллах Джафар Рудаки. М., 1989.
- Варжапетян В. В.* Путник со свечой (повести о Ли Бо, Омаре Хайаме, Франсуа Вийоне). М., 1987.
- Ворожейкина З. Н.* Литературная служба при средневековых иранских дворах // Очерки истории культуры средневекового Ирана. М., 1984. С. 144—145.
- Ворожейкина З. Н.* Кыта — стихотворение-«фрагмент» в персидской поэтической культуре // Неизменность и новизна художественного мира. М., 1999. С. 36—59.
- Гафуров А.* Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987.
- Гулиа Г. Д.* Сказание об Омаре (Роман). М., 1975.
- Григорьев С. Е.* Бамаан — восьмое чудо света // Санкт-Петербургский университет. 2001. № 2 (3557).

- Дармстетер Дж.* Происхождение персидской поэзии. М., 1924.
- Жуковский В. А.* Омар Хайям и «странствующие» четверостишия // Ал-Музаффария. СПб., 1897.
- Залеман К. Г., Жуковский В. А.* Краткая грамматика новоперсидского языка. СПб., 1901.
- Занд М.* Шесть веков славы. М., 1964.
- Звезды поэзии / Пер. с фарси (таджикского).* Душанбе, 1976.
- Зульфикаров Т. К.* Мудрецы. Цари. Поэты (Книга поэм). М., 1983.
- Ибн Сина.* Даниш-намэ. Сталинабад, 1957.
- Ибн Сина.* Избранное. Ташкент, 1981.
- Иванов В. Б.* Учебник персидского языка. М., 2000.
- Ильясов Я. Х.* Заклинатель змей. Башня молчания (Повести). Ташкент, 1986.
- Кабус-намэ.* М., 1953.
- Каладзе И.* Из истории персидской газели // Литература и время. М., 1973. С. 122—127.
- Козмоян А. К.* Рубаи в классической поэзии на фарси. Ереван, 1981.
- Козмоян А.* Проявление новых тенденций в развитии руба'й // Вестник общественных наук АН АрмССР. № 5 (497). Ереван, 1984. С. 43—49.
- Козмоян А. К.* Два поэта — два кредо // Неизменность и новизна художественного мира. Памяти Е. Э. Бертельса. М., 1999. С. 119—130.
- Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции.* Курс лекций. Л., 1971.
- Литература Востока в Средние века.* Ч. II. М., 1970.
- Лирика.* Из персидско-таджикской поэзии. М., 1987.
- Март Н. Я.* Из грузино-персидских связей // Записки Коллегии востоковедов. Т. 1. Л., 1925. С. 122—123.
- Мең А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1966.
- Морочник С. Б., Розенфельд Б. А.* Омар Хайям — поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, 1957.
- Мусульманкулов Р.* Персидско-таджикская классическая поэтика (X—XV вв.). М., 1989.
- Низами Арузи Самарканди.* Собрание редкостей или Четыре беседы / Пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. М., 1963.
- Омар Хайям.* Рубаи. СПб., 1997.
- Омар Хайям.* Рубаи / Пер. Н. Стрижкова. Ташкент, 1980.
- Омар Хайям.* Рубаи. Ташкент, 1978.
- Омар Хайям 1.* Смоленск, 2000.
- Омар Хайям 2.* Вино и чаша («Рубайат») / Пер. Славко Словенова. СПб., 2000.
- Омар Хайям 3.* Рубаи. Хафиз. Газели. М., 2000.
- Омар Хайям.* Рубаи. Ростов-на-Дону, 2001.
- Османов М. Н.* Стиль персидско-таджикской поэзии. М., 1974.

Пригарина Н. И. Индийский стиль и его место в персидской литературе. М., 1999.

Радтке Б. Памяти Ф. Майера // Суфизм в Центральной Азии. СПб., 2001. С. 32—37.

Рашид ад-Дин Ватвāt. Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хадā'ик ас-Сихр фй Дақā'ик аш-ши'р) / Пер. с перс., исслед. и коммент. Н. Ю. Чалисовой. М., 1985.

Рейснер М. Л. Эволюция классической газели на фарси (X—XIV века). М., 1989.

Рейснер М. Л. 1. «Старческая касыда» Рудаки (X в.). Норма и авторская вариация // Неизменность и новизна художественного мира. М., 1999. С. 59—73.

Рейснер М. Л. 2. Мотивы «служения» и «договора» в персидской поэзии X—XII вв. // Исследования по иранской филологии. Вып. 2. М., 1999. С. 102.

Рипка Я. История персидской и таджикской литературы. М., 1970.

Рубайят Омара Хайяма с комментариями Парахансы Йогананды: (к первому переводу Э. Фитцджеральда) / Под ред. и с пояснениями его ученика Дж. Дональда Уолтерса. Челябинск, 1999.

Рудаки. Стихи / Пер. С. Липкина и В. Левика. М., 1964.

Сад Хайяма. Сборник переводов рубаи Омара Хайяма и стихов Эдварда Фитцджералда. Ярославль, 1990.

Сиасет-намэ: Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер., введ. в изуч. памятника, примеч. Б. Заходера. М.;Л., 1949.

Сто рубаи. Душанбе, 1984.

Султанов Ш. З., Султанов К. З. Омар Хайям. М., 1987.

Сурат ва сирати Ибни Сино. Душанбе, 1980.

Тагирджанов А. Т. Рудаки. Жизнь и творчество. История изучения. Л., 1968.

Умари Хайём. Душанбе, 1984.

Фирдоуси. Шахнаме: В 6 т. М., 1984—1994. (Т. 1. 1993; Т. 2. 1994; Т. 3. 1994; Т. 4. 1994; Т. 5; 1984; Т. 6. 1989).

Фирдоуси. Шāх-наме. Науч.-критич. текст, разночтения, примеч. и прил. М.-Н. Османова. Т. 1. М., 1991; Т. 2, М., 1992.

Чайкин К. И. Асади старший и Асади младший // Фердовси. Л., 1934. С. 119.

Чайкин К. И. Вамек и Азра // Хакани — Незами — Руставели. М.;Л., 1935.

Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Қайс ар-Рāзй. Свод правил персидской поэзии (Ал-Му'джам фи Ма'айир аш'ар ал-'аджам). Ч. 2: О науке рифмы и критике поэзии / Пер. с перс., исслед. и коммент. Н. Ю. Чалисовой. М., 1997.

Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 1999. С. 94—95.

- Эмир Хаим*. Рубаи. М., 2000.
- Эхо веков*. Рубаи Хайяма и поэма Эдварда Фитцджералда «Рубайят Омара Хайяма из Нишапура» / Пер. Д. Ленкова. СПб., 1992.
- Abū 'Alī b. Aḥmad Asadī Ṭūsī*. Ba taṣḥīḥ-u ihtimām-i 'Abbās Iqbāl. Tihrān, 1319/1941.
- Afshar, Aḥmad-'Alī Imāmī*. Guzīda-yi Ash'ār-i Farrukhī Sīstānī. Tihrān, 1372/1993.
- Ajmi S., Dehoti A.* Ustod Rudaki. Stalinobod, 1940.
- Arberry A. J.* Omar Khayyam. Quatrains. A New version based upon recent discoveries. L., 1952.
- Asadis Neupersisches Wörterbuch* Lughat-i-Furs von P. Horn. Berlin, 1897, S. 18—21.
- Aufī M.* The Lubāb al-Albāb with preface, indices and variants by E. G. Browne, Vol. 1—2. L.; Leiden, 1903.
- Browne E.* A Literary History of Persia. Vol. I. From the earliest times untill Firdawsi. Cambridge, 1902; Vol. II. From Firdawsi to Sa'di. Cambridge, 1906.
- Christensen A.* Un traite methaphysique de Omar Hayyam // Le Monde Oriental. Uppsala, 1908. S. 1—16.
- Christensen A.* Critical studies in the Rubaiyat of Umar-i Khayyam. Copenhagen, 1927.
- Corbin A.* Avicenne et le recit visionnaire. 1. Le recit de Hayy ibn Yaqqan. Texte arabe, ancienne version et commentaire en persan. Traduction francaise et avant-propos. Teheran, 1952.
- Corbin A.* Avicenne et le recit visionnaire. 2. Etude sur le cycle des recits Avicenniens. 3. Notes et glosses de la traduction du recit de Hayy ibn Yaqqan. Teheran, 1954.
- Dabīri-Nizhād B.* Farrukhī va Qasida-yi Dāghgāh. Isfahān, 1348/1969.
- Darmsteter J.* Les origines de la poesie persane. P., 1887.
- Dīvān-i ḥākim Farrukhī Sīstānī*. Ba kūshish-i Muḥammad Dabīr Siyāqī. Tihrān, 1349/1970.
- Dīvān-i Manūchihri Dāmghānī*. Ba taṣḥīḥ-i Muḥammad Dabīr Siyāqī, Tihrān, 1325/1947
- Dīvān-i Mahsatī-yi Ganjavī* ba sharḥ-u ḥāl-u āsār-i shā'ir ba ihtimām-i Sh. Tāhirī. Tihrān, 1336/1957.
- Dīvān-i Shi'r-i Rūdakī*. Pazhūhish, taṣḥīḥ-u sharḥ Ja'far Shi'ar. Tehrān, 1378/1999.
- Dīvān-i 'Unsurī*. Ba kūshish-i Muḥammad Dabīr Siyāqī. Tihrān, 1362/1983.
- Elwell-Sutton L.* The Persian Meters. Cambridge, 1976.
- Ethe H.* Rudagi, der Samanidendichter // Gottingener Nachrichten. 1873.
- Fitzgerald E.* Rubaiyat of Omar Khayyam. London, 1859.
- Gardizi M.* Kitāb Zaynu'l-akhbār/ Ed. by Muhammad Nazim, E. G. Browne Memorial Series. 1. B., 1928.

Grabar O. Mostly pictures. An Introduction to Persian Painting. Princeton; Oxford, 2000.

Hamidī H. Ash'ār-i Guzīda-yi Farrukhī Sīstānī. Tihṛān, 1373/1994.

Hidāyat R.-Q. Dīvān-i Manūchihri Dāmghānī. Tihṛān, 1285/1868.

Hidāyat R.-Q. Majma' al-Fusahā. Dar 2 jild. Tihṛān, 1878.

Hidāyat S. Tarānahā-yi Khayyām. Tihṛān, 1353/1934.

Lamb H. Omar Khayyam. A Life. N.Y., 1934.

Lazard G. La Langue symbolique du ghazal // Convegno internazionale sulla poesia di Hafez. Roma, 1978. P. 59—71.

Māhyar A. 'Arūz-i Fārsī. Shīva-yi nou barā-yi āmūzish-i Arūz-u Qāfiya. Tihṛān, 1378/1999.

Mirsādeghī M. A Dictionary of Poetry and Poetics. Tihṛān, 1994.

Mu'in M. Farhang-i Fārsī: Dar 6 jild. Tihṛān, 1371/1993.

Muntakhabāt-i Mutūn-i Fārsī barā-yi Dānishjūyān-i Kursi-yi Īrānshināsī-yi Dānishgāh-i Doulatī-yi Īrān. J. 2 (Doure-yi Klāssik). Erevan, 1999.

Nafisī S. Ahvāl-u Ash'ār-i Abū 'Abdallāh Ja'far b. Muḥammad Rūdakī Samarqandī. Tihṛān. J. 1. 1309/1930; J. 2. 1310/1931; J. 3. 1319/1940.

Nicolas B. Les quatrains de Kheyam. P., 1897.

Nizāmī 'Arūzī Samarqandī. Chahār maqāla. Ba taṣṣiḥ-i Muḥammad Qazvīnī va ihtimām-u sharḥ-i lughat-i Muḥammad Mu'in. Tihṛān, 1373/1993.

Rādūyānī Muḥammad b. 'Umar. Tarjumān al-Balaghā. Stanbul, 1949.

Rashīd ad-Dīn Vatvāt. Ḥadā'iq as-Siḥr fī Daqā'iq ash-Shi'r. Tihṛān, s.a.

Robaiyat of Hakim Omar Khayyam. Rendered into English verse by Edward Fitzgerald. Tehran, 1373/1994.

Ross E. D. Rudaki and Pseudo-Rudaki // JRAS. 1924. P. 609—601.

Rūdakī, ustād-i shā'irān. Sharḥ-i ḥāl, guzīda-yi ash'ār ba touziḥ-u guzārish-i Naṣrullāh Imāmī. Ahvāz, 1373/1994.

Safā Z. Tarīkh-i Adabiyāt dar Īrān: Dar 8 jild. J. 1. Tihṛān, 1371/1992.

Tadhkiratu'sh-shu'arā of Dawlatshah / Ed. by E. Browne. London; Leiden, 1901.

Tārīkh-i Baihaqī / Ed. by W. H. Morley. Calcutta, 1861—1862.

Tha'alibī. Yatīmat ad-Dahr. Dimashq, 1303.

Thackston W. M. A Millenium of Classical Persian Poetry. Bethesda, 1994.

Tirtha, Swami Govinda. The Nectar of Grace. Omar Khayyam's Life and works. Allahabad, 1941.

Vullers J.-A. Firdusii Liber Regum qui inscribitur Schahname. Lugduni; Batavorum. T. 1. 1877; T. 2. 1879; T. 3. 1884.

Yūsifi Gh. Farrukhi Sīstānī. Chāp-i duvvum. Tihṛān, 1368/1989.

Список рекомендованной литературы

Байхаки Абу-л-Фазл. История Масуда (1030—1041) / Пер. с перс., введ., коммент. и прил. А. К. Арендса. Изд. 2-е, доп. М., 1969.

Висрамиани (Вис и Рамин) / Пер. с др.-груз. Тбилиси: Заря Востока, 1949.

В сад я вышел на заре / А.-А. Рудаки, О. Хайям, М. Саади, Д. Руми, З. Фарьяби, Ш. Хафиз, С. Саваджи, Ф. Кашани, М. Х. Сахбо, А. Фирдоуси / Пер. Ц. Бану, А. Лахути. Душанбе, 1983.

Гете И. В. Западно-Восточный диван / Изд. подгот. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988.

Гургани Ф. Вис и Рамин / Пер. с перс. С. Липкина. М., 1963. (с сокращением глав.)

Аз-Закири ас-Самарканди М. Синдбад-наме / Пер. с перс. М., 1960.

Избранные четверостишия персидско-таджикских поэтов-классиков / Рудаки, Санаи.

О. Хайям, Саади, Руми, Хафиз, Джами и др. / Пер. В. Державина. Душанбе, 1965.

Ирано-таджикская поэзия / Рудаки, Носир Хисроу, Омар Хайям, Руми, Саади, Хафиз, Джами / Пер. с фарси. М., 1974.

Классическая восточная поэзия: Антология. Мастера об изящном стихе. М. 1991.

Котова Н. Н. Классическая персидско-таджикская литература: (Методическая разработка). Псков, 1995.

Липкин С. И. Строки мудрых. М., 1961.

Мирзоев А. М. Абу Абдулло Рудаки. Сталинобад, 1958.

Мирзоев А. М. Рудаки. Жизнь и творчество. М., 1968.

Омар Хайям в созвездии поэтов: Антология восточной лирики. СПб., 1997.

Пеньковский Л. М. Чанг: из восточной поэзии. М., 1971.

Родник жемчужин: Персидско-таджикская классическая поэзия. М., 1979.

Рудаки. Стихи его, предшественников и преемников / Пер. В. В. Левика и В. В. Державина. Сталинабад, 1949.

Рудаки. Стихи / Пер. с фарси В. Левика, С. Липкина. М., 1963.

Рудаки А. Лирика / Пер. В. Левика, С. Липкина. М., 1969.

Рудаки и Баба Тахир. Избранное / Пер. В. Левика и С. Липкина; Баба Тахир. Четверостишия / Пер. Н. Стрижкова и А. Шамухамедова. Ташкент, 1991.

Сагадеев А. В. Ибн Сина (Авиценна). М., 1980.

Тысяча и одна строка: Рубаи и газели / Пер. С. Иванова и др. М., 1996.

Фирдоуси А. Шах-намэ: поэмы / Пер. с тадж. С. Липкина. М., 1955.

Фирдоуси А. Шах-наме. Избранное / Пер. С. Липкина, К. Липскерова, И. Сельвинского, М. Дьяконова, В. Державина, М. Лозинского и Л. Пеньковского; Сост. И. Брагинский. М., 1957.

Фирдоуси А. Шах-наме. Избранное / Пер. С. Липкина и В. Державина. Библиотека восточной литературы. Сер. 1. Т. 24. М., 1972.

Фирдоуси А. Отрывки из «Шахнаме» // Пер. В. Державин, Ц. Бану, И. Сельвинский. Душанбе, 1983.

Фирдоуси А. Шахнаме: В 6 т. М., 1984—1994.

Рустем и Зораб: персидская повесть (из Шах-Наме) // Жуковский В. А. Баллады. Поэмы. Дневники, письма, воспоминания современников. М., 1987. С. 180—314.

Хайям О. Рубайят / Пер. В. Державина. Душанбе, 1965.

Хайям О. Рубайят: На перс., узб. и рус. яз. / Пер. на рус. яз. В. Державина. Ташкент, 1971.

Хайям О. Рубайят / Пер. О. Румера, И. Тхоржевского, В. Державина, Г. Плисецкого, Н. Стрижкова. Изд. 2-е, доп. 1982.

Хайям О. Рубаи / Сост. А. Ш. Шахвердов. СПб., 1995, 1997.

Хайям О. Рубаи / Пер. Х. Манувахова. СПб., 1996.

Хайям О. Рубайят: В 2 ч. М., 1959.

Хайям О. Рубаи / Пер. О. Румера, И. Тхоржевского. М., 1955.

Хайям О. Рубайят / Пер. О. Румера, В. Державина, Г. Плисецкого, Н. Стрижкова, С. Липкина, И. Сельвинского, И. Тхоржевского, Л. Пеньковского, Л. Некоры. М., 1995.

Хайям О. Рубаи / Пер. О. Румера, И. Тхоржевского, Л. Некоры, К. Бальмонта, С. Кашеварова, Ф. Корша, Г. Плисецкого. Рига, 1989.

Хайям О. Как чуден милой лик. Рубаи / Пер. К. Бальмонта, В. Державина, А. Кушнера, Л. Пеньковского, Г. Плисецкого, О. Румера, И. Сельвинского, Г. Семенова, И. Тхоржевского; Науруз-наме; Э. Фитиджеральда / Пер. О. Румера; Сост. М. Л. Рейснер. М., 1999.

Хайям О. Четверостишия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. И. А. Голубева. Смоленск, 2000.

Хайям О. Рубаи. Сост. и примеч. А. Ш. Шахвердова; Фитиджеральд Э. Рубайят Омара Хайяма / Пер. О. Румера. Л., 1986.

Шидфар Б. Я. Ибн Сина. М., 1981.

Afnan S. M. Avicenna, his life and works. Westport, 1980.

Dalal Gh. A. Persian Poetry. Poets of the Pre-Timurid Period. Delhi, 2000.

Davis D. Epic and Sedition: The Case of Ferdowsi's Shahnameh. L., 1998.

Davis D. Medieval Persian Epigrams. L., 1999.

De Fouchecour Ch.-M. Moralia les notions morales dans la literature persane du 3e/9e au 7e/13e siecles. P., 1986.

Goichon A. M. Philosophy of Avicenna and its influence on Medieval Europe / Transl. from French by M. S. Khan. Delhi, 1969.

Lazard G. Les premiers poetes persanes. T. 1: Introduction et traduction francaise; T. 2: Text persan. P., 1964, 1983.

Rypka J. History of Iranian Literature. Dordrecht, 1968.

Safā Z. Ganj-i Sukhan. Shā'irān-i buzurġ-i pārsīgū-yu muntakhāb-i āsar-i ānān: 3 vol. Tehrān, 1969.

SUMMARY

There are very few languages in the world that have offered to human civilization, over a long period of six centuries, a literature so bright and attractive as Persian.

The need for such a reader is due to the paradoxical situation, that such a rich canon of classical poetry, which is taught in universities throughout the country, is nevertheless unavailable in modern textbooks for students. Meanwhile, the readers published by the previous generations of distinguished Orientalists have become real bibliographical rarities, which one would be lucky to find in an antiquarian bookshop, and cannot be considered as manuals for practical use and study today.

The main theme of the reader by Firuza I. Abdullaeva, Associate Professor of the Iranian Philology Department at the Faculty of Oriental Studies of the St. Petersburg University is the Court Poetry of the 10—11th centuries. Attention is focused on several poetical circles, in Bukhara (Rudaki, Shahid Balkhi, Mus'abi, Rabinjani, Jurjani, Khusravani, Kasai), Chaghanian (Abu-l-Muzaffar, Munjik Tirmizi, Daqiqi) and Ghazna ('Unsuri, Farrukhi, Manuchihri), and on the traditional genres of the *qasida*, *ghazal* and *ruba'i*, which were the most popular at that period. There are also chapters dedicated to the so-called independent poets like Firdousi, and the heroic epic tradition that followed him (Asadi Tusi, Gurgani), and to the court scholars — Abu'Ali b. Sina and 'Umar Khayyam — with their philosophical quatrains. It is the author's deliberate intention not to introduce into the reader the works of the Sufi poets of later periods, which deserve to be the subject of a special book of their own. The only exception was made for the tragic poetry by Rabi'a from Qizdar, who wrote her truly divine verses in Arabic and in Persian, and also has a separate chapter devoted to her work.

Russia and Iran have been linked during all their history not only by their common borders but also by their cultures, mutually penetrating and influencing each other. That is why it was Persian poetry, in comparison with other Oriental literatures, which was most frequently found in Russian translations and imitations. Among those poets who devoted their talents to Persia (mostly through the Western mediation of French, English and German) were Pushkin and Zhukovskiy, Esenin and Gumilev. Thus we now have not only the original Persian chef d'oeuvres but wonderful examples of real Russian poetry, inspired by Medieval Persia, just like the English poems by Edward Fitzgerald, based on his own interpretation of the spirit of 'Umar Khayyam's *ruba'is*. Many of them are provided in the supplement of the book.

The reader thus offers to students a selection of some of the most representative and expressive works of the earliest Persian poets, which should also be of interest to anyone concerned with one of the most influential examples of world literature.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
САМАНИДЫ	9
Расцвет персидской литературы в X в.	10
Рӯдакӣ	12
Шахид Балхӣ	24
Муш'абӣ	26
Рабинджанӣ	27
Джурджанӣ	27
Абу Шукӯр Балхӣ	28
Хусраванӣ	29
Касайӣ	29
ЖЕНСКАЯ ЛИРИКА	31
Раби'а	31
Махсатӣ	34
МУХТАДЖИДЫ	36
Абӯ-л-Музаффар	36
Мунджик	37
Дақӣқӣ	37
ПАДЕНИЕ САМАНИДОВ	40
Исмә'йл ал-Мунтасир	41
Караханиды	43
ГАЗНЕВИДЫ	44
Газнийский литературный круг	47
'Унсӯрӣ	49
Фаррухӣ	54
Манӯчихрӣ	69
ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС	75
Фирдоусӣ	75
Эпическая традиция после Фирдоусӣ: Асадӣ Тӯсӣ и Гурганӣ	87

УЧЕНЫЕ-ПОЭТЫ	89
Абӯ 'Али б. Синā	89
'Умар Ҳаййām	93
ПРИЛОЖЕНИЯ	100
1. Краткие сведения о метрической системе персидского классического стиха	100
<i>Качественное определение слога</i>	100
<i>Особенности скандирования</i>	101
<i>Стяжения</i>	102
<i>Удлинение гласного</i>	102
<i>Удвоения</i>	102
<i>Архаизация произношения</i>	103
<i>Основные стихотворные размеры, используемые в персидской классической поэзии</i>	103
<i>Основные особенности персидского 'арӯза</i>	108
<i>Основные жанры персидской классической поэзии</i>	108
2. Тексты	110
3. Переводы текстов	169
<i>Рудākī</i>	169
<i>Шахид Балхī</i>	175
<i>Касāī</i>	176
<i>'Унсурī</i>	177
<i>Фаррухī</i>	177
<i>Манӯчихрī</i>	179
<i>Фирдоусī</i>	181
Абӯ 'Али б. Синā	190
'Умар Ҳаййām	192
Библиография	194
SUMMARY	201

CONTENTS

PREFACE	5
INTRODUCTION	7
THE SAMANIDS	9
The rise of Persian Poetry Xth century	10
Rūdakī	12
Shahīd Balkhī	24
Mus'abī	26
Rabinjanī	27
Jurjānī	27
Abū Shukūr Balkhī	28
Khusravānī	29
Kasāyī	29
WOMEN'S LYRICS	31
Rābi'a	31
Mahsatī	34
THE MUHTAJIDS	36
Abū-l-Muzaffar	36
Munjik Tirmizī	37
Daqīqī	37
THE FALL OF THE SAMANIDS	40
Ismā'il al-Muntasir	41
The Qarakhanids	43
THE GHAZNAVIDS	44
Literary circle of Ghazna	47
'Unsuri	49
Farrukhī	54
Manūchihri	69
HEROIC EPICS	75
Firdawsī	75
Epic Tradition after Firdawsī: Asadī Tūsī and Gurgānī	87

SCHOLAR POETS	89
Abū 'Alī b. Sinā	89
'Umar Khayyām	93
SUPPLEMENTS	100
1. Metrics and Prosody of Persian Poetry	100
<i>Determining the syllable</i>	100
<i>Peculiarities of recitation</i>	101
<i>Contractions</i>	102
<i>Vocal protractions</i>	102
<i>Consonant reduplication</i>	102
<i>Archaization of pronunciation</i>	103
<i>Table of main meters used in Classical Persian Poetry</i>	103
<i>Main peculiarities of the Persian 'Aruz</i>	108
<i>Main genres of Classical Persian Poetry</i>	108
2. Texts.	110
3. Translations of the texts	169
<i>Rūdakī</i>	169
<i>Shahīd Balkhī</i>	175
<i>Kasāyī</i>	176
<i>'Unsurī</i>	177
<i>Farrukhī</i>	177
<i>Manūchihri</i>	179
<i>Firdawsī</i>	181
<i>Abū 'Alī b. Sinā</i>	190
<i>'Umar Khayyām</i>	192
 Bibliography	 194
SUMMARY	201

Коротко об авторе *

Фирюза Ибодуллаевна Абдуллаева — доцент кафедры иранской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, автор десятков научных работ, опубликованных на русском, английском и французском языках.

Закончила Восточный факультет СПбГУ по кафедре иранской филологии, в 1989 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Лексико-грамматическое описание Лахорского тафсира (X в.)», написанную под руководством академика М. Н. Боголюбова.

После окончания аспирантуры была введена в преподавательский штат факультета. Преподает персидский язык (ранненовоперсидский, классический, современный) с привлечением материалов уникальных письменных памятников, хранящихся в рукописных фондах персидских коллекций Санкт-Петербурга (в основном СПбФ ИВ РАН и СПбГУ). Помимо языковых занятий Ф. И. Абдуллаева проводит со студентами семинары и спецкурсы по истории персидской литературы, поэтике и персоязычной шитской историографии.

В сфере ее научных интересов как произведения персидской словесности тысячелетней давности, так и современные произведения светского и религиозного содержания. Ею подготовлены к изданию в так называемой «черной серии» (серия «Памятники письменности Востока») комментированный перевод одного из самых ранних персидских комментариев к Корану «Тафсир-и Кур'ан-и Пак» («Толкование Пречистого Корана», X в.) и серия хрестоматий по персидской классической поэзии (X—XI вв.); вышла в свет ее книга «Жизнь поэта при дворе» об одном из наиболее ярких представителей Газнийского поэтического круга Фаррухи Сиянском (ум. 1038), при ее участии была составлена книга переводов современной персидской поэзии «Новые иранские поэты на берегах Невы».

Вот уже несколько лет Ф. И. Абдуллаева работает над составлением сводного каталога рукописей персидской коллекции Вос-

* Фото Ю. Молодковца (Государственный Эрмитаж).

точного отдела библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, насчитывающей около 1000 списков по различным областям знания — философии, религиоведению, суфизму, истории, астрономии и астрологии, географии, поэзии, музыке, математике, включая путевые заметки и официальные документы. Изучение персидских рукописей университетского собрания позволило доценту Абдуллаевой написать ряд статей о наиболее ценных памятниках коллекции, опубликованных в различных научных журналах («Manuscripta Orientalia», и др.) и вызывающих особый интерес востоковедов-манускриптологов.

Ф. И. Абдуллаева возглавляет представительство «Российско-иранского культурного общества» в С.-Петербурге, созданное под эгидой посольства ИРИ в Москве. Профессиональные стажировки в университетах Тегерана и Исфагана способствуют повышению ее преподавательской квалификации в области персидского языка, литературы и культуры, а также достижению и укреплению научных и культурных связей между Россией и Ираном.

Серия
«КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА»

Ф. И. Абдуллаева
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПЕРСИДСКАЯ ПОЭЗИЯ
(Тексты, переводы, комментарии)

Учебное издание

ISBN 5-85803-189-7

Набор — *Ф. И. Абдуллаева*
Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Е. М. Денисова*
Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

ЛР 065555 от 05.12.1997 г.
Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 25.09.2001. Формат 60×90 1/16
Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Объем 13 печ. л.
Заказ 4228

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН.
Качество соответствует предоставленным оригиналам.
199034. Санкт-Петербург. 9 линия. 12

